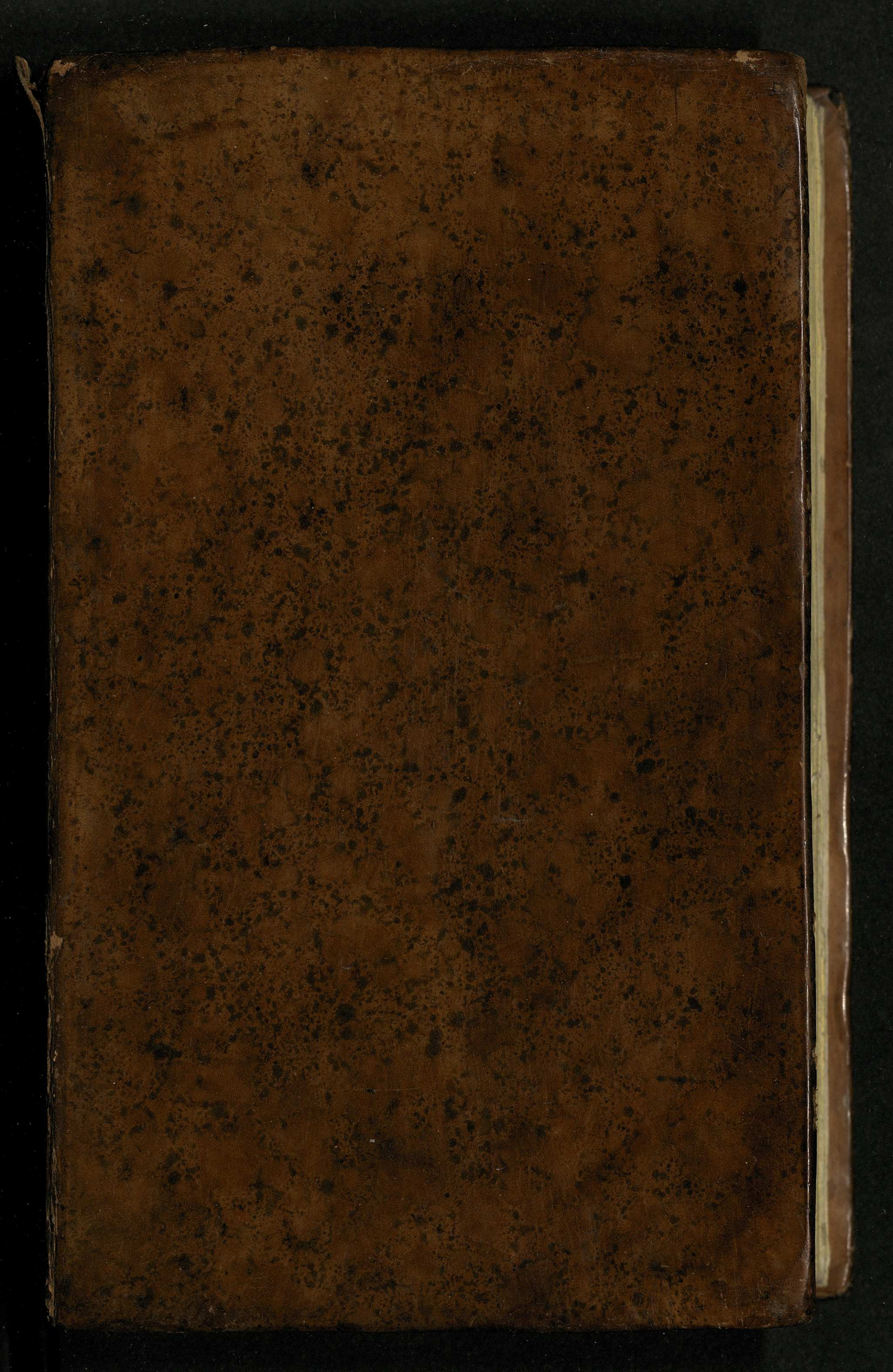
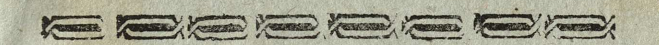

с. 33, 45 -
черн. пятна

Сїяна
или
игра судьбы
Грѣческая повѣсть
Сочин: Г. барона
Билдербека
Москва
Въ Университетск: Типографїи
у Хр: Ридигера и Клаудія
1797

ПРЕДИСЛОВІЕ СОЧИНИТЕЛЯ.

Я не хочу имѣть притворной скромности унижать собственное свое сочиненіе: когда бы я почиталъ его не имѣющимъ никакой пріятности, то бы никогда не выдалъ его въ свѣтъ. И такъ я предаю мою Сіяну на здравое сужденіе людей, имѣющихъ вкусъ, и напередъ подвергаюсь приговору почтеннаго безпристрастія.

Мнѣ извѣстно, что столь же легко написать романъ, сколь трудно сдѣлать хорошій; сей родъ, по мнѣнію моему, требуетъ хладнокровія зрѣлыхъ лѣтъ, основаннаго на опытѣ Философіи, усыпленія страстей, совершеннаго познанія человѣческаго сердца, души чувствительнѣйшей. . . Ж. Ж. Руссо былъ пятидесяти лѣтъ, когда сочинилъ свою Элоизу; но для нѣкоторыхъ людей нужда писать есть изъ самыхъ необходимѣйшихъ нуждъ природы. . . Я сталъ подвластенъ оной.

Разговорѣ придаетѣ болѣе быстроты слогу, жара дѣйствію, яснѣе открываетѣ качества, показываетѣ оттѣнки оныхѣ сѣ большею пріятностію и удобностію, придаетѣ большую силу игрѣ страстей, умножаетѣ имовѣрность, существенность романа, и слѣдственно усугубляетѣ мечтаніе. . . Вотѣ причины, побудившія меня приняться за сей родѣ, которой также имѣетѣ свои затрудненія.

Я полагаю, что Сіяна жила около 96 и 100 Олимпіады, то есть, около 338 и 398 года до нынѣшняго счисленія.

Наконецѣ, что касается до нравственности моего романа. . . то развѣ не поймутѣ меня, когда припишутѣ мнѣ опасныя правила: я чту нравы, обожаю добродѣтель, но гнушаюсь ядовитыми душами, сими стѣсненными умами. . . Я покидаю перо! Чувствительныя и снисходительныя души! читайте и судите меня.

---

* * *

По возложенной отъ Господъ Кураторовъ на меня должности, я разсматривалъ книгу, подъ заглавіемъ: Сїяна, или игра судьбы, *и не нашелъ въ ней противнаго наставленїю, данному мнѣ о печатаемыхъ въ Университетской Типографїи книгахъ.* —

Надворный Совѣтникъ, Профессоръ и Цензоръ

Антонъ Прокоповичъ-Антонской.

СІЯНА,

ИЛИ

ИГРА СУДЬБЫ.

Книга Первая.

О ты, вѣнчающая розами блистательное чело часовъ! о любовь! благословляю тебя!... безъ тебя сіи дѣятельные сыны времени — печальны и единозвучны — подобно погребальному шествію, влачилися бы подъ сводомъ небесъ, никогда не улыбаясь смертнымъ, которыхъ судьбы они показываютъ ... безъ тебя, безъ могущества твоего, погибла бы *Сіяна*, какъ нѣжный цвѣтокъ, поверженный вѣтрами на сухую и знойную скалу... О любовь! будь благословенна во вѣки!...

Агатонъ исторгъ *Лизіаса* отъ неистовства враговъ его. Гордясь столь блистательною побѣдою, *Лизіасъ* хотѣлъ торжествовать сей незабвенный день великолѣпнымъ пиромъ... Изъ друзей его одинъ

только *Агатонъ* не принялъ участія во всеобщей радости. Ученикъ мудраго *Платона*, онъ не нечувствителенъ былъ ко гласу удовольствія; но безчинство Вакху посвященныхъ пиршествъ противно было для чистоты души его. „Позволь мнѣ, „говорилъ онъ *Лизіасу*, которой усильно просилъ его къ себѣ, позволь мнѣ „не раздѣлять твоихъ удовольствій, и „я обѣщаю тебѣ всегда раздѣлять твои „бѣдствія... Ты знаешь, что наши вкусы не одинаковы; молоко, медъ, плоды „моего садика — вотъ ежедневная моя пища: я чувствую, что я поступлю худо, „естьли перемѣню сіе правило, и привыкну къ утонченнѣйшимъ увеселеніямъ... Пѣніе птицъ, журчаніе ручейка, или шумъ отдаленнаго водопада „прельщаютъ, трогаютъ меня... Звуки „вашихъ орудій разслабляютъ душу; „они сдѣланы для слуха нашихъ женъ... „Наконецъ, для меня пріятнѣе прогуливаться на пристани, или бродить по „пріосѣненнымъ берегамъ рѣки, нежели „заключаться въ комнатѣ, чтобъ быть „принуждену хвалить танцовщицу, которая досаждаетъ мнѣ, или приводитъ „меня въ жалость... Прощай, *Лизіасъ*! „придетъ время, когда ты будешь мы-

„ слить подобно мнѣ; я не сдѣлался бы „ твоимъ другомъ, естьли бы не былъ „ въ томъ увѣренъ.„ *Лизіасъ* хотѣлъ упрашивать, но его избавитель отъ него уже удалился. . . О *Агатонъ*! ты не зналъ тогда ни Софиста *Гиллія*, ни прельстительной *Данаи*. . . Твое простое, неопытное сердце совсѣмъ не думало, что нѣкогда ударится оно о тѣ же самые утесы, которые теперь кажутся тебѣ столь мало опасными.

Между тѣмъ, опускающееся во глубину морей солнце бросало уже токмо слабые лучи на верхи высочайшихъ храмовъ Аѳинскихъ. — Крыльцо и передняя *Лизіасова* наполняются рабами, занимающимися приготовленіемъ пира. Одни обременяютъ столы яствами и рѣдкими плодами; другіе наливаютъ огромные сосуды изящнѣйшими винами; иные разставляютъ софы, покрываютъ ихъ богатыми Персидскими коврами; другіе возжигаютъ ѳиміамы и освѣщаютъ пиршественную комнату.

Приходитъ *Лизіасъ* съ гостями своими. — Подлый льстецъ и стихотворецъ — *прихлебатель*, которой наканунѣ сего дня пилъ изъ чаши враговъ его, садятся за его столъ, и до небесъ воз-

носятъ славу имени его. *Лизїасъ* проникнулъ ихъ сердце; онъ бросаетъ на нихъ взоръ, исполненный презрѣнія. . . Уже отверзаетъ онъ уста, чтобы осыпать ихъ укоризнами предъ всѣмъ собранїемъ. . . когда младая невольница, соперница *Гебы*, съ полуобнаженною грудью облокачивается на софу своего господина, подавая ему чашу, увѣнчанную розами. . . *Лизїасъ* улыбается своей любимицѣ, страстно простираетъ къ ней свои объятія. . . выпиваетъ чашу, отдаетъ ей оную съ сладкимъ поцѣлуемъ. . . и забываетъ мщенїе, имъ замышляемое. . . — Мщенїе есть тяжкое, несносное чувствованїе; оно какъ молнія пролетаетъ въ сердце ученика *Епикурова*, и никогда не оставляетъ въ немъ корени. . .

Однакожъ пары *Хїоскаго* вина произвели уже во всѣхъ головахъ изступленїе шумной радости, какъ вдругъ пріятные звуки двухъ флейтъ возвѣстили новыя веселости: одна молодая танцовщица, столь же блистательная, какъ Флора, легчайшая самаго Зефира, выступаетъ съ сладострастною скромностїю, сильнѣйшимъ побужденїемъ веселїя. Восклицанія гостей и имя *Сїяны*, повторяемое въ одно и то же время всѣми устами, воз-

вѣщаютъ ей о производимомъ ею участіи . . . . Она краснѣетъ, причину тому угадываютъ, и восклицанія удвоются. Долженъ ли я отважиться представить предъ глаза портретъ ея? . . . — *Сіяна* не была красавица . . . . *Сіяна* была больше этого . . . она казалась быть рожденною отъ улыбки щастливой любви въ объятіяхъ *Псиши* . . . — Завѣса чувствительности покрывала большіе черные глаза ея, когда душа ея была спокойна: тогда взоръ ея отягчаемъ былъ пріятною томностію; иные сказали бы, что она плакала . . . едва можно было преодолѣвать желаніе прижать ее въ своихъ объятіяхъ, спросить у нее причину ея скорби и плакать вмѣстѣ съ нею . . — Но когда искра увовольствія касалась сердца ея, *Сіяна* преставала быть симъ милымъ, симъ небеснымъ созданіемъ . . . о ней уже не жалѣли, ей удивлялись . . . она трогала душу . . . теперь она говорила чувствамъ, воспламеняла желанія, и всѣ огни сладострастія казались соединенными въ ея взорахъ . . . уста ея подобились распускающейся розѣ; благоуханіе сего цвѣтка не болѣе было пріятно, какъ и дыханіе *Сіяны*; красота ея стана была старшей,

но всѣ ея движенія младшей Граціи . . . Ничто не равнялось съ простотою ея убора. — Бѣлая одежда, складками съ искуствомъ украшенная, являла совершеннѣйшее строеніе членовъ, и, даже сокрывая ихъ, заставляла угадывать божественныя прелести . . . Черные, длинные ея волосы опускались по плечамъ волнующимися кудрями, и закрывали блестящую бѣлизну снѣгоподобной шеи. — Одна роза украшала ея голову, и сей цвѣтокъ, казалося, случайно тутъ находился . . . — Такова была *Сїяна* у себя въ домѣ и среди молодыхъ своихъ подружекъ, досадующихъ, видя ее не нарядно одѣтою и при всемъ томъ всегда прекраснѣйшею . . . Но когда искуство ея требовало блистательнѣйшаго убранства . . . тогда, будучи не столь скромна, очаровательница употребляла на украшенїе себя все усилїе утонченнѣйшаго искуства нравиться . . . тогда всѣ ея прелести совершенно отверсты были жаднымъ глазамъ зрителя . . . Но, казалось, она жаловалась на печальную необходимость открывать столько прелестей, и стыдилася даровъ щедрой природы . . . *Сїяна* обладала единственнымъ дарованїемъ соединять взоръ невинности съ положенїемъ,

нѣчто другое значущимъ . . . быть въ одно время и скромною и сладострастною. И когда ея тѣлодвиженїе показывало замѣшательство уязвленной стыдливости, тогда улыбка сладострастїя лешала на устахъ ея. — *Сїяна* не была сурова . . . Но жертвы, пренесенныя ею *Венерѣ* въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ, были жертвы печальной необходимости, или вѣтренаго своенравїя. — Чувство никогда еще не управляло ею въ выборѣ учиненныхъ ею щастливыми. Сердце ея не имѣло въ томъ ни малаго участїя, и при всемъ томъ *Сїяна* обладала сердцемъ чувствительнымъ, способнымъ къ нѣжнѣйшей привязанности. Врожденная горделивость души ея, благородство ея чувствованїй блистали иногда среди основанїй развращеннаго воспитанїя, какъ молнїя во мракахъ бурной ночи . . . Иногда совершенно предавалась она безчинной радости; по томъ дѣлалась печальна, задумчива; слеза истекала изъ прекрасныхъ очей ея . . . Она убѣгала. — *Сїяна* была непонятное существо. — Вдругъ добродѣтельна, распутна, скромна и развращенна: тысяча страстей, тысяча различныхъ чувствованїй раждались, сражались и истребляли одно другое въ мла-

домЪ ея сердцѣ. — Любви надлежало установить печальную нерѣшимость сего столь нѣжнаго, столь влюбчиваго сердца, и осчастливить прелестнѣйшее свое созданіе.

Сіяна представляла въ пантомимной пляскѣ приключеніе *Аполлона* и *Дафны.* — Она превзошла сама себя. — Какая легкость! какая пріятность! сколько выраженія! вскричалЪ *Лизіасъ*, которой видѣлЪ *Сіяну* въ первый разЪ, и не могЪ утомиться, взирая на нее. — КакЪ прекрасно представлена сія борьба любви и стыдливости! . . . КакЪ хорошо невинность и нѣжность соединены въ семЪ взглядѣ, брошенномЪ изЪ за плеча на преслѣдующаго ее бога! . . . Какая пріятная нерѣшимость! . . . Сіе бѣгство, то медленное, *то* ускоряемое, какЪ хорошо изображаетЪ желаніе и страхЪ быть настиженною! — ВотЪ! она уже молитЪ бога рѣки . . . хорошо! очень хорошо! отмѣнно! . . . Услышано ея моленіе . . . Все это видятЪ, все чувствуютЪ . . . СЪ какою живостію представляетЪ она свое превращеніе! . . . КакЪ она блѣднѣетЪ! — какЪ она трепещетЪ! — Ноги ея превращаются въ корни. Вотще старается она освободить ру-

ки свои, повисшія надъ волнами . . . А сей взоръ . . . сей последній, умирающій взоръ! . . . сія слеза! . . . о *Сіяна*! . . .

Восхищенный, очарованный *Лизіасъ* устремляется къ *Сіянѣ*. . . Уже объятія его готовы принять ее. . . Онъ думаетъ, что онъ ее уже обнимаетъ. — Очаровательница изчезла. . . Старая *Кротила*, услужливая пріятельница *Аѳинскаго* юношества, является для полученія платы за дарованія своей воспитанницы. — *Лизіасъ* нѣчто шепчетъ ей она удаляется.

Лизіасъ едва можетъ скрыть свое волненіе. — Онъ опять садится; но безпокойство его ясно начертано въ его глазахъ, которые ежеминутно, какъ будто сами собою, обращаются къ той двери, въ которую вышла *Сіяна*. — Онъ становится невеселъ, задумчивъ. — Друзья его взглядываютъ одинъ на другаго. . . Дѣлаютъ другъ другу знаки. . . Наконецъ *Гнатонидъ* съ злобною улыбкою говорить начинаетъ:

Ну, *Лизіасъ*! скажешь ли ты мнѣ теперь, будто я слишкомъ выхвалялъ *Сіяну*? . . . Въ другой разъ повѣришь моему слову. . .

МЕНИППЪ.

Онъ ничего не видитъ и не слышитъ!

ГНАТОНИДЪ.

Превращенїе имѣло свое дѣйствїе. . . Что ты объ этомъ думаешь, *Демеасъ*? . . .

ДЕМЕАСЪ.

Согласись же со мною, *Лизїасъ*! что *Сїяна* прекрасна.

ЛИЗІАСЪ (*выходя изъ глубокой задумчивости.*)

Да, ты правду говоришь. . . Это совсѣмъ не возможно. . .

ДЕМЕАСЪ.

Какъ?

ЛИЗІАСЪ.

Не почиталъ ли ты невозможностїю, чтобы *Сїяна* была добродѣтельнѣйшая, чувствительнѣйшая, такъ какъ и прекраснѣйшая изъ *Аѳинскихъ* дѣвицъ?

ГНАТОНИДЪ.

Добродѣтельнѣйшая! . . . Ха, ха, ха! Добродѣтель *Сїяны*! . . . Вотъ прекрасно!

МЕНИППЪ (*насмѣшливымъ голосомъ.*)

Такъ, мой любезный *Лизїасъ*! . . . *Сїяна* имѣетъ нѣкоторой родъ доброде-

тели, весьма почтенной. . . Она всякой день подаетъ тому опыты.

ЛИЗІАСЪ (*съ живостію.*)

Опыты! . . . опыты! чему?

ГНАТОНИДЪ (*хохочетъ.*)

Чему? . . . Ха, ха, ха! . . . Друзья мои! пора намъ итти. . . Не видите ли вы, что *Лизїасъ* начинаетъ грѣзить. . . Онъ едва можетъ открывать глаза, такъ ему хочется спать. — Доброй вечеръ, мой другъ! я пойду, чтобы самому собою посудить о добродѣтели *Сїяны*, и послѣ о томъ тебя увѣдомить. . .

По многихъ другихъ, подобныхъ сему насмѣшкахъ, о которыхъ благопристойность запрещаетъ мнѣ говорить, *Гнатонидъ* видя, что *Лизїасъ* не хотѣлъ его и слушать, спросилъ его насмѣшливо, не велитъ ли онъ чего сказать милой танцовщицѣ, и пошелъ, давъ знакъ *Демеасу* и *Менипу*, чтобы они слѣдовали за нимъ. — Другїе гости давно уже разошлися.

Поступокъ друзей *Лизїасовыхъ* былъ весьма жестокъ; ибо кромѣ того, что *Сїяна* совсѣмъ не заслуживала того презрѣнія, какое они къ ней имѣли, имъ

надлежало довольно знать своего друга, чтобы почувствовать, что такой поступокъ долженъ былъ оскорбить его. Здѣсь мнѣ кажется пристойно познакомить короче моихъ читателей съ любезнѣйшимъ и честнѣйшимъ изъ всѣхъ *Аѳинянъ*, но распутнымъ человѣкомъ.

Лизїасъ обладалъ всѣмъ, что надобно для вѣтренаго человѣка; даже видъ его и поступки нѣсколько сїе показывали, и при всемъ томъ никто не почиталъ его за такого. — Онъ умѣлъ всѣмъ требованїямъ своимъ давать столь забавной, столь неожидаемой оборотъ, что не возможно было разсердиться на него. Имѣя болѣе прїятное, нежели прекрасное лице, скрывалъ онъ подъ видомъ нерадивости свой вкусъ къ наряду; онъ тщеславился правилами, но отъ чрезмѣрной своей вѣтренности дѣлалъ тысячу дурачествъ; сердце его было бездна странности и противорѣчїй. — Будучи чувствителенъ до чрезвычайности, съ чувствами и вкусомъ совершеннаго Епикурїанца, онъ представлялъ собою послѣдователя Платонова и восхищался великими чувствованїями. . . Онъ показывалъ себя презирающимъ женщинъ, и не могъ ни дня прожить безъ нихъ. —

Имѣя все, потребное для истинной любви, до сего времени не былъ онъ способенъ къ твердой привязанности. — Одинъ предметъ привлекалъ его къ себѣ. . . Онъ мнилъ, что онъ обожаетъ его. . . На другой день забывалъ его совершенно. . . Страсть его, въ которой сначала не зналъ онъ предѣловъ, уменьшалась, или увеличивалась каждый разъ, смотря по тому, болѣе или менѣе оказывали ему сопротивленія. — Мы будемъ имѣть случай увидѣть сію черту *Лизіасова* свойства, открывающуюся во всемъ своемъ пространствѣ въ соединеніи его съ *Сіяною*. — [illegible]угая цѣпь произшествій — и на вѣрное страсть его къ ней охладѣла бы дней черезъ восемь. . . И такъ болѣе обстоятельства, нежели прелести и достоинство сей единственной дѣвицы, воспламенили непостояннѣйшаго человѣка, котораго впрочемъ привлекла къ ней пріятная и могущественная симпатія.

Симпатія! верховное согласіе двухъ душъ, сотворенныхъ прежде времени для взаимной любви. . . для одинаковыхъ чувствій. . . О! какъ я жалѣю о безчувственномъ человѣкѣ, которой дерзаетъ отвергать божественное твое су-

ществованіе! . . . котораго сердце никогда не встрѣчало сердца, могущаго связаться съ нимъ цѣпію братской любви! . . . Онъ подобенъ слѣпцу, ощупью въ семъ прекрасномъ мірѣ ходящему. . . Ахъ! сколько разъ, когда мрачная задумчивость стѣсняла мое сердце, когда душа моя преклонялась подъ бременемъ страданій. . . сколько разъ выходилъ я изъ уединеннаго моего жилища и углублялся во мрачность лѣсовъ! . . . Тишина, величество сихъ безмолвныхъ сводовъ. . . задумчивое спокойствіе природы, все сочувствовало мою горесть. . . но я заблуждаюсь. . .

ЛИЗІАСЪ (*одинъ.*)

(*Поздная ночь. — Луна освѣщаетъ часть комнаты.*)

Какое неизвѣстное чувствованіе колеблетъ. . . терзаетъ меня? — Что можетъ быть причиною сей столь живой, но столь сладостной тоски, которая мучитъ меня съ тѣхъ поръ, когда мои взоры встрѣтились со взорами *Сіяны*? . . . Милое созданіе! . . . Какъ прелестенъ взоръ ея! . . . кажется, онъ умираетъ на ея рѣсницахъ. . . Однако же никогда еще женской взоръ не причинялъ

во мнѣ столь великаго волненія! — Какъ сильно билось мое сердце, когда я смотрѣлъ на нее! . . . Я пылалъ. . . хладѣлъ. . . трепеталъ. . . Глаза мои орошались отъ сладострастія. . . . слеза упала изъ нихъ на мою руку. — Я ужаснулся. . . Не знаю, для чего страшился я и желалъ въ одно время, чтобы *Сіяна* примѣтила мое смущеніе. . . Я возвелъ на нее взоры! . . . Какая минута! я видѣлъ. . . такъ, я видѣлъ *Сіяну* въ задумчивости; руки ея нерадиво были сложены, а глаза устремлены на мою руку. . . По томъ вышедъ вдругъ изъ сей столь сладкой задумчивости, въ которой глаза мои, душа моя, все мое существо зрѣло могущественную и непреоборимую прелесть. . . она тихонько отерла слезу. . . Снова взглянула на меня съ небесною улыбкою. . . поблѣднѣла, и устрашенная удалилась подобно какъ отъ краевъ бездны . . . Одинъ я примѣтилъ сіе мгновенное смятеніе *Сіяны* . . . Ахъ! какъ было кратко сіе небесное наслажденіе, котораго разумъ мой не могъ даже впечатлѣть въ воображеніи . . . и которымъ сердце мое питалось въ первой разъ! . . . какъ оно было кратко! . . . Я воспоминаю о немъ,

какъ о привидѣнiи, но столь сладостномъ! . . . столь сладостномъ, что всѣ прелести существенности не могутъ съ нимъ сравниться . . .

(Онъ прохаживается тихо. — По томъ опирается о столбъ, и нѣсколько минутъ стоитъ въ задумчивости.)

И такъ должно ли мнѣ любить *Сiяну*? — Любовь ли я чувствую къ ней? — Нѣтъ! . . . нѣтъ! . . . участiе, которое я въ ней принимаю, не льзя назвать любовiю . . . Сiе участiе превосходитъ все то, что я когда либо чувствовалъ . . . Ахъ! я болѣе, нежели люблю *Сiяну* . . . то, что я къ ней чувствую . . . то, что я къ ней чувствую! ахъ! какъ назвать сiе сладостное мученiе души . . . сiе унылое сладострастiе . . . сiю неизобразимую прелесть, которая сообщилася всему моему существу, и которая возноситъ меня превыше меня самаго, съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ сiю небесную дѣвицу? . . . Нѣтъ, нѣтъ, я не люблю *Сiяны* . . . Мысль обладанiя меня возмущаетъ . . . раздражаетъ меня . . . И при всемъ томъ первый знакъ любви есть желанiе обладать . . . Я не имѣю желанiй . . . и такъ я не люблю . . . (*Съ живостiю.*) Ни для чего на свѣтѣ я

не захочу, чтобы *Сіяна* любила другаго . . . чтобы другой . . . боги! какой свѣтъ разсѣялъ мрачность, сокрывавшую меня отъ меня же самаго! . . . Прости мнѣ, *Сіяна!* прости мнѣ, естьли я осмѣлился *хотя* одну минуту сомнѣваться *въ любви моей къ тебѣ* . . . Завтра . . . *такъ, завтра съ твоихъ губъ* соберу я блаженство на цѣлой вѣкъ . . . или услышу изъ устъ твоихъ опредѣленіе моей смерти . . .

Довольный предпріятымъ намѣреніемъ, *Лизіасъ* бросился наконецъ въ постелю; разумъ его занятъ былъ *Сіяною*; онъ составлялъ тысячу предпріятій, которыя каждой разъ столь же скоро отметались, сколь скоро были замышляемы. — Либо старался онъ съ злобнымъ удовольствіемъ унизить ее въ собственныхъ своихъ глазахъ; по томъ на самаго себя негодуя, дѣлалъ себѣ жесточайшія укоризны, и оканчивалъ тѣмъ, что просилъ у нее прощенія . . . Либо восторженный разумъ его возносилъ ее до небесъ, онъ дѣлалъ изъ нее божество, и сердце его обожало твореніе собственнаго воображенія его . . . По томъ разсуждая о состояніи ея, о родѣ ея жизни, о словахъ друзей своихъ, вздумалъ онъ

уѣхать въ деревню и тамъ излѣчиться отъ страсти, которая привела бы его въ посмѣянїе у всѣхъ *Аѳинянъ* . . . Но сїе прекрасное намѣренїе вскорѣ было отложено, дабы напередъ насладиться удовольствїемъ завтрешняго свиданїя съ нею . . . Первые лучи дневнаго свѣтила застали его въ той же нерѣшимости, и въ большемъ смущенїи, нежели въ какомъ онъ былъ прошедшаго дня. — Наконецъ онъ встаетъ, призываетъ любимаго своего невольника, приказываетъ ему поспѣшно сдѣлать всѣ прїуготовленїя къ отъѣзду . . . Садится въ колесницу и отправляется въ сельскїй домъ, находившїйся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ *Аѳинъ*. — Оставимъ *Лизїаса* въ пути, и посмотримъ, что произошло въ сїе время въ домѣ *разумной Кротилы.*

СІЯНА

(*Возвращается отъ Лизїаса; стремительно входитъ въ свой покой, минуту стоитъ неподвижно предъ зеркаломъ, потомъ бросается на софу.*)

И такъ я наконецъ увидѣла сего *Лизїаса*, сего любезнаго человѣка, котораго описали мнѣ столь опаснымъ . . . Пагубное любопытство! . . . оно дорого мнѣ будетъ стоить . . . О *Сїяна*! *Сїяна*! мо-

гла ли ты подумать, чтобы сердце твое столь легко покорилось? Что со мною сделается? . . . любить . . . и быть презираемою тѣмъ, кого любишь . . . обладать сердцемъ чувствительнымъ, можетъ быть и честнымъ . . , и возбуждать одни токмо постыдныя желанія . . . Нещастная *Сіяна!* смерть предпочтительнѣе ужасной твоей судьбины . . . (*Молчаніе.*) Но не уже ли я заслуживаю столько презрѣнія? . . . Точно ли *Лизіасъ* видѣлъ во мнѣ только безчестную, подлую дѣвку? — *Дочь Кротилы* . . . *Взоръ* его, сей столь милой взоръ, показывалъ мнѣ не столь суровое чувствованіе! . . . Сей злобной улыбки, раждающейся отъ удовольствія, соединеннаго съ *презрѣніемъ* . . . сего презрительнаго *взгляда*, какой бросилъ на меня *Гнатонидъ*, я не примѣтила въ *Лизіасѣ* . . . Пріятная радость, нѣжное участіе придавало благородству его поступокъ восхитительную прелесть . . . Какъ малы передъ нимъ были друзья его! . . . О *Лизіасъ!* ты, которой однимъ взглядомъ, однимъ движеніемъ умѣлъ овладѣть сердцемъ нещастной *Сіяны*, почто не можешь ты видѣть того, что происходитъ теперь въ семъ печальномъ сердцѣ,

растерзанномъ угрызѣніями прошедшаго, и мрачными предчувствіями плачевнаго будущаго? Безъ сомнѣнія ты сжалишься надъ тою, которая тебя любитъ . . . Сострадательная душа твоя будетъ тронута возмущающимъ меня смятеніемъ, и чрезмѣрностію моего нещастія . . .

(Рыданія ея мѣшаютъ ей продолжать. — Она закрываетъ лице свое обѣими руками. — По томъ съ стремительностію встаетъ)

Нѣтъ, *Лизіасъ*! я не прошу твоего сожалѣнія! — Нѣтъ, я этого не хочу! . . Обезчещенная *Сіяна*. . . *Сіяна*, которая, отрекшись отъ добродѣтелей пола ея, лишилась правъ своихъ на почтеніе всякой честной души. . . *Сіяна* предпочитаетъ презрѣніе сей оскорбительной жалости, которая возмущаетъ горделивость души моей! . . . *Лизіасъ*! я не заслуживаю такого чрезмѣрнаго уничиженія! . . . Не уже ли захочешь ты наказать меня за то, что я тебя люблю? . . . Ахъ! нѣтъ, ты не будешь такъ свирѣпъ. . . ты не лишишь меня сладостнаго утѣшенія почитать себя судимою слишкомъ строго! почитать себя болѣе нещастною, нежели виновною. — О *Лизіасъ*! въ самомъ тво-

емъ ко мнѣ презрѣнїи, нещастная. . . . каждый день будетъ выискивать новыя причины, чтобы любить тебя болѣе . . .

Сїя послѣдняя мысль, представившаяся во всей своей непрїятности восторженному ея воображенїю, исторгла изъ очей ея потоки слезъ. Почувствовавъ нѣкоторую отраду, она сѣла опять на софу, и въ молчанїи предалась всѣмъ безпокойнымъ своимъ чувствованїямъ, колебавшимъ въ первый разъ младое сердце ея.

Можетъ быть почтутъ чрезвычайнымъ, что *Сїяна*, одинъ только разъ увидя *Лизїаса*, никогда не говоря съ нимъ, могла столь мгновенно объята быть такою сильною страстїю. . . страстїю, которой признаки по свойству своему не должны были имѣть ничего общаго съ извѣстнымъ нравомъ воспитанницы *Кротилиной*. . . Я могъ бы сослаться на силу симпатїи, и на ея дѣйствїя, столь же быстрыя, сколь и чрезвычайныя; но я болѣе люблю представлять ощутительнѣйшїя причины, которыя покажутся не такъ мечтательными большей части моихъ читателей; главнѣйшую тому причину нахожу я въ великой славѣ *Лизїаса*; оная удобно мо-

гла учинить живое впечатлѣнїе на особу такого свойства, какое имѣла *Сїяна*. Сїя чудная дѣвица — которая, въ другомъ положенїи, при воспитанїи не столь развращенномъ, могла сдѣлаться героинею своего вѣка, соперницею *Аспазїи* — каждый день слышала о *Лизїасѣ*, какъ о молодомъ человѣкѣ, любезнѣйшемъ и мужественнѣйшемъ изъ *Аѳинянъ*. Легко могло статься, что похвалы, безпрестанно о немъ повторяемыя, возбудили въ ней пламенное желанїе узнать его. Она изыскивала къ тому всѣ случаи; но какая-то судьба удаляла всегда *Лизїаса* отъ ея любопытства. На зрѣлищѣ, въ общенародныхъ гульбищахъ, наконецъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ *Сїяна* надѣялась встрѣтиться съ нимъ, или выходилъ онъ, или садился такъ, что его нельзя было примѣтить; чѣмъ безполезнѣе были попеченїя *Сїяны*, тѣмъ болѣе увеличивалось въ ней желанїе достигнуть своей цѣли; она краснѣла съ досады каждой разъ при произнесенїи имени его, а между тѣмъ не могла утомиться слушать о немъ; самыя мѣлочныя обстоятельства занимали ее; она всегда дѣлала о немъ тысячу вопросовъ; ея положенїе было странно, неизъяснимо;

но она отличалась особенною разнообразностiю своего нрава.

Между тѣмъ *Лизiасъ* присовокупилъ лавры *Марсовы* къ миртамъ *Венериньмъ*; предводительствуемый имъ отрядъ, занявъ важное мѣсто, одержалъ побѣду, отъ которой зависѣлъ жребiй войны. *Лизiасъ* торжественно вступаетъ въ стѣны своего отечества; весь народъ устремляется къ нему; *Сiяна* въ толпѣ . . . она внемлетъ тысящи гласовъ, повторяющихъ имя *Лизiаса* . . . Сердце ея сильно волнуется; она ищетъ глазами юнаго героя . . . но колесница его пролетѣла мимо ее съ быстротою молнiи . . . она не успѣла и взглянуть на него . . . *Сiяна* удаляется въ горести, и съ сей минуты безпрестанно занимается *Лизiасомъ*; думаетъ о немъ ежедневно; помышляетъ о тысящи предпрiятiяхъ, одно другаго незбыточнѣйшихъ . . . Ночью странные сны представляютъ ей тѣ же самыя мечты, которыя родилися въ мысляхъ ея во время уединенныхъ ея прогулокъ . . . Она видитъ его либо полагающаго пожатые имъ лавры къ ногамъ ея, либо покоющагося въ ея объятiяхъ . . . слышитъ изъ устъ его признанiе чистѣйшей любви. Сiе произведенiе соб-

ственнаго воображенія ея единственно ее занимаетъ . . . она не можетъ оставить его ни на минуту . . . вскорѣ желаніе познакомиться съ симъ столь совершеннымъ въ глазахъ ея смертнымъ, дѣлается не столь сильнымъ, не столь мучительнымъ . . . Повѣрятъ ли тому? Она довольна призракомъ своего любовника . . . Но вскорѣ произшествіе, къ несщастію весьма обыкновенное въ *Аѳинахъ*, влечетъ невинную чувствительность *Сіяны* къ предмету не столь мечтательному.

Непостоянные Аѳиняне готовятся опровергнуть обожаемаго ими идола; *Лизіасъ*, наперсникъ ихъ, преданный буйству враговъ своихъ, осуждается на вѣчное изгнаніе При семъ ужасномъ извѣстіи, блѣдная, смущенная *Сіяна*, носящая въ сердцѣ смерть, летитъ изъ своего жилища къ общенародной площади. Лобное мѣсто не было еще занято; безчисленное множество народа окружало его; подобно волнамъ бурнаго моря, разныя стороны тѣснились, ссорились, отторгали другъ друга, и ропотъ, то глухой, то усугубляющійся, возвѣщалъ чрезмѣрное колебаніе умовъ. — Трепещущая *Сіяна* нѣжными своими руками ста-

рается открыть себѣ путь сквозь толпу; ее отталкиваютъ . . . слезы досады текутъ изъ очей ея . . . она еще употребляетъ усилїе, и наконецъ становится на такомъ мѣстѣ, съ котораго можетъ видѣть все собранїе; закрытая покрываломъ, она стоитъ вмѣстѣ съ *Кротилою*, которая послѣдовала за нею. — Между тѣмъ одинъ изъ враговъ *Лизїасовыхъ* восходитъ на лобное мѣсто, изчисляетъ статьи обвиненїя и говоритъ противъ него съ краснорѣчїемъ; черныя Евмениды, кажется, потрясаютъ надъ главою его адскими своими пламенниками . . . *Сїяна* не можетъ слышать за отдаленностїю словъ его . . . всѣ черты лица ея показываютъ величайшее безпокойство . . . Глаза ея пожирали Оратора . . . Мгновенно слышится въ собранїи шумъ, подобный шуму бури, нечувствительно приближающейся . . . вскорѣ сей шумъ становится сильнѣе . . . наконецъ явственно слышны сїи слова, повторяемыя тысящами голосовъ: — *Да изгонится навсегда Лизїасъ! да изгонится изъ Аѳинъ!* . . .

Едва произнесено было пагубное сїе опредѣленїе, *Сїяна* лишилась чувствъ; *Кротила* прїемлетъ ее въ свои объятїя

и выноситъ . . . Пришедъ въ себя, она осыпаетъ горькими укоризнами неблагодарность и непостоянство Аѳинянъ, когда новыя восклицанія остановляютъ движенія гнѣва ея, и привлекаютъ къ себѣ все ея вниманіе. Шумъ приближается . . . *Кротила* бѣжитъ къ дверямъ, и почти тотчасъ возвращается, вопія: *онъ торжествуетъ! . . . торжествуетъ!* — Кто? . . . вопрошаетъ трепещущая *Сіяна.* — *Лизіасъ!* краснорѣчивый *Агатонъ* вступился за него, и подлые его враги едва избѣгли мщенія разъяреннаго народа, попустившаго обмануть себя. — Да будутъ безсмертные боги благословенны во вѣки! вскричала *Сіяна*, и опять упала на софу.

Въ сію минуту приходитъ отъ *Лизіаса* невольникъ съ прозьбою, чтобы младая *Сіяна* пришла къ нему украсить пиръ, которой давалъ онъ сего же вечера друзьямъ своимъ . . . *Украсить его пиръ!* повторяетъ *Сіяна* съ слезою въ очахъ, танцовщицѣ! . . . И такъ должно будетъ плясать передъ *Лизіасомъ!* . . . Ахъ! не мое ли это ремесло? . . . — Въ первый разъ почувствовала *Сіяна* нѣчто низкое въ семъ очаровательномъ искуствѣ; никогда не убиралась она съ та-

кимъ тщанїемъ, и никогда не была столь недовольна своею уборкою; чѣмъ болѣе желала быть прелестною, тѣмъ менѣе надѣялась успѣховъ . . . Дыханїе ея было стѣснено, она принуждена была опираться на *Кротилу*, и на каждомъ шагу останавливалась, идучи къ *Лизї-асу* . . . Читателямъ моимъ извѣстно прочее, и я довольно, кажется мнѣ, оправдалъ себя противъ укоризны, которую строгой судитель имѣлъ право учинить мнѣ.

*

Вошедъ, *Кротила* находитъ младую свою воспитанницу, печально лежащую на софѣ; слѣды пролитыхъ ею слезъ были еще напечатлѣны на щекахъ ея. — Она приняла старушку съ принужденною улыбкою, но не перемѣняя положенїя. —

КРОТИЛА (*стоя предъ Сїяною.*)

Какъ ты мила, любезная моя *Сїяна*! . . . Какую неподражаемую прїятность умѣешь ты придавать даже малѣйшему своему движенїю! . . . какая божественная сладость разливается по всей тебѣ! . . . Щастливы тѣ, которые дерзаютъ прижимать тебя въ своихъ объятїяхъ . . .

но еще щастливѣе тотъ, кого будетъ любить твое сердце. . .

СІЯНА.

Любить! . . . смѣетъ ли любить *Сїяна*?

КРОТИЛА.

Смѣетъ ли она? . . . Какая мысль!... Лучше спроси меня, смѣешь ли ты быть прекрасною? . . . Красота есть даръ боговъ . . . забавы суть рабы ея, сладострастїе вѣрная и любезная ея подруга... а любовь съ улыбкою переплетаетъ миртовыми и розовыми цѣпями щастливый кругъ блистательнаго ея существованїя . . . а ты, *Сїяна*! . . . ты прекраснѣйшая, прелестнѣйшая изъ *Аѳинскихъ* дѣвушекъ, ты не осмѣлишься послѣдовать склонностямъ твоего сердца?... ты не осмѣлишься?

СІЯНА.

Ты меня не разумѣешь, *Кротила*!... Ахъ! какъ тебѣ можно разумѣть меня!... знаешь ли ты, что значитъ любить, *Кротила*?

(*Тутъ старуха смотритъ на свою воспитанницу съ лукавою улыбкою.*)

Ахъ! сїя улыбка . . . . сїе движенїе показываетъ мнѣ, что ты не знаешь...

КРОТИЛА.

Не ряхнулась ли ты ума, *Сіяна?* … дѣлать мнѣ такой вопросъ! … мнѣ! …

СІЯНА.

Въ самомъ дѣлѣ, я могла бы и безъ того обойтися … (*она встаетъ медлительно, приближается къ зеркалу, и снимаетъ розовой вѣнокъ съ головы своей.*) За нѣсколько часовъ эти розы были такъ свѣжи, такъ блистательны … Пальцы мои къ нимъ прикасались … и онѣ завяли … Ахъ, *Кротила!* красота есть совсѣмъ не то, что ты сказала! … она есть весьма печальный даръ боговъ … Когда кто бѣденъ … пусть тотъ имѣетъ чувствительное сердце … (*тихо*) и *Кротилу* пріятельницею. …

(*Она отворачивается, чтобы отереть слезы.*)

КРОТИЛА (*хохочетъ*).

Подлинно, моя милая! слушая всѣ эти глупости, подумаешь, что ты дочь *Платона*, или котораго нибудь изъ нашихъ угрюмыхъ Философовъ, которые безпрестанно кричатъ противъ забавъ, и прославляютъ добродѣтель, для того что они не могутъ сыскать случая на-

рушить оную ... Оставь эти нелѣпости, *Сїяна*! ... Такая жалкая роля не пристала такому прекрасному личику... Не первый ужъ разъ вижу я въ тебѣ такую странность; но по щастїю ты скоро приходишь сама въ себя ... Не повѣришь, какъ къ тебѣ это не пристало ... Ты нахмуриваешься? ... Какїе глазки! какъ они печальны! ... (*беретъ ее за руку*) *Сїяна*! взгляни на меня ... пожалуй будь разсудительнѣе ... ты знаешь, что я тебя люблю ... что я хочу только твоего щастїя...

СІЯНА (*отнимая руку свою съ живостїю*).

Моего щастїя! знаешь ли ты, что такое щастїе? ... знаешь ли ты настоящую тяжесть этого слова ... Ахъ! мнѣ все еще прїятно вѣрить, что ты, обманывая меня, сама обманываешься ... что путь, усѣянный розами, на которомъ привела ты въ заблужденїе мою безразсудную юность, омрачилъ глаза твои ... Однакожъ, *Кротила*! за чѣмъ не оставила ты меня въ щастливой нищетѣ, изъ которой, какъ говоришь ты, я извлечена тобою? ... можетъ быть я была бы неизвѣстна, но была бы щастлива; сердце мое въ томъ меня увѣряетъ...

КРОТИЛА.

Твое сердце!... о! оно заставляетъ тебя говорить много пустаго, естьли оно же тебѣ внушило всѣ тѣ дурачества, которыя ты насказала и еще наскажешь; ибо я вижу, что ты хочешь показать мнѣ свое краснорѣчїе; но я тебѣ напередъ говорю, что все это будетъ напрасно... я тутъ ничего не понимаю... однакоже ты можешь продолжать, естьли тебѣ угодно... Я право не помѣшаю тебѣ... это будетъ не ловко.

СІЯНА (*съ жаромъ*).

Ты хочешь оскорбить меня, *Кротила*!... обманываешься; мнѣ жаль тебя... ты меня не разумѣешь..., тѣмъ лучше!... я горжусь тѣмъ, что сердце твое не создано разумѣть моего...

КРОТИЛА (*оскорбленная*).

Неблагодарная, суетная!... кто даетъ тебѣ право такъ говорить мнѣ?... не уже ли терпѣливость, съ какою я до сихъ поръ сносила временныя глупости безсмысленной твоей головы?... не уже ли ласковость, съ которою я обходилась съ тобою?... или спокойная и прїят-

ная жизнь, которою ты наслаждаешься посредствомъ моихъ попеченій?... Знай, что умирающая мать твоя отдала мнѣ власть свою надъ тобою... знай, что безъ меня гнила бы ты теперь во прахѣ... что ты едва имѣла бы какое нибудь рубище для своего прикрытія... а можетъ быть и умерла бы уже съ голоду и бѣдности.

СІЯНА (*тронутая*).

Какъ! ты говоришь, что ты имѣешь власть надо мною? имѣешь ее отъ моей матери?... Да простятъ тебѣ боги обиду, наносимую праху ея!... Тебѣ ли знать сердце матернее?... Ахъ! какъ ни была бы велика нѣжность ея къ своей дочери, тысячу разъ предпочла бы она смерть ея уничиженію!... О ты, отъ которой нещастная *Сіяна* имѣетъ пагубный даръ жизни! прости!... но въ какія руки отдала ты дочь свою?...

КРОТИЛА.

Неблагодарная! благодѣтельницѣ, извлекшей тебя изъ нищеты, на которую осуждала тебя судьба...

СІЯНА.

Изъ нищеты!... Ахъ! какъ пріятно было бы мнѣ раздѣлять ее съ

моею матерью! ... она не научила бы меня бѣдственному искуству возноситься выше своего состоянія ... она не имѣла бы постыднаго удовольствія потушать во мнѣ всякое чувствованіе добродѣтели и честности ... она руководила бы мою неопытность, а не употребляла бы ее во зло ... она раздѣляла бы съ своею дочерью хлѣбъ бѣдности ... Незнаема, но щастлива была бы я въ моей нищетѣ; всѣ дни мои были бы радостны ... всѣ ночи мои спокойны ... упреки раздраженной совѣсти не возмущали бы теченія невинной моей жизни ... Будучи богата своею добродѣтелію, я могла бы надѣяться пріобрѣсти священное наименованіе супруги и матери ... почтеніе моихъ согражданъ ... нѣжность дѣтей моихъ ... (*молчаніе; она продолжаетъ съ глубочайшею горестію*) *Кротила!* безчестная *Кротила*! ты не продала бы чести моей за злато ... щастливая моя невинность не увяла бы отъ ядовитаго дыханія богатаго, распутнаго человѣка ... Я была бы всегда добродѣтельна, даже и тогда, когда не знала бы, что есть порокъ, или добродѣтель ... я не была бы унижена, презрѣна, доведена до того, что завидую жребію

послѣдней гражданки *Аѳинской* . . . и, чтобы все сказать однимъ словомъ, я не была бы достойною воспитанницею *Кротилы*.

КРОТИЛА (*съ яростію поднимаетъ руку.*)

Сіяна! Сіяна!

СІЯНА.

О! я презираю твои угрозы . . . я не боюсь твоей ярости! ты не сдѣлаешь меня ни презрѣннѣе, ни нещастнѣе! . . .

(*Стучатся крѣпко въ двери*).

КРОТИЛА.

Кто тамъ? кто тамъ? . . .

ГНАТОНИДЪ (*на улицѣ.*)

Отвори мнѣ, *Кротила*! поскорѣе . . .

СІЯНА (*удерживая Кротилу.*)

Боги! . . . *Гнатонидъ*! Ахъ! *Кротила*! что ты хочешь дѣлать? . . . Любезная *Кротила*! заклинаю тебя, не отпирай этому безумному . . . онъ пьянъ! . . .

КРОТИЛА.

А! вотъ теперь *любезная Кротила*! . . . Какъ же моя красавица умѣетъ умягчаться въ нуждѣ! . . . Нѣтъ,

моя милая! ты столько разохопилась говорить, что очень будетъ жаль, естьли ты не будешь имѣть поболѣе слушателей . . . какъ онъ станетъ удивляться! . . . танцовщица философка — это дѣло не шуточное! . . . ха, ха, ха!

(*Она старается вырваться.*)

СІЯНА.

Кротила! именемъ боговъ . . . Неужели ты хочешь моей смерти? . . .

КРОТИЛА (*смѣется еще громче*).

Твоей смерти . . . ахъ! вотъ и изъ трагедіи . . . это высокопарно . . . но жаль будетъ, естьли ты станешь проповѣдывать пустымъ стѣнамъ . . . Постой, пусть *Гнатонидъ* будетъ судіею твоихъ рѣчей . . . онъ знатокъ!

СІЯНА (*на колѣнахъ.*)

Кротила! . . . естьли правда, что умирающая мать моя ввѣрила меня твоимъ попеченіямъ . . . естьли твое сердце когда нибудь расположено было въ пользу нещастной *Сіяны* . . . заклинаю тебя . . . не предавай меня въ руки этого бѣшенаго. . .

ГНАТОНИДЪ.

Отопри же, *Кротила!* . . . отопри. . .

СІЯНА (съ жаромъ.)

Нѣтъ, *Кротила*! . . . нѣтъ, прошу тебя . . . я умру отъ этого съ печали. . .

КРОТИЛА (*насмѣшливымъ голосомъ.*)

Бѣдное дитя! . . . право, я не думала, чтобъ ты была такъ глупа.

(*Она вырывается и подходитъ къ дверямъ*).

СІЯНА.

Кротила! о небо! . . . (*хочетъ ее удержать; но упадаетъ на полъ . . . поспѣшно встаетъ . . . бросается къ ножу, которой увидѣла на столѣ, и прячетъ его въ платье.*) Ты будешь моимъ избавителемъ . . . *О Лизіасъ*! или я пріобрѣту почтеніе . . . или въ нѣсколько минутъ сіе сердце . . . не станетъ болѣе любить тебя. . .

СІЯНА, ГНАТОНИДЪ, КРОТИЛА.

ГНАТОНИДЪ.

Здравствуй, милая *Сіяна*! . . . (*приближаясь обнять ее*) ты меня отталкиваешь! . . . какъ же ты упряма! . . . однако же ты по чести мила! . . . садись же на софу . . . садись же . . . (*онъ старается посадить ее.*)

КРОТИЛА.

Ну же, моя милая! будь умна.

СІЯНА (*стоя передъ Гнатонидомъ.*)

Я буду умна . . . *Гнатонидъ*! я не имѣю права оскорбляться наглостію твоихъ поступокъ . . . ты можешь презирать меня безъ наказанія . . . Ахъ! я тебѣ дала на это власть . . . ты можешь даже употребить ее во зло . . . но ежели дерзкою рукою . . . ахъ! трепещи, *Гнатонидъ*! . . . я не устрашусь отмстить на тебѣ заблужденіе моихъ чувствъ . . . заблужденіе моего разума . . . сердце мое никогда не было виновно . . . Ахъ! могло ли оно быть виновнымъ, когда *Гнатонидъ* покоился въ моихъ объятіяхъ . . .

(*Гнатонидъ, будучи неподвиженъ отъ удивленія, кажется, окаменѣлъ на софѣ; Кротила спряталась въ уголъ.*) *Сіяна* продолжаетъ важнымъ голосомъ:

Какъ ужасенъ порокъ! . . . какъ онъ презрителенъ! . . . Ахъ, *Гнатонидъ*! ежели бы ты могъ теперь себя видѣть, ты покраснѣлъ бы передъ самимъ собою . . . Не уже ли ты тотъ смертный, тотъ полубогъ, которой умѣлъ ослѣпить меня . . . очаровать? . . . Ибо не

думай, *Гнатонидъ*! чтобы *Сїяна* могла тебя когда нибудь любить . . . можетъ быть она думала такъ . . . Но какъ презрительна казалась мнѣ иногда любовь! . . . какъ горько и чувствительно было мнѣ воспоминанїе сихъ удовольствїй! . . . потому что я думала любить *Гнатонида* . . . Бѣдная, бѣдная *Сїяна*! какїя пагубныя слѣдствїя имѣла для тебя печальная твоя неопытность... Истинная любовь! . . . сїя весна щастїя! но я безславлю имя ея, произнося оное передъ тобою! . . . Бѣги, *Гнатонидъ*!... бѣги изъ сего проклятаго жилища, гдѣ ты подъ розами удовольствїя столь долго скрывалъ отъ меня змѣй угрызѣнїя . . . Я обезчещена, — знаю . . . обезчещена тобою . . . но ты стократъ болѣе безчестенъ . . . бѣги, говорю я тебѣ! . . .

Сїяна внѣ себя упадаетъ на креслы; тяжко ея дыханїе, блѣдны ея щеки; все тѣло ея трепещетъ; глаза ея неподвижны; каждую минуту готова она лишиться чувствъ; наконецъ двѣ крупныя слезы текутъ по щекамъ ея, которыя нечувствительно покрываются румянцемъ; она бросаетъ около себя изумленный взоръ, устремляетъ его на

Гнатонида — трепещетъ — старается встать — не можетъ — наконецъ встаетъ, и бросается къ ногамъ его.

СІЯНА (*внѣ себя.*)

О *Гнатонидъ*! взгляни на мои слезы! . . . взгляни на ужасное состоянїе, въ которое . . . но нѣтъ, я хочу лучше вѣрить, что мы оба были въ заблужденіи . . . Мнѣ пріятно увѣрять себя, что смертный, похитившій на щекахъ моихъ первый поцѣлуй любви, не былъ моимъ прельстителемъ ... Докажи это, *Гнатонидъ*! . . . докажи, что ты имѣешь чувствительное сердце, которое умѣетъ жалѣть о угрызѣніяхъ совѣсти, и полюбитъ нѣкогда добродѣтель. . .

ГНАТОНИДЪ (*смятенный, взглядывая попеременно на Сіяну и Кротилу.*)

Ну, что же? *Сіяна*! говори! . . . чего тебѣ надобно? (*Кротилѣ.*) Мнѣ кажется, она рехнулась . . . слышишь ли, какой она мелетъ вздоръ? (*Въ слухъ, Сіянѣ.*) Ты знаешь, любезная *Сіяна*! что я тебѣ ни въ чемъ не отказывалъ . . . но, встань! такое положенїе не прилично красотѣ. —

СІЯНА (*все еще на колѣняхъ.*)

Оно прилично моему состоянію . . . Нѣтъ уже передъ тобою той веселой, безразсудной дѣвушки . . . нѣтъ той *Сіяны*, которая, гордясь своими прелестями и своенравіемъ, упоенная обманчивыми угожденіями, чаяла видѣть всю Грецію у ногъ своихъ. Раздрана завѣса, сокрывавшая меня отъ самой себя . . . Ты видишь предъ собою слабое, бѣдное, оставленное созданіе, угрызаемое совѣстію, трепещущее будущаго, и оно-то осмѣливается просить тебя о защитѣ... исторгни меня изъ рукъ безчестной *Кротиллы* . . . возврати мнѣ ту славную бѣдность, изъ которой, какъ она говоритъ, я извлечена ею . . . сыщи мнѣ способъ укрыться отъ взоровъ цѣлой вселенной, доставлять себѣ въ потѣ своего лица то, чѣмъ бы могла я продлить печальное, тягостное мое бытіе . . . Будь великодушенъ, *Гнатонидъ*! и я стану благословлять тебя до послѣдняго моего издыханія . . . Забытая, но щастливая *Сіяна*, всегда воспоминать будетъ, что одному тебѣ она одолжена щастіемъ, которымъ можетъ еще наслаждаться, и раздирая землю, орошая

ее своими слезами, съ нѣжностію будетъ она произносить твое имя . . . О *Гнатонидъ*! развѣ ты еще не знаешь, какъ пріятно возвратить тишину возмущенной совѣсти, возстановить покой въ сердцѣ, растерзанномъ пламенными остріями угрызѣнія? . . . Научися знать это удовольствіе, *Гнатонидъ*! . . . естьли когда нибудь я была тебѣ любезна . . . естьли когда нибудь эти малыя прелести. . .

ГНАТОНИДЪ.

Право, милая моя красавица! я не понимаю ничего, что ты говоришь . . . хоть убей меня, естьли я знаю, чего ты хочешь! Ты начинаешь сперва ругать меня, по томъ плачешь, рыдаешь, говоришь о угрызѣніяхъ, о чемъ-то другомъ, *о забвеніи, о работѣ, о бѣдности*... Скажи пожалуй, гдѣ набрала ты столько глупостей? . . . (*хохочетъ.*) Ты черезъ чуръ бредишь, моя милая! я это вижу . . . но опомнися, моя красавица! и старайся бросить этотъ пустой страхъ. Пока будешь ты любить меня, пока будешь вѣрна мнѣ, до тѣхъ поръ малѣйшія твои желанія будутъ для меня закономъ; естьли же *Кротила* тебѣ досаждаетъ. . .

СІЯНА (*встаетъ съ негодованіемъ.*)

Мнѣ стыдно унижаться до такой степени передъ бездушнымъ ... (*Гнатонидъ приближается къ ней.*) Не подходи ко мнѣ, *Гнатонидъ*! ты меня ужасаешь ... порокъ можетъ ли привести до такой безчувственности сердце человѣка! ....

ГНАТОНИДЪ (*съ принужденнымъ смѣхомъ.*)

Я тебя ужасаю, моя милая! ну-ка, посмотримъ! ....

(*Онъ хочетъ обнять ее.*)

СІЯНА (*извлекаетъ ножъ, которой спрятала она въ платье*).

Подойди, естьли смѣешь!

(*Устрашенный Гнатонидъ отскакиваетъ назадъ; поскользнувшись, упадаетъ къ ногамъ изумленной Кротилы.*)

СІЯНА.

Трусъ! О *Лизіасъ*!

(*Она устремляется къ дверямъ и уходитъ.*)

ГНАТОНИДЪ, (*вставая съ трудомъ.*)

Плутовка! мнѣ кажется, она произнесла *Лизіасово* имя! ....

КРОТИЛА.

Милая моя ... любезная моя *Сїяна*!

(*Она бросается въ двери; Гнатонидъ, хромая, слѣдуетъ за нею.*)

✱

Неподалеку отъ Пирея возвышается уединенный лѣсъ на крутой отлогости знойнаго и песчанаго берега; излучистая стезя пересѣкаетъ его, и проводитъ въ узкую долину. Нѣсколько рыбачьихъ семействъ избрали оную себѣ убѣжищемъ. Въ семъ дикомъ пристанищѣ все печально и непрїятно; природа и люди тамъ бѣдны и недѣятельны . . . Зодчїй, которой, по повелѣнїю любимца щастїя, хочетъ воздвигнуть храмъ *Момусу* при вратахъ столицы, отвращаетъ глаза свои отъ сего неблагодарнаго мѣстоположенїя, посмѣвающагося его искуству, и полагающаго предѣлы оному.— Да представятъ себѣ, напротивъ лѣса, долгую цѣпь ужасныхъ скалъ, которыя простираются отъ пустоты долины до береговъ моря, и, кажется, поддерживаютъ сводъ небесный. Малой ручеекъ протекаетъ при подошвѣ ихъ и слѣдуетъ по ихъ излучинамъ; онъ высыхаетъ во время лѣтнихъ жаровъ; но весною и осенью, когда едва только на-

чинаютъ ниспадать дожди, онъ наполняется, выходитъ изъ береговъ, быстро простирается въ долину, и вскорѣ дѣлается бурнымъ потокомъ, разрушающимъ, влекущимъ все сопротивляющееся его теченію; тогда нещастный рыболовъ принужденъ бываетъ оставить хижину свою и удалиться на высокія мѣста съ своею женою и дѣтьми. Тамо, устремивъ глаза на свое жилище, нещастный съ трепетомъ взираетъ на быстроту наводненія; вихрь развѣваетъ волосы его съ шумомъ; слабѣйшій изъ сыновъ его упадаетъ на край одежды его; изступленная его супруга орошаетъ слезами дитя, питаемое еще млекомъ матернимъ, и старается согрѣть его у своей груди, тогда, когда прочія дѣти, сидя вокругъ зажженнаго хворостника, въ глубочайшемъ молчаніи проливаютъ слезы . . . Между тѣмъ рыболовъ, сложивъ руки, устремивъ на волны глаза свои, щитаетъ уже минуту совершеннаго своего разоренія . . . Мгновенно потокъ открываетъ себѣ новой проходъ . . . на великое разстояніе расширяетъ онъ свирѣпыя свои воды . . . ничто ему не противится . . . уже съ шумомъ катится онъ къ жилищу не-

ступленнаго семейства . . . ограда трясется . . . нагибается . . . вода обильными волнами проницаетъ во внутренность хижины ... Не возмогши противустоять сему чрезвычайному напору, кровля сокрушается . . . рыболовъ отвращаетъ лице свое, испускаетъ плачевный вопль и прїемлетъ въ объятїя свои умирающую супругу . . . Цѣлое семейство представляетъ печальную картину, и устрашенный отголосокъ несетъ до береговъ морскихъ гласы отчаянїя. — Но за чѣмъ останавливаться на сихъ картинахъ ужаса и страха? Горе каменному сердцу, которое поставило себѣ за славу приводить въ содроганїе чувствительную душу своихъ читателей! Занимательнѣйшїя явленїя меня ожидаютъ . . . Судьба *Сїяны* извлечетъ не столь горькїя слезы. . .

Во время подобнаго нещастїя, *Сїяна*, бродя цѣлую ночь, пришла на разсвѣтѣ въ долину рыбаковъ. Какое зрѣлище для чувствительной и сострадательной души ея! Она, которая до сего дня плавала въ изобилїи и прїятностяхъ роскошной жизни, которая щитала дни свои всегда новыми удовольствїями и извѣстна была о бѣдности токмо по

слабымъ описаніямъ — *Сіяна* мгновенно обрѣтаетъ себя среди толпы нещастныхъ, не имѣющихъ ни прибѣжища, ни помощи, покрытыхъ рубищами, и лишенныхъ первыхъ необходимостей жизни и средствъ къ поддержанію оной . . . Она видитъ старцевъ, согбенныхъ подъ тягостію лѣтъ, со стономъ собирающихъ обломки, избѣгнувшіе ярости потока . . . роющихся въ грязи . . . воздѣвающихъ къ небу трепещущія свои руки . . . и краснорѣчивѣйшимъ молчаніемъ приносящихъ богамъ жалобы . . . толпы дѣтей, обступившихъ мать свою, просящихъ у нее съ великимъ крикомъ, чѣмъ бы утолить голодъ, пожирающій ихъ внутренности, и мать, отвращающуюся отъ нихъ съ видомъ отчаянія . . . Вездѣ, куда ни возводитъ она глаза свои, встрѣчаетъ токмо печальные слѣды опустошенія, и все то, что чрезмѣрная бѣдность являетъ отвратительнѣйшаго. — *И при вратахъ Аѳинъ,* вскричала она, *происходятъ такія зрѣлища; при вратахъ сего города, столь знаменитаго великодушіемъ обитателей своихъ и нѣжнымъ человѣколюбіемъ, въ немъ царствующимъ!* .... Съ трепетомъ

приближалась она къ первой хижинѣ, представившейся ей на пути ея.

Юная дѣвочка отъ десяти до двенадцати лѣтъ вышла изъ сей хижины. Увидя *Сїяну*, она вскричала отъ удивленїя, и изчезла; но ободренная нѣжнымъ и убѣдительнымъ голосомъ *Кротилиной дочери*, она скоро возвратилась назадъ и подошла къ ней. Тогда *Сїяна*, поцѣловавъ ее, спросила, гдѣ ея родители? — Ахъ, сударыня! — отвѣчала ей дѣвочка, и большїе черные глаза ея оросились слезами — давно уже ихъ нѣтъ на свѣтѣ! . . . Я ихъ никогда не знала . . . этотъ старецъ, которой теперь съ пригорка идетъ къ намъ, служитъ мнѣ вмѣсто отца . . . Дочь моя! говорилъ онъ мнѣ и сего дни поутру, твои родители были мои лучшїе, единственные друзья; я принялъ тебя изъ рукъ твоей матери въ ту самую минуту, когда она умирала; желаю, чтобы ты нѣкогда ей уподобилась! . . . Видишь ли, какъ онъ идетъ, подпираясь на свой посохъ? . . . Ахъ! онъ уже старъ, очень старъ! . . . мы всѣ сердечно его любимъ . . . но говорятъ, что онъ скоро умретъ . . . Ахъ! боги! . . . кто такъ добръ, за чѣмъ тому уми-

рать? . . . Она испустила глубокой вздохъ, утирая свои глаза краемъ своей одежды; по томъ видя, что *Сїяна* задумалась, и ее не слушала, она тихонько взяла ее за руку.

ДѢВОЧКА (*ласковымъ голосомъ.*)

Сударыня! ты печальна! . . . О! какъ дурно печалиться! . . . часто и мой батюшка печаленъ бываетъ . . . тогда садится онъ на этотъ камень, и, оперщись на обѣ руки, неподвижно смотритъ передъ собою; слезы струятся по его лицу; онъ произноситъ имена, которыхъ я не могу запомнить, и испускаетъ тяжкїе вздохи . . . тогда я не смѣю ни поворотиться, ни промолвить; но естьли случится, что онъ оборотитъ на меня свои глаза, я бросаюсь къ нему на шею, обнимаю, цѣлую его, называю любезнымъ батюшкою . . . тогда слезы его осушаются, горесть его изчезаетъ, и мы вмѣстѣ гуляемъ по этимъ скаламъ . . . (*умильнымъ голосомъ.*) Сударыня! пожалуй перестань печалиться . . . Когда я вижу печальныхъ, я сама печальна бываю, и это приводитъ меня въ слезы.

СІЯНА, (*обнявъ ее съ чувствомъ.*)

Какъ прельщаетъ меня твоя невинность! . . Ахъ! никогда не оставляй сей убогой хижины; здѣсь жилище бѣдности и добродѣтели. . . здѣсь жилище щастія. . .

ДѢВОЧКА.

Что ты называешь щастіемъ, сударыня? Батюшка часто повторяетъ это слово. . .

СІЯНА.

Щастіе есть плодъ мудрости, дитя мое! когда тщательно послѣдуютъ ей. . .

ДѢВОЧКА, (*улыбаясь и качая головою.*)

Я тебя не разумѣю. . . (*сложивъ руки.*) Взгляни! взгляни! . . . эти бѣдные люди! . . . какъ они печалятся! . . . какъ они стонутъ, поднимая руки къ небу! . . . Ахъ! естьли бы ты была здѣсь за нѣсколько дней, ты ужаснулась бы. . . всѣ эти бѣды надѣлала намъ рѣка. . . Однако же она не дошла до нашей хижины; батюшка говоритъ, что наша хижина стоитъ высоко. . . Но вотъ онъ говоритъ съ ними. . . онъ утѣшаетъ ихъ. . . теперь оборачивается къ намъ! онъ тебя увидѣлъ! . . . Ступай, сударыня! ступай къ батюшкѣ!

ты поможешь ему итти, онъ очень усталъ. . .

(*Сіяна идетъ къ старцу, держа дѣвочку за руку.*)

СІЯНА.

Почтенный старецъ! естьли правда, какъ я слышала, что ты всѣмъ этимъ злополучнымъ служишь вмѣсто отца, ты долженъ имѣть чувствительную душу! . . . И такъ позволь нещастной, которая старается быть забыта. . . ахъ! . . . которая желала бы забыть сама себя. . . позволь ей искать убѣжища въ твоемъ жилищѣ. . .

СТАРЕЦЪ.

Ты нещастна? нещастіе имѣетъ священныя права на сострадание всѣхъ людей. . . Но одежда твоя показываетъ богатство. . у васъ называютъ его *щастіемъ*.

СІЯНА.

Ежели бы одно богатство могло щастливыми дѣлать, я въ самомъ дѣлѣ была бы щастлива. . . Но ахъ! . . . о старецъ! не старайся познать таинства сердца моего. . . не старайся проникнуть въ сіе сердце, глубоко уязвленное! . . . Бываютъ бѣдствія — тебѣ это

извѣстно — которыя излѣчить можетъ одно время. . . время, или смерть! . . .

(*Она отерла прекрасные глаза свои.*)

СТАРЕЦЪ (*тронутой.*)

Единственная дѣвица, возбуждающая во мнѣ сожалѣніе! . . . ты открыла рану, которая начинала изцѣляться. . . Будучи такъ еще молода и такъ прекрасна, какъ могла ты узнать, что бываютъ бѣдствія, которыя могутъ изцѣлены быть одною смертію? . . . Какъ можешь ты. . . но нѣтъ, таинство нещастія священно, и слезы твои налагаютъ на меня молчаніе. . . (*подавая ей руку.*) Ступай — слѣдуй за мною въ мое жилище; тамо ожидаетъ тебя сельскій обѣдъ рыболова, гордящагося своею нищетою. . . Бѣдность гостепріимна; богачь одинъ свирѣпъ и безчеловѣченъ. . . Поддержи меня, дочь моя! (*смотря на нее съ улыбкою*) прости меня! но я даю сіе имя всякому, кого люблю.

СІЯНА (*растроганная.*)

О отецъ мой! . . . какъ сладко сіе имя! . . . . въ первый разъ произнесли его уста мои. . . Ахъ! кто имѣетъ отца, тотъ имѣетъ друга, путе-

водителя, тотъ никогда не заблудится... Какъ тотъ щастливъ!...

СТАРЕЦЪ.

Дочь моя! чѣмъ болѣе я тебя слушаю, тѣмъ болѣе ты плѣняешь меня. Все, даже самый звукъ твоего голоса, имѣетъ нѣчто привлекательное для меня; онъ приводитъ мнѣ на память одну особу... любезнѣйшую особу!...

(*Нѣсколько времени идутъ они въ молчаніи; вдругъ старецъ останавливается, устремивъ на Сіяну взоръ съ безпокойнымъ вниманіемъ.*)

СТАРЕЦЪ.

Ежели бы ты знала, что происходитъ теперь въ душѣ моей... Какъ она волнуется... какъ одна мечта... сомнѣніе, съ которымъ совокуплено щастіе моей жизни, меня мучитъ!... Дочь моя! позволь мнѣ сдѣлать тебѣ одинъ только вопросъ; онъ не будетъ нескроменъ, я тебѣ это обѣщаю!...

СІЯНА (*удивленная.*)

Отецъ мой! какъ могу я?...

СТАРЕЦЪ (*съ живостію.*)

Можешь, можешь.

СІЯНА (*съ безпокойствѣ.*)

Говори, я удовольствую тебя... естьли мнѣ можно.

СТАРЕЦЪ.

Скажи мнѣ имя твоего отечества... мѣста твоего рожденія.

СІЯНА (*смятенная.*)

Я родилась въ *Аѳинахъ*... въ семъ городѣ...

СТАРЕЦЪ (*печально.*)

Въ *Аѳинахъ*! — пойдемъ далѣе, дочь моя!... — *Сіяна* одною рукою поддерживала старца, а другою вела дѣвочку, которая безпрестанно на нее смотрѣла и улыбалась. Они шли въ молчаніи; старецъ сдѣлался печаленъ, а *Сіяна* размышляла о новомъ родѣ жизни, которую она должна была провождать. — Я исторглась изъ нѣдра роскоши, говорила она сама въ себѣ, чтобы удалиться подъ соломенную кровлю, и не только не жалѣю о безчисленныхъ удовольствіяхъ веселой жизни, но и презираю ихъ часъ отчасу болѣе... И такъ ты не мечта, о добродѣтель! — но для нее ли пожертвовала я, удалившись изъ *Аѳинъ*? Ахъ! какъ я еще могу притворяться?... *Лизіасу* и любви, стенящей во глубинѣ моего сердца, обязана я сею перемѣною, столь скоропостижною, столь странною... О любовь! ежели такова власть

твоя, ежели таковы дѣйствія твои, царствуй вѣчно въ семъ печальномъ сердцѣ! . . . *Лизіасъ!* можетъ быть когда нибудь. . . Ахъ! истребимъ обманчивую надежду. . . Никогда, нѣтъ, никогда не буду я достойна любви его. . . О добродѣтель! божество благодѣтельное и утѣшительное! ты, которую познала я съ того только времени, какъ сердце мое горитъ нещастнѣйшею любовію; тебѣ должно стать между *Лизіасомъ* и злополучною *Сіяною* . . Тебѣ посвящаю я печальные остатки моего существованія. . . Когда меня не будетъ, когда въ надгробной урнѣ положенъ будетъ прахъ мой, я желаю, чтобы отнесли его къ *Лизіасу*, и сказали бы ему: — *Сія бѣдная Сіяна любила тебя; но не надѣясь взаимной любви, которая унизила бы любовника ея, она потушила вздохи свои и сокрыла свои слезы. . . Оплачь горестную ея судьбину, и пролей слезу на прахъ ея!* . . .

Погруженная въ сихъ унылыхъ размышленіяхъ, *Сіяна* приближалась съ старцемъ къ дверямъ хижины. Вскорѣ умѣренный обѣдъ утвердилъ между ими пріятную, сердечную дружбу. Добродѣтель имѣетъ нѣчто отметающее злоб-

наго человѣка, но привлекающее, привязывающее чувствительную и нещастную душу. Пріятное имя дочери производило въ *Сіянѣ* восхитительное волненіе; она осыпала ласками добраго старца, которой плакалъ отъ радости, прижимая ее въ своихъ объятіяхъ, и слыша, что она клялась жить и умереть вмѣстѣ съ нимъ въ оной долинѣ. . . Но судьбина, всегда смѣющаяся надъ суетными предпріятіями человѣковъ, опредѣлила иначе.

Между тѣмъ *Лизіасъ* началъ скучать своимъ загороднымъ домомъ; люди, подобные ему нравомъ, иногда воображаютъ себѣ, что любятъ уединеніе, но они не умѣютъ наслаждаться имъ, и наконецъ всегда находятъ его несноснымъ. Быстро протекли первые дни самовольнаго заточенія его, когда онъ насыщенъ былъ удовольствіемъ, упоенъ любовію: образъ *Сіяны*, представлявшійся ему даже въ объятіяхъ сна, придавалъ нѣкоторую прелесть сему роду жизни, которая впрочемъ долженствовала понравиться ему своею новостію. Подобно сему первые припадки жестокой болѣзни бываютъ весьма сильны; но умаленіе слѣдуетъ столь же быстро, какъ и успѣхи ея. Вскорѣ *Лизіасъ* сталъ спо-

койнѣе, и думалъ о *Сїянѣ* временно; вскорѣ надлежало ему, для *убїенїя времени*, приняться за какое нибудь упражненїе, выдумать забаву, и вскорѣ наконецъ вознамѣрился онъ немедленно возвратиться въ *Аѳины*. — Не смѣшно ли, говорилъ онъ самъ въ себѣ, ходя скорыми шагами по алеѣ своего сада, не чрезвычайно ли смѣшно погребсти себя такимъ образомъ живаго, въ самое непрїятное время года? и для чего? для того, что я люблю! изрядная причина!... кого? танцовщицу!... Такъ, но эта танцовщица — *Сїяна*! Ахъ! при одномъ этомъ имени я чувствую, что мое смущенїе возобновляется... Естьли я увижу ее опять, чувствую, что оно усугубится... Однако же возвратившись въ *Аѳины*, не могу ли я этого избѣгнуть?... Увидя ругательную радость и насмѣшки друзей моихъ, я могу преодолѣть желанїе, которое повлечетъ меня къ ней; но буду ли въ состоянїи благопристойно убѣгать сей опасной *Сїяны*?... *Сїяны*, которая достойна обожанїя цѣлой земли!... *Сїяны*, къ которой горю я нѣжнѣйшею, истиннѣйшею любовїю!... Какъ! развѣ должно, чтобы по примѣру безумныхъ, я...? (*молчанїе.*) Между

тѣмъ, чѣмъ болѣе размышляю, тѣмъ болѣе чувствую странность моего поступка и страсти моей къ сей дѣвицѣ. . . Самая ея слава, сперва ослѣпившая меня, не должна-ли напротивъ того унизить ее въ моихъ глазахъ? . . . Всѣ друзья мои говорятъ мнѣ, что ее побѣдить очень не трудно. . . Самый *Гнатонидъ* явно хвалится ея благосклонностїю. .

Какъ, *Гнатонидъ*! — вотъ что рѣшило мое сомнѣнїе; я возвращаюсь въ *Аѳины*. . . я увижу *Сїяну*, я ее сыщу, чтобы осыпать ее укоризнами и презрѣнїемъ. . . Презрѣнїемъ! она его не почувствуетъ. . . Но я хочу, чтобы она его почувствовала; хочу, чтобы все говорило ей, что я презираю ее, что она возбуждаетъ къ себѣ отвращенїе. . . Но что за нужда любовницѣ *Гнатонидовой* въ томъ, какое мнѣнїе я объ ней ни имѣю? . . . Что ей за нужда? . . . Ахъ! я увѣренъ, что она придетъ отъ этого въ отчаянїе. . . или я умру съ досады. . .

Лизїасъ былъ внѣ себя; скорыми шагами возвращался онъ домой: вдругъ останавливается передъ истуканомъ младой спящей дѣвицы; змѣя возносила грозную свою голову изъ подъ розовой постели, на которой лежала дѣвица. . .

Мерзкое пресмыкающееся готово уже излить на грудь сей красавицы ядъ свой... Невинная не пробуждается! . . . Погруженный въ разсматриванїи сего эмблематическаго изваянїя, *Лизїасъ* нечувствительно успокоился, и наконецъ былъ растроганъ.

Такъ-то, сказалъ онъ, такъ-то, бѣдная *Сїяна*! почиваешь ты на розахъ сладострастїя! . . . обманчивое упоенїе овладѣло твоими чувствами... Ты плаваешь въ удовольствїяхъ; но страдаетъ душа твоя... Сей взоръ!.. сей взоръ, котораго я никогда не забуду, сказалъ мнѣ о томъ... О *Сїяна*! непонятное созданїе! Сирена, неотступно слѣдующая за мною! скажи мнѣ, какимъ неслыханнымъ искуствомъ умѣла ты собрать такїя чрезвычайности въ этомъ слабомъ сердцѣ, котораго я не понимаю съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ тебя... (*Съ скоростїю.*) О ты, которую я люблю и ненавижу! . . . которую обожаю и презираю! . . . или сдѣлайся достойною толикой любви, или явись глазамъ моимъ столь же презрительною, какова ты можетъ быть въ самомъ дѣлѣ. . .

Положенїе *Лизїаса* поистиннѣ было странно; чѣмъ болѣе старался онъ убѣ-

дить себя, что *Сїяна* была недостойна постоянной привязанности, тѣмъ менѣе чувствовалъ въ себѣ возможности забыть ее совершенно. Негодуя на власть, которую сїя единственная дѣвица прїобрѣла надъ его сердцемъ, онъ возвратился домой, въ намѣренїи тогожe дня отправиться въ *Аѳины*. Уже подходилъ онъ къ крыльцу, какъ увидѣлъ заблуждающуюся незнакомку съ растрепанными власами, въ раздранномъ платьѣ, стремящуюся къ нему; онъ приближается, она испускаетъ вопль, обращается назадъ и бѣжитъ къ морскому берегу. . . *Лизїасъ*, которому показалось въ сей незнакомкѣ нѣкоторое сходство съ *Сїяною*, спѣшитъ во слѣдъ за нею. . . Незнакомка, взбѣжавъ на верьхъ скалы, обращается въ другой разъ, и видя, что *Лизїасъ* ее настигаетъ, она поднимаетъ руки къ небу, и бросается въ волны. — Сїе ужасное явленїе совершилось въ минуту.

Между тѣмъ *Лизїасъ* безъ дыханїя прибѣгаетъ; онъ видитъ нещастную, борющуюся съ волнами, которыя каждую минуту угрожаютъ поглотить ее. . . Онъ приближается, кровь его леденѣетъ въ жилахъ. . . Едва вѣритъ онъ глазамъ своимъ. . . се *Сїяна*! . . . се любовница

его погибаетъ! Онъ поднимаетъ крикъ... восклицанія его раздаются по берегу, заблужденный взоръ его тщетно ищетъ помощи. — Отважность отчаянія овладѣла наконецъ его душею. . . Онъ низвергается въ волны. . . вознамѣрившись спасти свою любезную, или умереть вмѣстѣ съ нею. . .

Сіяна носима была волнами, силы покинули ее, и синеватая блѣдность смерти покрывала ея щеки. Волна приноситъ ее къ *Лизіасу*, которой простеръ къ ней трепещущія свои руки; отягощенный симъ пріятнымъ бременемъ, сильною рукою разсѣкаетъ онъ волны, между тѣмъ, какъ другою поддерживаетъ *Сіяну* на верьху водъ. . Тогда только примѣчаетъ онъ почти неизбѣжную опасность, въ которую повергнулся. . . Несмысленный! онъ забылъ, что цѣпь скалъ, отвѣсно погружающихся въ море, дѣлаетъ берега онаго неприступными на весьма великое разстояніе. . . Троекратно приближается онъ къ симъ утесистымъ скаламъ, и троекратно волна, которую онъ гналъ передъ собою, раздробляется и вдаль его отметаетъ. . . Уже обмокшая его одежда увлекаетъ его; вѣтеръ, разсѣкающій водную поверхность

и клубящїй около его волны, отъемлетъ у него надежду къ приплытїю; тщетно собираетъ онъ свои силы и искуство. . . Наконецъ видя, что не можетъ болѣе бороться съ смертїю, со всѣхъ сторонъ ему угрожавшею, крѣпко прижимаетъ къ своей груди юную любовницу, прижимаетъ ее нѣсколько минутъ въ безмолвїи, прикладываетъ уста свои къ охладѣвшимъ губамъ ея, и предается потоку; но любовь хранила ихъ. Въ ту самую минуту, когда *Лизїасъ* почиталъ себя невозвратно погибшимъ, онъ примѣтилъ лодку, правимую старикомъ, которой старался плыть противъ вѣтра. Она скрывалась отъ его взоровъ, потому что плыла по излучинамъ берега, которой въ семъ мѣстѣ составляетъ небольшой заливъ. Сїе зрѣлище придаетъ ему новыя силы; онъ поднимаетъ руку поверьхъ воды, и старецъ тотчасъ отвѣчаетъ на его знаки, начинаетъ грести сильнѣе и извлекаетъ его въ свою лодку.

Но въ какое удивленїе пришелъ *Лизїасъ*, увидѣвъ старика, устремившаго взоръ свой на *Сїяну*, испускающаго пронзительной вопль и бросающагося къ ней. . . О дочь моя! . . . любезная дочь! не уже ли ты отъ меня похищена будешь на

вѣки? . . . О боги! вы, которые привели ее въ мою хижину, вы, которые мнѣ внушили къ ней чувствованія нѣжнѣйшаго отца! за чѣмъ вы у меня отъемлете ее, почти въ то же время, когда ее мнѣ послали? Юноша! скажи мнѣ, заклинаю тебя. . . какимъ случаемъ. . . какъ это сдѣлалось? . . О дочь моя! бѣдная дочь! Теперь не время, отвѣтствовалъ *Лизіасъ* томнымъ голосомъ, говорить о томъ, въ чемъ я самъ принимаю величайшее участіе; лодка отплываетъ, возми свое весло, постараемся подъѣхать къ берегу. . . и старецъ началъ гресть изо всей силы. . .

Между тѣмъ *Лизіасъ*, радуясь, что онъ исторгнулъ любезную свою *Сіяну* отъ видимой смерти, нечувствительно пришелъ въ прежнее состояніе; онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни, преклонивъ голову свою на грудь ея. . . Долго были тщетны его старанія, *Сіяна* не подавала ни малѣйшаго знака жизни; наконецъ она открыла прекрасные глаза свои, бросила на него умирающій взглядъ. . . Онъ почувствовалъ въ ней трепетаніе, и вѣжди ея скоро опять закрылись. . . Она еще жива, да будутъ благословенны всемогущіе боги, вскричалъ

Лизїасъ! а старецъ, не спуская съ нее глазъ, продолжалъ грести въ глубочайшемъ молчанїи.

Наконецъ они достигаютъ берега; тогда старецъ, даже не успѣвши привязать своей лодки, устремляется къ *Сїянѣ*, и хочетъ исторгнуть ее изъ объятїй *Лизїаса*, не могшаго заставить его выслушать, что ни которой изъ нихъ не въ состоянїи перенести ее; но что надлежитъ искать чужой помощи. Юноша! сказалъ ему старецъ, боги послали мнѣ сїю любезную дочь, въ то самое время, когда никакое смертное благо не привязывало меня къ землѣ; чти бѣлые власы мои, чти права отца, и возврати мнѣ дочь мою! Но наконецъ онъ покорился закону необходимости, и самъ пошелъ въ домъ *Лизїасовъ*. Тотчасъ *Сїяна* была положена въ покойную колесницу, и привезена въ жилище своего любовника. Движенїе колесницы исторгло ее изъ продолжительнаго ея обморока. . . Она медленно поднимаетъ прекрасные глаза свои, возводитъ ихъ на старца, упадаетъ въ его объятїя, и восклицаетъ трепещущимъ и прерывающимся голосомъ: — О отецъ мой! не уже ли ты возвращенъ мнѣ? . . . Какая чрезвесте-

ственная сила исторгнула меня изъ свирѣпыхъ волнъ ? . . . Какой смертной, или какой богъ возвратилъ меня въ твои объятія тогда, когда я погибала ? . . . Не сновидѣніе ли это ? . . . Но нѣтъ, я тебя вижу. . . я тебя обнимаю. . . я прижимаю тебя къ груди своей. . . (*съ смятеніемъ.*) Какъ я щастлива, что опять нахожусь въ объятіяхъ отца моего ! . . . Ахъ ! я это чувствую теперь, чувствую живо ; чувствительная душа, сколь бы ни было велико ея нещастіе, не перестаетъ любить жизнь. . . Ей всегда остаются нѣкоторыя узы, къ землѣ ее привязывающія. . . Но скажи мнѣ, отецъ мой ! какимъ образомъ дочь твоя находится опять возлѣ тебя. . . тогда, когда я думала, что неизбѣжная смерть меня встрѣчаетъ ? . . .

Успокойся, дочь моя ! прервалъ старецъ, теперь не время входить въ подробности о семъ странномъ произшествіи . . . Воздай благодареніе богамъ, которые сохранили дни твои чудеснѣйшимъ образомъ. . . Вотъ твой избавитель. — О *Сіяна* ! вскричалъ *Лизіасъ*, и прижалъ губы свои къ рукѣ ея. — Услышавъ столь знакомой голосъ, *Сіяна* обращается, узнаетъ *Лизіаса* ; скромной ру-

мянецъ покрываетъ ея щеки. . . *Лизїасъ*! о небо! можно ли. . . Я тебѣ одолжена жизнїю! . . . Смятенїе сердца ея прерываетъ ея голосъ, она испускаетъ глубокой вздохъ, голова ея склоняется на грудь старца; но взоръ ея съ нѣжностїю останавливается на ея избавителѣ; она не можетъ свести съ него глазъ своихъ. . .

Здравїе *Сїяны* возстановлялось нечувствительнымъ образомъ; розы на лицѣ ея уступили мѣсто смертной блѣдности. . . Казалось, онѣ навсегда увяли. . . Какъ была она прелестна! . . . Взоръ ея, нѣкогда столь живый, столь пламенный, сохранялъ прїятную томность; очи ея тихо останавливались на всѣхъ предметахъ, и каждую минуту наполнялись слезами. . . Казалось, *Сїяна* исторгнулась съ великимъ трудомъ изъ жилища мертвыхъ, и съ печалїю вошла въ обиталище живыхъ. . . *Лизїасъ* и старецъ ни на минуту ее не оставляли. Какъ веселили ее нѣжныя попеченїя ея любовника! . . . Се былъ сладкїй ядъ, прїуготовленный руками любви, которой слабое сердце ея съ прїятностїю вкушало. Я любима, говорила она сама въ себѣ, я это вижу, чувствую. . . Но ахъ!

за чѣмъ сїя сладкая увѣренность, столь восхитительная для всякаго другаго, для меня столь плачевна, столь отчаянна!

Между тѣмъ *Лизїасъ* безпрестанно на нее взирая, старался предузнавать малѣйшїя ея желанїя; никто, кромѣ его, во всемъ домѣ, не осмѣливался оказывать ей услугъ; казалось, онъ жилъ только въ своей любовницѣ; самый сонъ бѣжалъ отъ очей его, любовь торжествовала надъ необходимыми нуждами природы, и когда все предавалось сладостямъ покоя, когда и самый старецъ засыпалъ, онъ одинъ бодрствовалъ возлѣ своей возлюбленной, чтобы услуживать и помогать ей.

Въ одну изъ сихъ минутъ, когда старецъ, предавшись глубокому сну, оставилъ его, такъ сказать, одного съ *Сїяною*, она разсказала ему, какъ она ушла изъ *Кротилина* дома, и какъ встрѣтила сего честнаго рыболова. — Ахъ! примолвила она, этотъ доброй старикъ не знаетъ еще, сколь мало достойна нещастная *Сїяна* такой нѣжности, какую онъ къ ней имѣетъ. . . *Лизїасъ!* (*и она простерла къ нему руку, проливая слезы*) будь великодушенъ!

не извлекай его изъ пріятнаго заблужденія, въ которомъ жилъ онъ до сего времени. . . Не открывай ему, что *Сіяна* не достойна того, чтобы честная душа принимала въ ней участіе. . . Не лиши меня послѣдней подпоры, поддерживающей меня на краяхъ бездны, которой глубину око мое не осмѣливается измѣрить. . .

ЛИЗІАСЪ (*съ живостію.*)

Сіяна! любезная *Сіяна*! . . . какъ можешь ты думать. . . Ахъ! ты не знаешь, сколь ты мнѣ любезна. . . Тотъ, кто не умѣетъ прощать слабостямъ человѣческой жизни, недостоинъ вкушать пріятности оной! Слабостямъ! что говорю я! . . . Кому неизвѣстна непреодолимая сила обстоятельствъ. . . невидимая, но крѣпкая нить, которою своенравная и часто суровая судьбина связываетъ произшествія. . . *Сіяна*! обожаемая дѣвица! я знаю твое сердце! оно создано для добродѣтели, оно достойно непорочнѣйшаго человѣка. . .

Разтроганная *Сіяна* хотѣла отвѣчать, и сей разговоръ можетъ быть сдѣлался бы рѣшителенъ, естьли бы не проснулся старецъ. *Лизіасъ*! сказалъ онъ

ему: участіе, пріемлемое тобою о здравіи моей дочери, можетъ быть вредно для твоего; успокойся нѣсколько часовъ, теперь есть еще время. — Сонъ удалился уже отъ моихъ вѣждей, перервалъ *Лизіасъ*, которому сіе предложеніе непріятно было; заря златитъ уже врата горизонта, и возвѣщаетъ прекраснѣйшій день; впрочемъ признаюсь тебѣ, что побужденіе нескромнаго любопытства можетъ быть удерживаетъ меня теперь возлѣ *Сіяны*; я горю нетерпѣніемъ узнать, что могло побудить. . . Остановись, вскричала *Сіяна*, мнѣ самой стыдно, и я во всю жизнь свою буду упрекать себя опасностію, въ которую напрасный ужасъ повергнулъ дни твои. . . Великодушнѣйшій *Лизіасъ*! за чѣмъ не допустилъ ты мнѣ погибнуть? . . Я уже принесла на жертву жизнь. . . которая можетъ быть только нещастна. . . Нѣсколько времени она хранила молчаніе, по томъ взглядывая попеременно на *Лизіаса* и *Даксифана*, (такъ называлъ себя старецъ) она старалась укрѣпить свой голосъ, и продолжала такимъ образомъ: — ты знаешь, отецъ мой! что ты вышелъ отъ насъ съ самаго утра, въ намѣреніи наловить рыбы около берега, и что ты

обѣщалъ мнѣ возвратиться къ обѣду. . . Я ожидала тебя съ безпокойствомъ, не знаю отъ чего, но сердце мое предчувствовало нѣкое нещастіе. . . Между тѣмъ миновалъ часъ, назначенный для твоего возвращенія; а ты не приходилъ еще; тоска моя не позволила мнѣ остаться въ хижинѣ; я взошла на скалу, слѣдуя глазами теченію рѣки, столь далеко, сколько могъ простираться мой взоръ; но ахъ! я не видала твоей лодки. . . Біеніе моего сердца усугублялось каждую минуту, и холодной потъ объялъ всѣ мои члены, когда я помыслила, что вѣтеръ, которой поднимался нечувствительно, могъ воспрепятствовать твоему возвращенію, и даже подвергнуть тебя какимъ нибудь опасностямъ. Я возвратилась въ хижину; маленькая дѣвочка плакала и громкими криками звала отца своего. . . Никогда не отлучался онъ такъ долго, говорила она съ рыданіемъ, гдѣ онъ?... гдѣ батюшка?

Боги! перервалъ *Даксифанъ*, вставъ съ скоростію, мы забыли ее. . . Бѣдная *Исменія*! — что съ нею сдѣлалось въ эти дни? . . . Надобно мнѣ немедленно отправиться. . . надобно мнѣ возвратиться къ ней. . .

Между тѣмъ, какъ запрягали колесницу, которую *Даксифанъ* принялъ по многихъ прошенїяхъ, и единственно для того, чтобы ускорить возвращенїе свое въ долину рыбаковъ, *Сїяна* разсказала имъ въ краткихъ словахъ, что, когда безпокойство ея стало ее мучить чрезвычайно, она сошла въ долину, въ намѣренїи итти по берегу, до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ старцевой лодки; но что къ нещастїю попалась она въ руки толпѣ пьяныхъ молодыхъ людей, возвращавшихся въ городъ, что между ими показался ей *Гнатонидъ*, (*она покраснѣла при произнесенїи сего имени, и бросила томной взоръ на Лизїаса, которой закусилъ себѣ губы и потупилъ глаза; старецъ ничего не понялъ изъ такого его движенїя*) и бросилась бѣжать изо всей силы. . что сїя безумная толпа гналась за нею на нѣсколько шаговъ отъ *Лизїасова* дома; что ужасъ, которымъ была она объята, воспрепятствовалъ ей узнать своего избавителя; что она напротивъ того почла его за одного изъ молодыхъ людей, отставшаго отъ толпы, и что, видя себя преслѣдуемою даже на вершину скалы, она пришла внѣ себя, и наконецъ приняла отчаянное

намѣренїе скорѣе погибнуть въ волнахъ, нежели попасть въ ихъ руки, и быть принужденною возвратиться въ *Аѳины.*

Сїе повѣствованїе погрузило *Лизїаса* въ глубокую задумчивость; наконецъ вздохнувъ и взявъ ее за руку, вскричалъ онъ: — *О Сїяна!* всякое слово, исходящее изъ устъ твоихъ, есть для меня новая черта свѣта. . . Я узналъ тебя, дѣвица почтенная, но единственная! . . . Я проникъ твое сердце, бѣдная *Сїяна!* . . . Оно кровїю обливается, оно будетъ еще долго обливаться; ибо оно честно и чувствительно. . . О! какъ я завидую участи того смертнаго, которой возможетъ нѣкогда излить цѣлебный бальзамъ на раны сего столь нѣжнаго сердца! . . (*По томъ обратясь къ Даксифану.*) Почтенный старецъ! ахъ! и ты не знаешь еще, сколь достойна твоей нѣжности та, которую ты именуешь своею дочерью!... — Я обладаю сердцемъ ея, и осмѣливаюсь быть въ томъ увѣренъ, отвѣтствовалъ старецъ; но еще не обладаю ея довѣренностїю. . . По томъ обнявъ ее съ нѣжностїю и обѣщавъ какъ можно скорѣе возвратиться, онъ сѣлъ въ колесницу, которая долженствовала отвезти его въ долину рыбаковъ, съ сожалѣнїемъ оста-

вляя любезную свою *Сіяну* на попеченіе *Лизіаса*. . . котораго онъ проникнулъ; ибо истинная любовь, дщерь невинности и вѣчной правды, не имѣетъ коварства и ухищренія; младенецъ ее примѣтитъ: можетъ ли сокрыться она отъ проницательныхъ и подозрительныхъ очей опытности, бѣлыми власами покровенной?

Конецъ первой Книги.

СІЯНА,

или

ИГРА СУДЬБЫ.

Книга Вторая.

Какъ пріятно жить вмѣстѣ съ возлюбленною сердца своего! . . . какъ сладко раздѣлять съ нею радости, созидать ей утѣхи, видѣть ее, удивляться ей и безпрестанно о ожать ее!... Нѣжный пламень течетъ въ крови нашей; божественное упоеніе восхищаетъ чувства наши; небесная гармонія, всеобщее веселіе разливаются во всей природѣ. — Тогда человѣкъ уже, кажется, не есть болѣе смертный; любовь претворяетъ владычицу души его въ божество.

Отъѣздъ *Даксифана* произвелъ странную, но весьма естественную перемѣну въ двухъ влюбленныхъ сердцахъ. Они вдругъ сдѣлались боязливы, задумчивы,

молчаливы, и тягостная принужденность возмутила удовольствїе, которое вкушали они, находясь вмѣстѣ. Уединенїе было имъ несносно; но едва они сходились, какъ желали опять остаться одни; съ трепетомъ приближались они другъ къ другу, съ трепетомъ говорили между собою; голосъ ихъ исполненъ былъ огня; взоры были выразительны, но разговоры холодны, не ясны, перерывчивы. . . однако же они были щастливы! . . . совершенно щастливы! . . .

Симъ дѣйствїямъ любви не должно удивляться даже и въ *Лизїасѣ*. Хотя и былъ онъ пресыщенъ сладострастїемъ, но въ любви былъ новъ — хотя чувства его съ излишествомъ наслаждались, но сердце еще не было тронуто. — *Сїяна*, сїя милая, нѣжная дѣвица также любила въ первый разъ; будучи чувствительнѣе, слѣдственно и проницательнѣе своего любовника, содрогалась она, чувствуя глубокую свою рану. Мученїя ея возрастали вкупѣ съ любовїю; сїя невинная, чистая душа, которой одна токмо поверхность помрачена была заразительнымъ дыханїемъ любострастїя, стремилась побѣдить чувства свои, но побѣда сїя каждую минуту становилась труд-

нѣе; между тѣмъ *Лизїасъ*, не зная самаго себя, старался выразить ей то, чего и самъ не могъ еще понимать совершенно.

Даксифанъ пробылъ нѣсколько дней въ долинѣ: посмотримъ на поведенїе двухъ любовниковъ во время его отлучки, и послушаемъ ихъ разговоровъ.

ЛИЗІАСЪ (*одинъ*).

(*Едва раждающїйся день освѣщаетъ рощу, въ которой онъ прогуливается.*)

Какъ природа прекрасна въ первые дни весеннїе! . . . какъ восхитительно пробужденїе ея! . . . сердце мое напаяется умѣренною теплотою, наполняющею воздушное пространство! . . .

Всѣ способности души моей разцвѣтають. . . Каждое растенїе, каждой цвѣтокъ пробуждаетъ усыпленное ощущенїе, каждой предметъ возраждаетъ новое чувство. . . Но какая же и весна! . . . Никогда, нѣтъ, никогда природа не производила прелестнѣйшей. . . (*Онъ восходитъ на холмъ и обозрѣваетъ поле, освѣщенное зарею.*)

О *Сїяна*! для чего тебя нѣтъ здѣсь въ сїю минуту? ты удивлялась бы со мною очаровательному сему зрѣлищу! . . .

сердце твое трепетало бы отъ радости! . . . тебѣ — тебѣ надлежитъ чувствовать, цѣнить красоты природы, тебѣ, лучшему ея творенїю. . . О милая моя *Сїяна*! знаешь ли, почему меня столько плѣняетъ весна? . . . По тому, что ты представляешь собою живой ея образъ. . . Природа тогда бываетъ нѣжна, прїятна, блистательна, подобно моей *Сїянѣ*! . . . кажется, она украшаетъ себя моимъ счастїемъ. —

(*Продолжая прогуливаться.*)

Скажи, божественная *Сїяна*, скажи мнѣ, что за восхитительная прелесть изливается тобою на все, чему ты коснешься; сїя прелесть тебѣ повсюду слѣдуетъ; она плѣняетъ, приводитъ меня въ восторгъ. . . изъясни мнѣ свойство чувствъ, тобою вдыхаемыхъ. . . Я стараюсь познать себя, но сладкое невѣденїе поселено въ душѣ моей; я не могу ее проникнуть. — Тщетно я самъ себя испытываю. . . — я не познаю себя болѣе. . . Я уже не тотъ *Лизїасъ*. . . Кто же я? . . .

(*По молчанїи.*)

Не ужъ ли любовь удерживаетъ меня возлѣ тебя? Не знаю — но я увѣренъ, что мысль о разлукѣ приводитъ меня въ

трепетъ. . . что безъ тебя волшебное жилище сїе превратилось бы въ обширную, ужасную пустыню. . . въ гробъ... но щастїе мое не есть творенїе чувствъ; никогда я столь мало не желалъ и никогда не былъ счастливѣе. . . Не твоя однакожъ величественная и красивая осанка, не скромная и живая поступь, ни твоя дражайшая улыбка, ниже твой столь трогательной голосъ, причиною моего упоенїя: я даже и не помышляю о красотѣ твоей. . . О *Сїяна!* когда бы ты цѣлые вѣки покоилась въ объятїяхъ моихъ, я не имѣлъ бы другаго удовольствїя, какъ только прижимать тебя къ моей груди, окроплять тебя моими слезами... Сладкїя слезы! источникъ вашъ въ моемъ сердцѣ, вы сами собою падаете изъ очей моихъ, мнѣ прїятно проливать васъ. . . чувства мои всегда получаютъ отъ того новую живость.

(*Садится на дерновую скамейку и кидаетъ около себя смутный взоръ, какъ будто желая увидѣть, нѣтъ ли вблизи Сїяны.*)

Ахъ! когда послѣ сихъ прїятныхъ минутъ уединенїя и меланхолїи я слышу голосъ ея, призывающїй меня; когда я устремляюсь на встрѣчу ей — когда

вижу ее на концѣ алеи, какъ она идетъ ко мнѣ, улыбается, увидѣвъ меня издалека, и простираетъ ко мнѣ руку, нѣжно выговаривая за долгую отлучку мою. . . когда я бросаюсь къ сей столь милой рукѣ, покрываю ее поцѣлуями, прижимаю къ груди моей. . .

(*Вдругъ остановясь.*)

Такъ — но тогда *Сїяна* не раздѣляетъ со мною восторговъ; она тогда краснѣетъ, блѣднѣетъ, трепещетъ; я видѣлъ тогда слезу ея, которую хотѣла она сокрыть отъ меня. . . она раздѣляетъ со мною непонятное смущенїе, колеблющее меня послѣ краткой разлуки; я это вижу, чувствую. . . но сего удовольствїя, ощущаемаго мною, когда вижу ее, я не примѣтилъ на глазахъ ея. . . мрачная задумчивость видна въ ней, она отвращаетъ свои взоры, опасаясь встрѣтить мои. . . О мучительная неизвѣстность! когда будешь ты разсѣяна?

Подходя къ дому, будучи погруженъ въ размышленїе, смущенъ, неизвѣстенъ, *Лизїасъ* увидѣлъ *Сїяну*, прогуливающуюся по земляному валу.

ЛИЗІАСЪ (*) (*въ сторону*)

КакЪ она прелестна! сколько прїятности имѣетЪ сїя привлекательная томность, сїи блѣдныя щеки и сїи потупленные взоры!.... она задумалась... она вздыхаетЪ... Я трепещу.... я никогда не отважусь спросить ее о томЪ... ахЪ! она обращаетЪ глаза свои на меня! (*подходя съ скоростїю къ ней*) Здравствуй, прекрасная *Сїяна*!

СІЯНА.

Здравствуй, великодушной *Лизїасъ*!

ЛИЗІАСЪ.

КакЪ! едва заря стала румянить края горизонта, сонЪ уже оставилЪ ложе твое.

СІЯНА (*улыбаясь*).

Я могла бы тебѣ сдѣлать такой же вопросЪ.

ЛИЗІАСЪ (*вздохнувъ*).

О! это разница... Когда духЪ смущенЪ, тогда можно ли наслаждаться покоемЪ?

(*) Читатель примѣтитЪ, что ЛизїасЪ не вЪ слухЪ произноситЪ слова сїи, но токмо думаетЪ о нихЪ. То же самое наблюдать должно и вЪ продолженїи сей исторїи.

СІЯНА (*съ движеніемъ*).

Я не имѣю никакого права на твою довѣренность; увы! я это знаю, очень знаю! но могуль я себѣ воспрепятствовать, чтобы не видать, не чувствовать того, что душа твоя страдаетъ? . . . Такъ, *Лизїасъ*, для чего мнѣ не открыться тебѣ; я примѣчаю, что съ отъѣзда моего отца ужасное смятеніе, тайная печаль тебя тревожитъ, безпокоитъ. . . веселость твоя изчезла; ты сдѣлался печаленъ, задумчивъ, иногда даже угрюмъ и молчаливъ. . . Чему мнѣ приписать столь скорую перемѣну? . . . Должна ли я сказать? не огорчитъ ли тебя моя откровенность?

ЛИЗІАСЪ (*съ живостію*).

Скажи! скажи! о естьли бы ты проникнула! . . . естьли бы. . . сердце мое. . . *Сїяна*! драгая *Сїяна*! . . .

СІЯНА (*по краткомъ молчаніи*).

Лизїасъ! я чувствую великодушіе твоихъ поступковъ, но должно ли мнѣ таить, что я употребляю ихъ во зло? . . Возвратись въ *Аѳины*, *Лизїасъ*! тебя ожидаютъ тамъ тысячи жалобъ, тамъ вздыхаютъ о твоемъ отсутствіи. . .

Ахъ! кто лучше меня можетъ чувствовать, сколько должно о тебѣ сожалѣть?

ЛИЗІАСЪ.

Сіяна! Сіяна! что ты мнѣ предлагаешь? . . . Мнѣ удалиться! какой духъ, врагъ счастія моего, могъ тебѣ внушить такую мысль? . . . *Аѳины!* вся вселенная! . . .

СІЯНА (*съ принужденіемъ*).

Помысли о посмѣяніи, коему ты подвергаешься; подумай о разговорахъ, о насмѣшкахъ друзей твоихъ. . . у нихъ нѣтъ *Лизіасова* сердца, нѣтъ у сихъ жестокихъ, злобныхъ человѣковъ! . . . Какъ! . . скажутъ они, *Лизіасъ*, нашъ пріятель, *Лизіасъ* въ заточеніи, погребенъ въ своемъ загородномъ домѣ, и сдѣлался стражемъ танцовщицы! . . . Мнѣ стыдно повторять, что они станутъ говорить о тебѣ. . .

(*Лице вспыльчиваго Лизіаса вдругъ покраснѣло, едва онъ могъ удержаться; Сіяна примѣтила сіе, и, взявъ его за руку, продолжала нѣжнѣйшимъ голосомъ.*)

Въ глазахъ твоихъ я вижу укоризну, которую ты хочешь мнѣ сдѣлать, но она несправедлива; богамъ извѣстно, какую цѣну полагаю я удовольствію жить

съ тобою. . . Повѣрь, что сердцу моему трудно, очень трудно говорить теперь языкомъ разсудка. *Лизїасъ*, *любезный Лизїасъ*! ахъ! когда бы ты могъ видѣть, что въ немъ происходитъ теперь, что чувствуетъ оно, совѣтуя тебѣ разлучиться. . . . неотмѣнно. . . . (*она отираетъ слезы; по томъ продолжаетъ съ новою живостїю*) Такъ, *Лизїасъ*, намъ надобно разстаться; долгъ твой, слава твоя, однимъ словомъ, все налагаетъ на тебя сей законъ. . . Нужно ли мнѣ напоминать тебѣ, какъ опасно въ такомъ городѣ, каковы *Аѳины*, сдѣлаться посмѣшищемъ? . . .

ЛИЗІАСЪ.

Посмѣшищемъ! . . . мнѣ кажется совсѣмъ не смѣшно искать своего щастїя, и жить тамъ, гдѣ имъ можно наслаждаться. . . И такъ, *Сїяна*! этотъ предлогъ. . .

СІЯНА.

Предлогъ! . . . о! я не имѣю въ немъ нужды, когда жертвую для пользы твоей и послѣднимъ удовольствїемъ, которое мнѣ остается. . . удовольствїемъ жить съ тобою. . . ибо можешь ли ты сомнѣваться, что ты мнѣ любе-

зенъ? . . . ты видишь мою откровенность; я ласкаюсь, что и ты ко мнѣ не равнодушенъ. . . ты спасъ мою жизнь, ты избавилъ меня отъ ужасныхъ слѣдствїй мрачнаго отчаянїя, ты прилагалъ старанїе о моей жизни, какъ нѣжный братъ; *Аѳинская Сїяна* болѣе не существуетъ; сїя есть твое творенїе, сколько причинъ любить ее, для души, которая, подобно твоей, привязана бываетъ собственными своими благодѣянїями. . . Но, прости моему чистосердечїю; то, что до нынѣ было добродѣтелью, дѣлается теперь слабостью. Природа, даровавъ тебѣ знаменитое рожденїе и отличные дары, наложила на тебя священную обязанность къ отечеству; она призываетъ тебя въ *Аѳины*. . . О другъ мой! прости сему выраженїю, я не могу удержать его; позволь, чтобы въ уединенїе мое принесла я сладкую увѣренность, что *Лизїасъ*, великодушный *Лизїасъ*, въ вихрѣ забавъ и дѣлъ не совсѣмъ забудетъ друга своего, нещастную *Сїяну*. . . что онъ прольетъ нѣсколько слезъ, увѣдомясь о скорой ея кончинѣ. . . что онъ. . .

(*Горесть прерываетъ ея голосъ.*)

ЛИЗІАСЪ.

Не мечта ли это! не сонъ ли. . *Сіяна*!

СІЯНА.

Нѣтъ, *Лизіасъ*, ты не можешь отказать мнѣ въ своемъ почтеніи. . . Оно дорого стоитъ мнѣ. Удались, мой другъ! ты не долженъ видѣть, что я терплю. . . исполняя долгъ мой. . . но мнѣ ли надлежитъ понуждать тебя оставить сіи мѣста? . . . Прости моему смущенію, въ которое приведена я помышленіемъ о вѣчной разлукѣ. . . *Лизіасъ*! возврати меня въ объятія отца.

ЛИЗІАСЪ (*со вспыльчивостію*).

Небо! возможно ли! какъ! ты хочешь. . .

СІЯНА.

Показать тебѣ должность твою.

ЛИЗІАСЪ.

Ты приводишь меня въ отчаяніе.

СІЯНА.

Ты нѣкогда будешь меня благословлять.

ЛИЗІАСЪ.

Взгляни на мои слезы. . .

СІЯНА.

Онѣ раздираютъ мою душу. . Но. . . должно. . .

ЛИЗІАСЪ.

Неблагодарная, безчувственная! конечно природа производила тебя на свѣтЪ вЪ одно время и какЪ нѣжная мать и какЪ злобная мачиха. . . АхЪ! почто, изливЪ на тебя сладчайшіе дары, лишила она тебя. . .

СІЯНА (*съ безпокойствомъ*).

Чего?

ЛИЗІАСЪ (*въ движеніи ярости*).

Всего! . . . сердца! . . .

(*Онъ скоропостижно удаляется.*)

СІЯНА (*въ отчаяніи тщетно старается за нимъ слѣдовать*).

Мнѣ ли могЪ ты сЪ такою жестокостію сдѣлать подобной упрекЪ? АхЪ, *Лизіасъ*! какЪ мало ты знаешь чрезмѣрно чувствительную *Сіяну*! Неблагодарной! вЪ ту минуту, когда сердце мое. . АхЪ! онЪ мнѣ болѣе не внемлетЪ, онЪ бѣжитЪ отЪ меня. . . Боги! не уже ли я такЪ несчастна? . . .

Лизіасъ поспѣшно удалялся; *Сіяна* медленно шла кЪ дерновой скамейкѣ; горесть лишила ее чувствЪ. *Лизіасъ*, взойдя на холмЪ, обращается, видитЪ ее, трепещетЪ, бросается кЪ ней, но вдругЪ останавливается, еще

дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, становится недвижимъ, нерѣшимъ. . . . но наконецъ досада имъ овладѣла, онъ спѣшитъ домой, посылаетъ невольницу на помощь къ своей любовницѣ и запирается въ своихъ покояхъ.

Два дни протекли, но *Лизіасъ* не казался *Сіянѣ*, скрываясь во внутренности своего жилища, предаваясь движеніямъ гнѣва, любви и презрѣнія.

Какъ! говорилъ онъ, *Лизіасъ* вздыхаетъ о танцовщицѣ! . . . . непотребная дѣвка, предметъ его обожанія? . . онъ плѣненъ, и не любимъ взаимно! *Сіяна* его презираетъ, *Сіяна*, которая нѣкогда. . . . О *Лизіасъ*! гдѣ гордость? во что обратились славныя твои предпріятія? Но я восторжествую надъ столь постыдною слабостію. . . исторгну изъ сердца моего сей вѣроломной образъ. . . возненавижу столько же, сколько любилъ. . . накажу неблагодарную, давъ почувствовать ей всю тягость презрѣнія — Такъ! въ сію же минуту изгоню ее отъ себя! . . . пусть войдетъ она въ прежнее ничтожество. . . . чтобы будучи презрѣнна, лишенна вѣроломныхъ прелестей, содѣлывающихъ мое мученіе, учинилася она предметомъ ужаса и со-

жалѣнія. . . чтобы подъ рубищемъ убожества стала просить моей помощи. . . Я усмѣхнусь, смотря на ея горесть. . . сердце мое сдѣлается нечувствительно къ слезамъ ея; пусть наконецъ испуститъ она дыханіе свое отъ стыда и раскаянія у ногъ моихъ. . . О! я тогда умру! умру! но буду отмщенъ. . . Я рѣшился! . . . что я начинаю? безразсудный! какъ! я оскорблю, содѣлаю нещастіе той, которую люблю; извергъ! такія ли долженъ ты питать чувства? *Сіяна* имѣла причину проклинать меня! . . . проклинать? не называла ли она меня своимъ другомъ? Ахъ! я и теперь вижу ее съ слезами на очахъ; я еще внемлю, какъ она съ небесною кротостію напоминаетъ мнѣ о моемъ долгѣ. . . вздыхаетъ о разлукѣ. . . но за чѣмъ же намъ разлучаться? . . . Ахъ! естьли бы она любила меня, захотѣла ли бы меня оставить? . . . О *Сіяна*! какъ холодно сердце твое! какъ оно нечувствительно! . . . Какъ! только одно тихое дружество, вліянное мечтательною благодарностію, предполагаешь ты наисильнѣйшей любви? — ибо могу ли сокрыть отъ самаго себя, что я ее люблю, обожаю ее? . . Нещастный *Лизіасъ*!

гнѣвъ обнаружилъ чувства твоего сердца; ты любилъ неблагодарную, когда тебѣ казалось, что ты токмо сожалѣлъ о ней. . . Сїе живое сострáданїе, сїе нѣжное участїе. . . какъ я обманывался! . . . это была любовь. . . это было нещастїе моей жизни. . .

(*По томъ.*)

Нѣтъ, нѣтъ! она не можетъ ко мнѣ быть равнодушна. . . не возможно, чтобы пламень, снѣдающїй меня, не поселилъ нѣсколько искръ въ сердцѣ ея. . . Хотя бы оно было изъ мрамора, и тогда любовь смягчила бы его. . . Не видалъ ли я, какъ дорого стоило ей подавать мнѣ такїе жестокїе совѣты? . . . Нѣтъ! одна дружба не можетъ производить столь сильнаго сожалѣнїя. . . . Холодной гласъ разума не можетъ говорить языкомъ столь глубокой чувствительности. . . Такъ, я хочу съ нею увидѣться, броситься къ ногамъ ея. . . омыть руки ея моими слезами. . . открыть ей душу мою. . . и естьли при всемъ томъ она останется непреклонна. . . ежели осмѣлится она противиться. . . кинжалъ! . . . Нѣтъ, я ее презрю. . . возненавижу ее. . . я буду имѣть столько силы. . .

Таковы были чувствія *Лизіаса*, колебавшія его два дни въ убѣжищѣ его; до сего времени онъ безчестилъ любовь, называя ее онымъ кратковременнымъ огнемъ, которой недостоинъ занимать честную душу. Разныя желанія его умножали живость оныхъ, препятствія очистили ихъ, и одни обстоятельства возпріяли надъ чувствіемъ его къ *Сіянѣ* благороднѣйшую власть. Ежели бы сія великодушная дѣвица явила менѣе твердости, и ежели бы *Лизіасъ*, будучи болѣе нѣженъ, нежели подвластенъ гнѣву, проникнулъ въ сердце ея; ежели бы онъ могъ видѣть, сколько онъ былъ любимъ: тогда бы очарованіе изчезло, любовница его показалась бы ему вскорѣ обыкновенною женщиною, и несмысленный самъ разрушилъ бы свое щастіе, усиливаясь скорѣе насладиться онымъ. Между тѣмъ *Сіяна* не могла вкушать покоя; ея состояніе было мучительно, и неизбѣжная ужасная будущность отверзалась предъ нею.

Любить того, которой не знаетъ, что его любятъ, говорила она, есть ли мученіе злѣе сего? . . . О другъ мой! какъ могъ помыслить ты, чтобы твоя *Сіяна*. . . ахъ! она тебя любила, обожала,

прежде нежели знала тебя. . . при одномъ твоемъ имени сердце ея трепетало. . . оно радовалось, слыша приписываемыя тебѣ похвалы. . . а теперь, а теперь. . .

(*Она отерла слезы и по томъ съ движенiи гнѣва.*)

Какъ несправедливы мущины! какъ они жестоки! . . . какъ они играютъ нашею чувствительностiю! не уже ли они имѣютъ свойство, отмѣнное отъ нашего? . . . не уже ли Небо не одарило ихъ тою кроткою, склонною къ любви душею, которая составляетъ прiятность и толь часто нещастiе нашей жизни? . . не уже ли чуждо имъ чистѣйшее чувство, сiя нѣжность, драгоцѣнной плодъ глубокой чувствительности? . . . *Лизiасъ*! могъ ли ты быть такъ низокъ, такъ холоденъ, какъ и другiе мущины? Не уже ли ты ставишь себѣ за удовольствiе раздирать сердце, тебѣ принадлежащее? не уже ли ты возвратилъ жизнь нещастной любовницѣ своей токмо для напоенiя оной горестiю и страданiями?

(*съ жаромъ*)

О! нѣтъ! нѣтъ! ты не могъ проникнуть въ сердце мое; но я узнала чувствiя твоего сердца. . . съ горестнымъ

удовольствїемъ усмотрѣла я, что души наши понимаютъ другъ друга, отвѣтствуютъ другъ другу. . . что ты меня любишь! ахъ! тѣмъ болѣе нещастїя. . .

(*Молчанїе. . . Она встаетъ и ходитъ по комнатѣ въ великой печали.*)

Горестная отрада! мучительная радость! . . . ты меня любишь, *Лизїасъ*. . . не сею безчестною, подлою любовїю. . . небесная любовь блистала въ глазахъ твоихъ, дышала на твоихъ устахъ. . . Но не уже ли забылъ ты, *Лизїасъ*, что питать сїю чистѣйшую нѣжность запрещенно питомицѣ *Кротилиной*? . . . что *Сїяна*. . . о боги, боги, создавшїе меня токмо къ нещастїю, къ презрѣнїю, предавшїе меня въ руки безчестной развратительницы! почто не дали вы мнѣ и сердца ея? . . .

(*Молчанїе — послѣ самымъ отчаяннымъ голосомъ.*)

Лизїасъ! я буду хранительницею твоей чести, слава твоя мнѣ драгоцѣннѣе собственной моей жизни; *Сїяна* не допуститъ, чтобы отъ нее увяли лавры, украшающїе чело любовника ея. . . я потушу мои вздохи. . . сокрою слезы. . . явлю спокойное, радостное лице. . . улыбка тишины будетъ на устахъ

моихъ, когда сердце мое станетъ терзаться. . . сгарающее огнемъ любви, научится оно говорить съ тобою языкомъ равнодушія. . . дружбы. . . можетъ быть осыплешь ты меня укоризнами. . . Будучи жертвою собственной чести твоей, *Сіяна* противоположитъ онымъ одно токмо глубокое молчаніе. Напослѣдокъ соскучившись моею неправедною жестокостію, ты оставишь меня нещастной моей судьбѣ. . . тогда. . . тогда полечу я въ объятія *Даксифани*, отца моего; принесу туда почтеніе къ самой себѣ; славу, что воспрепятствовала унизиться тому, кого я люблю. . . тогда умру съ отрадою. . .

Гдѣ есть каменная душа, которая возможетъ отказать слезу жребію сей нещастной? . . . О читатели мои! когда я пишу сіе, онѣ истекаютъ изъ сердца моего. . . *Сіяна* съ сердцемъ, пронзеннымъ тысячью стрѣлъ, ходила безъ всякой цѣли по покоямъ и пространнымъ садамъ любовника своего. Она спрашивала о немъ у всѣхъ встрѣчающихся съ нею невольниковъ, иногда приближалась она робкою ногою къ дверямъ, по томъ съ поспѣшностію отъ нихъ удалялась. . . Сонъ, съ давняго времени рѣдко навѣщавшій ложе ея, совсѣмъ оное оставилъ;

она омывала его слезами, стенала, изпускала жалобные вопли, и въ самомъ ужасѣ мраковъ выходила изъ жилища своего и углублялась въ уединенной алеѣ, гдѣ свободнѣе могла предаваться стремленiямъ горести своей. . . Стукъ колесницы, топотъ лошади, приводилъ ее въ трепетъ. Онъ могъ быть знакомъ отъѣзда любовника ея. Однако же сiя удивительная дѣвица оставалась твердою въ своемъ намѣренiи; тѣло ея изнемогало подъ бременемъ страданiй, но душа пребывала непоколебима. Едва Аврора румяными перстами разсыпала утреннiе пары, уже *Сiяна* прохаживалась по зеленому валу. Цѣлые два дни *Лизiасъ* убѣгалъ ее. Глаза ея сами собою обращаются къ окнамъ его комнаты, и наполняются слезами. . . долго стоитъ она неподвижна; по томъ испустивъ тяжкой вздохъ, удаляется въ рощу слабыми и трепещущими стопами.

Лизiасъ былъ потаеннымъ свидѣтелемъ сего безгласнаго зрѣлища; сколько открылъ ему одинъ токмо взоръ *Сiяны*!.. онъ горитъ нетерпѣнiемъ ее увидѣть, долгое время провожаетъ ее глазами, и едва вошла она въ рощу, какъ онъ бросается за нею въ слѣдъ.

Сїяна остановилась при томъ же изваянїи, которое сдѣлало столь живое впечатлѣнїе надъ *Лизїасомъ*. Она стояла, облокотясь лѣвою рукою на подножїе статуи, опустивъ нерадиво другую; смертная блѣдность покрывала лице ея, слезы струились по щекамъ ея, волосы ея въ безпорядкѣ покрывали мѣстами грудь ея, коей безпрестанное трепетанїе обнаруживало движенїе сердца ея; бѣлая одежда, которая едва ее облекала, любострастно представляла совершенную стройность членовъ. . . глаза ея были потуплены, и на длинныхъ рѣсницахъ сверкали слезы. . . Она была живой образъ печали. . . Вдругъ она отступаетъ, испустивъ пронзительной вопль. . . *Лизїасъ* лежалъ у ногъ ея.

ЛИЗІАСЪ.

Сїяна! любезная *Сїяна*! у ногъ твоихъ испрашиваю себѣ прощенїе, котораго едва я достоинъ. . . . Я извергъ! я оскорбилъ ту, которую люблю. . . Такъ, *Сїяна*! я люблю тебя. . . что говорю я. . . я тебя обожаю. . . ты для меня все. . . ты мнѣ другъ, любовница, властительница души моей. . . Ты отвращаешь глаза. . . ты боишься обратить

ихъ на виновнѣйшаго изъ человѣковъ. . Взгляни, взгляни! . . . я обнимаю колѣна твои. . . окропляю ихъ слезами. . . Ахъ! . . . *Сїяна*, прости! прости мнѣ. . . или я умру. . . .

СІЯНА (*слабымъ голосомъ*).

Лизїасъ! . . . неблагоразумный! какое признанїе вырвалось изъ устъ твоихъ. . . ты произнесъ приговоръ моей смерти. . .

ЛИЗІАСЪ (*вставъ съ запальчивостїю*).

О небо! что ты осмѣлилась сказать? какъ! жестокосердая! смерть предпочтительнѣе для тебя моей любви?

СІЯНА (*съ чувствительностїю*).

Успокойся, *Лизїасъ*! и выслушай меня. . . Почтенїе, благодарность, нѣжнѣйшая дружба — вотъ чувствїя, которыя сердце твое достойно цѣнить. . . я обѣщаю ихъ хранить къ тебѣ до послѣдняго издыханїя. . . и когда то правда, что души наши и за гробомъ могутъ чувствовать, знать, то самая смерть не возможетъ положить предѣловъ моей нѣжности. . . но любовь. . . О безцѣнный другъ! . . когда бы ты зналъ. . . Нѣтъ, нѣтъ, я не могу. . .

ЛИЗІАСЪ.

Дружба, благодарность! . . . все ли тутъ, что сердце твое можетъ предположить пламеннымъ восторгамъ моего? . . О Сїяна! прекрасная Сїяна! Небо, изливше е на тебя столько прелестей, даровавшее тебѣ чистѣйшую, благороднѣйшую душу, долженствовало одарить тебя сердцемъ, сотворенным лю бить. . . Нѣтъ, ты не можешь быть нечувствительна. . . Разсмотри мою душу; нѣтъ въ ней чувствїя, нѣтъ въ ней ни одной мысли, которой не была бы ты предметомъ. . . твой образъ всю ее занимаетъ. . . Обожаемая, не трогаетъ ли тебя такая любовь? ты размышляешь. . . ты смущаешься. . . глаза твои покрываются слезами. . . ты вздыхаешь. . . Скажи, скажи мнѣ, что ты ко мнѣ не равнодушна. . . скажи, что ты меня любишь! . . . (*помолчавъ*) Лети въ мои объятїя, *Сїяна*! . . . позволь облобызать сїи слезы. . . огонь моихъ поцѣлуевъ осушитъ ихъ. (*Онъ къ ней приближается, она его отстороняетъ, закрываетъ лице свое руками, опершися на подножїе статуи, и даетъ волю своимъ слезамъ и вздохамъ*)

Ты плачешь, обожаемая мною любовница! . . . ты не хочешь слышать доказательствѣ невинной нѣжности! . . . Ахѣ! изъясни мнѣ непонятную мнѣ загадку.

СІЯНА.

Ты долженѣ былѣ бы ее отгадать, нещастный другѣ! Мученія твои принуждаютѣ меня проливать слезы; онѣ-то терзаютѣ мое сердце. . . Ахѣ! почто сердце твое питаетѣ чувствованія, которыя не могу. . . не смѣю я раздѣлять.

ЛИЗІАСЪ.

Которыя не смѣешь ты раздѣлять?

СІЯНА.

О другѣ мой! не требуй. . . ты умножишь только мои страданія. . . ты нанесешь сокрушеніе, смерть оному сердцу, котораго ничто вѣ свѣтѣ, даже сами боги не могутѣ перемѣнить. . . (*Съ движеніемъ*) Я повторяю, *Лизіасъ*, надобно намѣ разлучиться. . . твой покой, скажу и мой также, разсудокѣ, должность, все требуетѣ отѣ насѣ сей лютой жертвы.

ЛИЗІАСЪ (*предаваясь всей пылкости своего нрава*).

Хорошо! я жертвую, но не для тебя! . . Спала завѣса, покрывавшая

глаза мои; я тебя вижу, да, я вижу тебя во всей твоей гнусности, вѣроломная, ухищренная душа! . . . Улыбка любви, чистосердечія, летаетъ на устахъ твоихъ, но адъ въ сердцѣ твоемъ. . . сей-то адъ научилъ тебя мучить меня. . . Онъ наставляетъ тебя въ ужасномъ искуствѣ мертвить тысячью смертей жертву, тебѣ преданную, никогда не исторгая изъ нее дыханія. . . Змѣя, таившаяся подъ розами невинности! я усмотрѣлъ тебя. . . Наслаждайся адскою своею побѣдою; я не могъ избѣгнуть твоей власти, но возмогу преодолѣть ее. . . возмогу. . .

СІЯНА (*предавшись отчаянію*).

Неблагодарный! свирѣпая душа! . . . ахъ! прости *Лизіасъ*! . . . нѣтъ, я не хочу тебя упрекать. . . Наружность тебя обманула. . . вспыльчивое твое сложеніе увлекаетъ тебя. . . не сердце твое виною, что ты обидѣлъ нещастную. . . *Лизіасъ*! истинна нѣкогда озаритъ тебя. . . Но меня тогда не будетъ болѣе. . . О милой другъ! не готовь себѣ вѣчнаго раскаянія. . . уважь мое молчаніе. . .

ЛИЗІАСЪ.

Я начинаю разумѣть его. . . и ты меня болѣе не обольстишь. . . Сей нѣж-

ной голосъ, вливавшій сперва въ сердце мое столь сладкое смятеніе, напоявшій оное любовію... утратилъ силу свою... Онъ претворился въ голосъ мстительной фуріи, онъ раздражаетъ ядъ, текущій въ жилахъ моихъ... (*Возвышая голосъ*) Другой, безъ сомнѣнія другой умѣлъ тронуть сердце сіе, ко мнѣ только одному нечувствительное... Вѣроломная! ахъ! для чего ты не сказала мнѣ о щастіи ненавистнаго мнѣ совмѣстника?... не имѣлъ ли я права на твою довѣренность?... не довольно ли я сдѣлалъ, чтобъ заслужить ее?... Но нѣтъ, тщеславіе твое лишилось бы варварскаго удовольствія видѣть нещастнаго, упоевающагося симъ пагубнымъ ядомъ, наносимымъ твоими взорами... Конечно не доставало сего торжества твоей славѣ. Но ты не насладишься онымъ, нѣтъ! не насладишься имъ... Претворясь въ грозное страшилище, неотступно слѣдующее за тобою, я повсюду стану представляться тебѣ... я постигну тебя въ объятіяхъ сего смертнаго, мнѣ предпочитаемаго...

(*Голосъ его слабѣетъ нечувствительно; напослѣдокъ онъ не можетъ удержать своего умиленія.*)

О *Сїяна*! *Сїяна*! скажи мнѣ, что я бманываюсь. . . скажи, что отчаянїе лишило меня употребленїя разума. . . что я не знаю, что говорю. . . что я не помню самаго себя. . . Ради боговъ! ради всего, что есть священнѣйшаго! *Сїяна*! старайся, естьли нужно, ослѣплять меня. . . Взоръ, одинъ токмо взоръ! . . . ты отвращаешь глаза! о! я это вижу! . . мнѣ остается токмо умереть. . .

(*тихимъ и дрожащимъ голосомъ*)

Прощай, *Сїяна*! . . . прощай на вѣки! . . .

(*онъ удаляется*)

СIЯНА (*удерживая его за руку*).

Нещастный! . . . куда идешь ты?

ЛИЗIАСЪ (*усмѣхаясь*).

Испытать, буду ли я хитрѣе тебя.

СIЯНА.

Что ты хочешь сказать? рука твоя оледенѣла. . . лице твое посинѣло. . . твой взоръ заблуждаетъ. . . ты весь трепещешь. . . скажи, скажи! . . . Что ты предпринимаешь? . . .

ЛИЗIАСЪ (*самымъ отчаяннѣйшимъ голосомъ*).

Ты знаешь тотъ утесъ, которой омывается моремъ. . . такъ, ты должна его знать. . .

СIЯНА.

Боги!

ЛИЗІАСЪ.

Я иду. . . неблагодарная! не для спасенія твоей жизни, но для прекращенія моей.

(*Онъ вырывается изъ рукъ Сіяны, которая хочетъ его удержать и уходитъ.*)

Сіяна бросается къ нему, падаетъ передъ нимъ на колѣна и вопіетъ перерываемымъ голосомъ:

О *Лизіасъ*! . . . *Лизіасъ*! знай, свирѣпый! что *Сіяна*. . . любитъ тебя! . . . что она первая полюбила тебя. . . Я умираю!

(*Она лишается чувствъ*)

ЛИЗІАСЪ (*кидается къ ней и поднимаетъ ее*).

Боги! боги! я упадаю подъ бременемъ моего благополучія! . . . Очувствуйся, любезная *Сіяна*. . . открой глаза. . . дай мнѣ видѣть въ нихъ мое щастіе. . . Пусть душа моя упоевается сею сладкою увѣренностію . . . Какъ могло причинить тебѣ столько ужасу сіе признаніе, возвращающее мнѣ жизнь. . . дающее мнѣ новое бытіе. . . о возлюбленная моя! . . .

СІЯНА.

Гдѣ я? чей голосъ призываетъ излетающую душу мою въ обитель живущихъ?

(*Она узнаетъ Лизіаса и ужасается.*)

Лизїасъ! . . . ты ли это? . . . Ахъ, нещастный! что ты сдѣлалъ? . . .

(*Она его отталкиваетъ.*)

ЛИЗІАСЪ.

Владычица чувствъ моихъ! престань напоминать мнѣ о нещастїи. . . одно твое слово изгнало даже самую о немъ мысль изъ сердца моего. . . изъ сердца, гдѣ впечатлѣнъ на вѣки обоготворяемый образъ твой, котораго не можно исторгнуть, не поразивъ сперва сердца тысячами ударовъ. . . Душа жизни моей, божественная *Сїяна!* прими у ногъ своихъ клятву въ вѣчной вѣрности. . .

СІЯНА.

О *Лизїасъ!* какою странною судьбою! . . . на что надобно! . . . Не уже ли любовь лишила совсѣмъ тебя разсудка? . . . подумай. . .

ЛИЗІАСЪ (*съ живостїю*).

Я думаю, что ты рѣшила щастїе моей жизни. . . что ты меня любишь. . . что Великїй Царь (*) со всѣми своими сокровищами не столь щастливъ, какъ я.

СІЯНА (*убѣдительно*).

Лизїасъ! ты обманываешься; мнѣ надлежитъ вывесть тебя изъ заблужденїя,

---

(*) Такъ называли Греки Персидскихъ Государей.

которое сдѣлается для обѣихъ насъ гибельнымъ. . . Сядь, и пусть откровенность, съ которою буду я тебѣ говорить, избавитъ меня отъ тѣхъ несправедливыхъ упреканій, коими ты столь жестоко меня осыпалъ. . . И такъ знай, что прежде можетъ быть, нежели ты вѣдалъ, есть ли въ *Аѳинахъ Сіяна*, ты былъ ея любимымъ предметомъ; она принимала участіе въ твоей славѣ, радовалась твоимъ успѣхамъ. . . Такъ, *Лизіасъ*, воспоминаніе о тебѣ не выходило изъ моихъ мыслей, и не могши тебя видѣть, я забавлялась произведеніемъ мечты, которую называла я *Лизіасомъ*. . . Я занималась ею всечасно; напослѣдокъ я была щастлива, по мнѣнію моему. . . Но вскорѣ дѣйствительность заняла мѣсто сего пріятнаго воображенія; мнѣ надлежало плясать передъ тобою. . . Первой разъ устыдилась я моего состоянія. . . Душа моя терзалась; ужасное смятеніе ее волновало. Ахъ! конечно она предчувствовала, что сіе свиданіе рѣшитъ на вѣки мою долю. . . Я вхожу! какъ могу тебѣ изъяснить произшедшія тогда во мнѣ перемѣны? Естьли бы лунатикъ, ходившій нагимъ по улицѣ, проснувшись увидѣлъ себя окруженнаго многочислен-

нымъ народомъ, то не болѣе бы почувствовалъ непріятности, каковою была я объята, войдя въ залу и обратя на тебя взоръ. . . Частое біеніе сердца моего лишало меня дыханія, и мнѣ казалось, что я совсѣмъ его лишусь. . . казалось, что земля разверзалась подо мною, и при всякомъ шагѣ мнила я, что низвергаюсь въ бездну. Восклицанія пирующихъ меня унижали; даже твоя похвала понудила меня пролить слезы. . . смерть была въ душѣ моей. . . Я плясала отчаянная. . . однако же повѣришь ли ты, сія горестная минута была можетъ быть сладчайшею минутою въ жизни моей. . . Отпусти мнѣ, что я разсказываю такъ пространно. . . ты увидишь, что это было нужно. . .

ЛИЗІАСЪ.

Обожаемая *Сіяна*! развѣ не видишь ты, съ какимъ веселіемъ твой любовникъ внемлетъ тебя? . . . Ахъ! пріятная симпатія дѣйствовала въ одно время въ обѣихъ насъ: мнѣ кажется, что ты видишь въ сердцѣ моемъ сіи чувства, изображаемыя тобою съ такою искренностію; такъ! я примѣтилъ твое смущеніе, твое замѣшательство, я раздѣлялъ его. . . Сей томный, умирающій взглядъ. . .

сїю слезу, которую ты уронила. . . я одинъ только примѣтилъ. . . Сїи бездушные, окружавшїе меня. . . не могли проникнуть, цѣнить, обожать моей Сїяны! . . .

(*Онъ съ восхищенїемъ цѣлуетъ руку ея, которую она отнимаетъ; слеза скатилась изъ глазъ ея.*)

СЇЯНА (*въ сторону*).

О боги! дайте мнѣ силу окончить жертву! . . (*въ слухъ*) Другъ мой! я просила тебя позволить мнѣ говорить . . . не прерывать меня. . . Увы! я не такою уже вышла, какъ къ тебѣ пришла. . . Дѣйствительное заступило мѣсто мечты. . . Оно было столь же горестно, столь же сокрушительно, сколько первая была тиха, прїятна. . . Я лишилась покоя навсегда. . . Завѣса, скрывавшая меня отъ себя самой, разодралась рукою любви. . . при свѣтѣ огня ея увидѣла я себя во всей своей безобразности. . . Сей скрытный и могущественный гласъ, вложенный въ сердца наши природою и утушаемый въ вихрѣ забавъ; сей гласъ, которой слышала я только временемъ, гремѣлъ тогда въ душѣ моей. . . Правила порочнаго воспитанїя разсѣялись, подобно влажнымъ и заразительнымъ па-

рамъ могилъ, когда солнце проницаетъ ихъ своими лучами. . . Они оставили по себѣ угрызѣнія совѣсти и отчаянную извѣстность ничтожества, которое и самая вѣчность не можетъ изгладить. . . О *Лизїасъ*! вопіяла я, когда мнѣ должно любить тебя противъ моей воли, когда я не имѣю силы побѣдить сїю пагубную страсть, по крайней мѣрѣ буду имѣть силу убѣгать тебя. . . оставить навсегда сей домъ, гробъ моей невинности. . . Не тщетно сердце мое явило мнѣ заблужденія моего разума. . . печальные мои проступки. . . Прощай, отечество, покой, щастїе, удовольствїя, прощайте навсегда! . . прощай *Лизїасъ*! прощай. . . . все! (*горесть перерываетъ слова ея; по нѣкоторомъ молчанїи тихимъ и дрожащимъ голосомъ*) Остальное ты знаешь.

(*Лизїасъ, весьма растроганный, тщетно покушался говорить; онъ цѣлуетъ руку Сїянину, и прижимаетъ съ восторгомъ къ своему сердцу.*)

СІЯНА (*съ движенїемъ и убѣдительно*).

Сколько прелестей имѣютъ для меня сїи трогательные знаки твоей чувствительности! . . . Слезы твои, любезный другъ, каплями падаютъ на раны моего

сердца. . . онѣ уменьшаютъ мои горести. . . онѣ дадутъ мнѣ силу противостоять усугубленнымъ ударамъ гонящаго меня рока. . . Такъ, я это чувствую. . . я никогда столько не чувствовала, что сердца наши были созданы одинъ для другаго. . . Но когда сладостная симпатія ихъ сближаетъ, соединяетъ ихъ. . . строгая честь разлучаетъ ихъ на вѣки. . . уставы ея непремѣнны. . . они жестоки, но справедливы. . . они должны быть священны! . . . О достойный мой другъ! однѣ низкія души падаютъ подъ ударами бѣдствій. . . Кто не умѣетъ сносить, тотъ не достоинъ жалости. . . Ты дрожишь! ты кидаешь на меня смутной и укоризненной взоръ? . . . О *Лизіасъ*! не мучь меня, думая, что я меньше тебя терплю! . . . Ахъ! познай лучше сердце *бѣдной Сіяны*! . . .

(*Она бросается въ его объятія съ примѣтнымъ замѣшательствомъ.*)

О другъ мой! суди, люблю ли я тебя! . . . Когда бы нѣжность твоя не столь была чиста. . . когда бы сіи малыя красоты. . . когда бы твои чувства . . когда бы надлежало мнѣ для изцѣленія твоей страсти пожертвовать собою. . . О *Лизіасъ*! смотри, сколь далеко страсть

моя простирается къ тебѣ. . . Я отъ того умру; но ты будешь излѣченъ.

(*Она падаетъ къ ногамъ его. Возвышеннымъ голосомъ.*)

Но нѣтъ, великодушный *Лизїасъ*, ты не такъ любишь *Сїяну*! . . . Благороднѣйшее чувство тебя оживляетъ. . . О ты, Ангелъ мой хранитель! почитай меня своею невольницею; да, я хочу быть ею; рабствовать тому, кого обожаешь, то же, что царствовать — ты будешь любитель души моей. . . она не поврежденна. . . Тамъ, о другъ мой! тамъ образъ твой покоиться будетъ до послѣдняго вздоха моего. . . Любовь есть чувство преходящее. . . она есть огонь снѣдающїй, пожирающїй, но онъ кратковремененъ. . . Чѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ скорѣе угасаетъ. . . Одна дружба пребываетъ вѣчно, почтенїе никогда не истребляется. . . Другъ мой! вотъ чувства достойныя тебя. . . ихъ однихъ осмѣлится питать *Сїяна*. . . Повѣрь мнѣ, ихъ довольно для нашего блаженства. . . Мнѣ кажется, я знаю тебя; отечество тебѣ любезно, обязанности тебѣ священны, продолжай свои подвиги. . .

(*Съ умиленіемъ*)

Ахъ! пусть будетъ позволено мнѣ принимать иногда въ мое уединеніе героя моего отечества! . . пусть придетъ онъ туда счесть у другини своей пожатые имъ лавры! . . . пусть онъ, пожертвовавъ цѣлыми мѣсяцами для пользы отечества, проведетъ одинъ токмо день съ своею *Сіяною*! . . .

ЛИЗІАСЪ (*прерывая ее*).

Довольно, *Сіяна*! . . . теперь выслушай принятое мною намѣреніе, котораго ничто не можетъ премѣнить. . . Не мысли, милая *Сіяна*, что я изъ одной нерѣшимости далъ тебѣ столь долго говорить; ты еще ни одного не вымолвила слова, какъ я уже рѣшился. . . . (*улыбаясь*) Все твое краснорѣчіе, любезная *Сіяна*! въ сей разъ было безплодно; ты не достигла твоей цѣли.

СІЯНА.

Какъ? . . . что ты хочешь сказать?

ЛИЗІАСЪ (*съ улыбкою удовольствія*).

Вмѣсто того, чтобъ разорвать сіи узы, соединяющія меня на вѣки съ тобою, ты ихъ еще укрѣпила. . . Такъ, моя дражайшая! ничто не равнялось моей любви, а теперь мое почтеніе ее превышаетъ. . . Царствуй навсегда въ моемъ сердцѣ, о возлюбленная моя! рас-

полагай всѣмъ принадлежащимъ мнѣ самовластно. . . Ко узамъ, меня привязывающимъ къ тебѣ, позволь еще прибавить одно, которое всѣхъ ихъ соединяетъ — супружество!

СІЯНА.

Мнѣ быть твоею супругою!

ЛИЗІАСЪ.

Есть много безразсудныхъ, злобныхъ, которые будутъ порицать меня; но твердая душа умѣетъ вознестись превыше сужденій сихъ низкихъ сердецъ...

СІЯНА.

А гласъ чести?

ЛИЗІАСЪ.

Я чту истинную честь; но презираю сіе привидѣніе, похитившее имя ея . . презираю неправедной, глупой, свирѣпой предразсудокъ.

СІЯНА.

Нѣтъ, *Лизіасъ*, нѣтъ! . . . любовь моя драгоцѣннѣе мнѣ жизни. . . но ты драгоцѣннѣе мнѣ и самой любви. . . никогда. . . никогда. . .

ЛИЗІАСЪ.

Ты будешь моею супругою!

СІЯНА (*въ отчаяніи*).

Какъ! любовница *Гнатонида* сдѣлается супругою *Лизіаса*!

ЛИЗІАСЪ.

Ее болѣе нѣтъ уже. . . *Сіянѣ*, исторгнутой изъ волнъ, приношу въ жертву сердце мое. . .

Въ сію минуту пришелъ невольникъ извѣстить о пріѣздѣ *Даксифана*. Онъ уже показался въ концѣ алеи. . . *Сіяна* бѣжитъ къ нему на встрѣчу и бросается въ объятія его. Сіе скорое и чрезвычайное движеніе дочери его, горесть, изображенная на лицѣ ея, холодной и принужденной пріемъ *Лизіаса*, возбудили нѣжное попеченіе сего добродушнаго старца. Онъ внимательно обращалъ глаза на ихъ обоихъ съ выраженіемъ живѣйшаго безпокойства; онъ говорилъ мало, и былъ печаленъ и задумчивъ во весь день.

Едва появилося утро на другой день, какъ *Даксифанъ*, нетерпѣливо желая видѣть дочь свою, узнать сердце ея, излить въ оное бальзамъ утѣшенія, растворилъ дверь ея комнаты. . . Нещастная спала еще! ужасный сонъ ее тревожитъ; чело ея покрыто было холоднымъ потомъ, дыханіе было тяжко и скоро; щеки ея, омоченныя слезами, показывали, что она едва только заснула. . . *Даксифанъ* долго стоялъ предъ нею, сложивъ руки, устремивъ непо-

движно глаза свои, въ уныломъ молчанiи наконецъ онъ хотѣлъ уже возвратиться какъ *Сiяна* просыпается, обращаетъ вокругъ себя смутной взоръ и усматриваетъ его.

СIЯНА (*простирая къ нему руки*).

Отецъ мой! ты ли это?

ДАКСИФАНЪ (*прижимая ее къ своей груди*).

О дочь моя! любезная дочь! . . бѣдная *Сiяна*!

СIЯНА.

Такъ, я бѣдна! очень бѣдна! . . . Но нѣтъ, я ничего не лишилась, потому что ты меня еще любишь. . . я все еще твоя дочь. . . родительское сердце много замѣняетъ. . . ласки его услаждаютъ многiя бѣдствiя.

ДАКСИФАНЪ.

Такъ, ты моя дочь! . . . положи руку свою на мое сердце. . . *Сiяна*! чувствуешь ли, какъ оно бьется. . . Одно только отеческое сердце можетъ такъ биться. . . Ежели не я тебѣ далъ жизни этому виною природа. . . Да, я это чувствую, мнѣ надлежало бы быть отцемъ твоимъ. . .

СIЯНА.

Такъ, тебѣ надлежало бы быть отцемъ моимъ. . . Когда ты оставилъ

насъ, мнѣ казалось, что душа моя отдѣлялась отъ тѣла. . . я сдѣлалась вдругъ грустна, задумчива. . . черный флеръ спустился вокругъ меня. . . мрачная меланхолія поселилась въ сердцѣ моемъ. . . тайныя предчувствованія. . . можетъ быть. . . ахъ! почто ты оставлялъ насъ, о родитель мой? Отсутствіе твое. . . оно было для меня весьма бѣдственно. . . когдабъ ты зналъ —

(*Она опускаетъ голову на его плечо.*)

ДАКСИФАНЪ.

О дочь моя! выведи меня изъ жесточайшаго сомнѣнія. . . излей печали твои въ сердце своего отца.

СІЯНА.

Увы! какъ сказать тебѣ ужасную сію тайну? сдѣлать тебѣ столь постыдное для меня признаніе? . . . Родитель мой! . . твоя *Сіяна*. . . я не могу. . .

ДАКСИФАНЪ.

Сіяна! ежели бы сію тайну, которую сказать стоитъ тебѣ такого труда. . . ежели бы отецъ твой ее проникнулъ.

СІЯНА.

О! никогда! . . . никогда! ты бы уже пересталъ меня любить. . . ты бы болѣе не называлъ меня своею дочерью.

ДАКСИФАНЪ.

Любезная дочь! въ твои лѣта не умѣютъ еще скрывать; опытность бываетъ проницательна ... сердце твое...

СІЯНА.

О! мое сердце! . . .

ДАКСИФАНЪ.

Нещастная! . . . оно болѣе не принадлежитъ тебѣ; ты любишь. . .

СІЯНА.

Естьли бы только это было одно... но любить, и не надѣяться. . . .

ДАКСИФАНЪ.

Взаимности! . . ктобъ былъ столь слѣпъ, столь нечувствителенъ! . . .

СІЯНА.

Я любима, любима до чрезвычайности. . . и сїе-то самое приводитъ меня въ отчаянїе. . . губитъ меня. . .

ДАКСИФАНЪ.

Я не понимаю. . .

СІЯНА.

Я это знала. . . и такъ надлежитъ. . . о боги! *Даксифанъ*! слышалъ ли ты когда нибудь о распутной *Мирисѣ*, о любострастной *Тимандрѣ*?

ДАКСИФАНЪ.

За чѣмъ ты меня о этомъ спрашиваешь?

СІЯНА.

Знаешь ли ты ихъ?..

ДАКСИФАНЪ.

О! кто не знаетъ сихъ вѣроломныхъ Сиренъ, сихъ отторженныхъ чадъ природы, наносящихъ стыдъ полу твоему, и разореніе нашему?.. Нещастно государство, питающее въ нѣдрѣ своемъ сихъ змѣй... да будутъ прокляты....

СІЯНА.

Дражайшій отецъ! не кляни дочь свою!

ДАКСИФАНЪ.

Тебя проклинать? (*съ важностію*) До сихъ поръ я думалъ, что мнѣ извѣстна тайна, терзающая тебя.... я думалъ, что нещастная любовь... но нѣтъ! ты не о томъ соболѣзнуешь... О ты, дочь моя, столь же любезная, сколь и нещастная! открой мнѣ сію ужасную, непроницаемую тайну... не суетное любопытство меня къ тому побуждаетъ; можешь ли ты мнѣ отказать въ своей довѣренности?... Клянусь священными *Элевзинскими* таин-

ствами, что я никогда не употреблю во зло оную. . . Въ твои лѣта. . . непреодолимая прелесть соблазна. . . можетъ быть слабость. . . ахъ! кто ее не имѣлъ? *Сіяна*! ежели можно мнѣ хвалиться нѣкоторыми добродѣтелями, то ими обязанъ я сердцу своему; чувствительное сердце всегда бываетъ снисходительно. . . . а сердце отеческое. . . . ничего нѣтъ такого, чего бы оно не извинило. . . . ничего нѣтъ, чего бы оно. . . . .

СІЯНА.

Ты желаешь. . . ты требуешь. . . Я возъимѣю силу. . . (*становясь на колѣна*) Да, ты узнаешь, сколь мало достойна та, которую называешь ты своею дочерью, сего пріятнаго имени. . . ты узнаешь, что ты поносишь имя сіе, называя онымъ *Сіяну*. . . . но не отвергай ее отъ объятій твоихъ. . . будь снисходителенъ, будь великодушенъ, и выслушавъ заблужденія мои, не откажи мнѣ печальнаго утѣшенія, оплакать ихъ вмѣстѣ со мною.

Чтобы избѣжать повторенія, надлежитъ мнѣ прервать сей разговоръ; признаніе *Сіяны* ничего не имѣетъ новаго для моихъ читателей. . . оно было

тягостно, но чистосердечно. Изключивъ только имя родителей ея и первые дни ея младенчества, чего она совсѣмъ не знала, нещастная не забыла ни одного обстоятельства жизни своей. . . Сердце добродушнаго старика раздиралось.

ДАКСИФАНЪ (*черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ Сiяна перестала говорить.*)

Сiяна! . . . дочь моя! надлежитъ удалиться. . . сiю же минуту послѣдовать за мною.

СIЯНА.

Куда мы укроемся, родитель мой?

ДАКСИФАНЪ.

Въ мою хижину. . . тамъ станемъ мы вкушать хлѣбъ бѣдности, орошать его своими слезами. . . (*прижимая ее къ своей груди*) Нещастная! сколько я о тебѣ жалѣю! — но одѣнься, дочь моя! удалимся.

Сiяна повиновалась съ трепетомъ повелѣнiю Даксифанову; ежеминутно она бросала на него умоляющiй взоръ; мысль ее мучила; но она не смѣла открыть ему оной. . . Удалиться, не простясь съ *Лизiасомъ*. . . это было непристойно. . . Ахъ! за чѣмъ не могъ онъ этого пред-

узнать! . . . Однакожъ *Даксифанъ* взялъ бумаги, и написалъ къ нему слѣдующее:

Даксифанъ Лизїасу здравїя желаетъ.

Сынъ добродѣтельнаго Никарета!

Когда память отца твоего для тебя священна, когда ты желаешь итти по стопамъ его, то одного слова довольно будетъ къ оправданїю моего поступка. . . Сїяна открыла мнѣ свое сердце, и мнѣ ненужно было напоминать ей о должности ея. Прощай! мы болѣе тебя не увидимъ, но всегда станемъ любить тебя.

Сїяна съ смущенїемъ взирала на отца своего; она видѣла, какъ онъ отдалъ письмо сїе невольнику, и вздохъ вылетѣлъ изъ груди ея. Казалось, что она предузнавала, какое дѣйство произведетъ сей поступокъ надъ умомъ вспыльчиваго *Лизїаса*.

Даксифанъ поддерживалъ трепещущею рукою нещастную свою дочь, влекущуюся возлѣ его, и они нечувствительно удалялись. *Сїяна* въ сїю минуту болѣе всѣхъ на свѣтѣ была достойна сожалѣнїя; слезы не облегчали стѣсненной груди ея; въ величайшихъ печаляхъ не проливаютъ оныхъ; на всякомъ шагу останавливалась она и обращала печаль-

ной взоръ свой на жилище своего любовника; по томъ вдругъ оборачивалась и кидалась на грудь старца; сильное движенїе лишало ее чувствъ. Изумленный *Даксифанъ* возводилъ глаза свои на небо и испускалъ глубокїе вздохи . . . Вдругъ позади себя слышатъ они стукъ; се *Лизїасъ*, сидящїй на колесницѣ, влекомой двумя сильными конями; онъ бросаетъ на сихъ нещастливцовъ надменной и презрительной взоръ, покрываетъ ихъ облакомъ пыли, и какъ молнїя мимо ихъ проѣзжаетъ. — Это онъ! вскричала она печальнымъ голосомъ, и неподвижные глаза ея долго слѣдуютъ стезямъ колесницы; наконецъ, — совсѣмъ потерявъ его изъ виду, вскричала: о родитель мой!.. жертва. . . принесена. . . и бездыханна упадаетъ на землю. — *Даксифанъ*, собравъ остальныя свои силы, приноситъ ее къ ближнему ручейку, и старается привести въ чувство, окропляя ее чистою и холодною водою. . . Послѣдуемъ *Лизїасу* въ *Аѳины*.

Сїя жестокость, которой столь ясной опытъ показалъ *Лизїасъ*, родилась въ сердцѣ его весьма страннымъ образомъ отъ чрезмѣрной чувствительности. Онъ былъ весьма слабъ противиться пер-

вому возбужденію страсти; гордость же его не дозволяла ему обращаться опять на прежнее намѣреніе, отъ чего раскаяніе, слѣдующее за сею нещастною вспыльчивостію, было всегда безплодно. Едва взглянулъ онъ на *Сіяну*, какъ гнѣвъ его изчезъ; но природа, любовь, человѣчество тщетно воспринимали права свои надъ сердцемъ его; безразсудная тщеславность, дѣтскій страхъ быть осмѣяну, удержали его на колесницѣ, а лошади умчали его.

Возвратившись въ *Аѳины*, сперва искалъ онъ уединенія, но оно вскорѣ сдѣлалось ему несноснымъ. Безпокойство, мучившее его; внутренній голосъ, скрытно дѣлавшій ему укоризны и обвинявшій его въ жестокости и безразсудности; образъ оставленной, умирающей *Сіяны*, которой всюду слѣдовалъ за нимъ; сопротивленіе разсмотрѣть самаго себя, страхъ найти себя весьма виновнымъ, все сіе вмѣстѣ вовлекло его въ короткое время въ вихрь прежнихъ его забавъ. Въ ужасныхъ печаляхъ, равномѣрно какъ и въ великихъ радостяхъ, люди его свойства не могутъ долго оставаться одни сами съ собою; они опасаются проникнуть въ самихъ себя; имъ надобно раз-

сѣянїе; они наслаждаются, они существуютъ токмо въ шумѣ собранїй.

Ежели *Сїяна* имѣла сильнаго врага въ самомъ сердцѣ своего любовника, еще два другїе не менѣе опасные соединились противъ нее.

Гнатонидъ не позабылъ жестокой отказъ, которой она ему учинила; развратная *Тимандра*, которую *Лизїасъ* для нее покинулъ, женщина, пожертвованная совмѣстницѣ, становится фурїею; *Гнатонидъ* сїе зналъ; и вѣроломный другъ вознамѣрился чрезъ нее совершить свое мщенїе. Одинъ изъ невольниковъ *Лизїаса*, бывшїй съ нимъ въ загородномъ его домѣ, будучи подкупленъ золотомъ и обѣщанїями, открылъ ему тайну господина своего.

✣

(Кабинетъ въ жилищѣ Тимандры. Тимандра стоитъ передъ зеркаломъ, когда входитъ къ ней Гнатонидъ)

ГНАТОНИДЪ.

Для ково эта улыбка показывается такъ нѣжно на милыхъ сихъ губкахъ? . . сей нарядъ съ такимъ любострастнымъ нераченїемъ? не думаетъ ли *Тимандра* о новыхъ побѣдахъ? . . .

ТИМАНДРА (*смѣясь громко.*)

Вы мущины въ самомъ дѣлѣ весьма тщеславны. . . Скажи пожалуй, съ какой стати всѣ наши дѣйствія относите вы къ самимъ себѣ? . . .

ГНАТОНИДЪ (*съ язвительною насмѣшкою.*)

Въ самомъ дѣлѣ я ошибся! . . . однако же я пришелъ къ тебѣ такъ рано не за тѣмъ, чтобы тебя осердить. . .

ТИМАНДРА.

Вѣрно для какого нибудь новаго дурачества! посмотримъ!

ГНАТОНИДЪ.

Какъ же ты мила! Скажи, моя красавица, что вы тогда чувствуете, когда вами любовникъ жертвуетъ вашей соперницѣ?

ТИМАНДРА (*съ живостію.*)

Ненависть! презрѣніе!

ГНАТОНИДЪ.

Таки не ужъ-то всегда? . . . Но когда вѣроломный, ужесть, ужесть какъ хорошъ?

ТИМАНДРА (*вздохнувши.*)

Сожалѣніе! (*нетерпѣливо*) Но къ чему такіе вопросы?

ГНАТОНИДЪ.

Узнаешь! . . . Скажи еще мнѣ, что лестнѣе для красавицы, сохранить ли

вѣрнаго любовника, или снова покорить непостояннаго, дерзнувшаго другою заниматься?

ТИМАНДРА (*съ притворною важностію.*)

О чемъ спрашивать! какая женщина будетъ такая сама себѣ неприятельница, чтобъ не предпочла страстнаго любовника вѣтреному, которой, какъ бабочка, перелетываетъ отъ одной къ другой?

ГНАТОНИДЪ (*насмѣшливымъ голосомъ.*)

По чистой совѣсти?

ТИМАНДРА (*тронувшись.*)

Гнатонидъ! такія рѣчи мнѣ не нравятся... Окончи, или я...

ГНАТОНИДЪ.

Тсъ! тсъ! полно сердиться, мы и такъ лишь только помирились... Я право думалъ, что это не великая бѣда, когда не повѣришь первому женскому слову...

ТИМАНДРА.

Ты приводишь меня въ нетерпѣніе... Да, какова эта гирлянда?... Хорошо ли она приколота?... Мнѣ хотѣлось бы однако поменьше розъ; это показываетъ слишкомъ дѣтской видъ. Чрезвычайно смѣшно хотѣть казаться

моложе, нежели какова въ самомъ дѣлѣ; пусть этимъ утѣшаетъ себя *Мириса*; очень только жаль, что по несчастію она никого не можетъ въ томъ увѣрить.

ГНАТОНИДЪ.

Злоязычница, плутовскіе глаза. . . отмѣнно хорошо! . . Ты чудеса настроишь сего дня. . .

ТИМАНДРА.

Сего дня! ты изрядно льстишь.

ГНАТОНИДЪ.

Ты мнѣ тысячу разъ говорила, что мои разсужденія не важны; позволь же говорить мнѣ вольно. . . Однако что у тебя за предпріятія? нѣтъ ли какихъ условій?

ТИМАНДРА.

Никакихъ. . . А гдѣ ты ужинаешь?

ГНАТОНИДЪ.

У меня будутъ гости, и я пришелъ тебя пригласить.

ТИМАНДРА.

Охотно, ежели въ загородномъ домѣ; но что у тебя такое?

ГНАТОНИДЪ.

У меня ужинаютъ, *Мениллъ*, *Демеасъ*, веселая *Алфаниса*, глубокомыслен-

ный *Антилохъ*, (*съ насмѣшливымъ видомъ*) твоя пріятельница *Мириса*. . . и. . . и. . .

ТИМАНДРА.

И еще кто?

ГНАТОНИДЪ.

Ахъ! виноватъ! ты знаешь несносную мою забывчивость. . . Я было совсѣмъ запамятовалъ. . . Ты мнѣ совершенно открыла свои чувства, чтобъ я могъ. . .

ТИМАНДРА (*стуча ногою.*)

Окончи что ли! ты меня уморишь. . .

ГНАТОНИДЪ (*съ притворною важностію.*)

Въ двухъ словахъ — *Лизіасъ* возвратился въ городъ, и хочетъ у меня ужинать съ *Мирисою*. . . Я думаю, что у нихъ не безъ уговора. . . Теперь видишь, что это для тебя не ловко. . .

ТИМАНДРА.

Лизіасъ, *Мириса*! эта несносная *Мириса*! . . . Но это все пустое! (*помолчавъ, огорчительнымъ голосомъ*) *Гнатонидъ*! я не люблю такихъ шутокъ, онѣ очень не у мѣста.

ГНАТОНИДЪ

Чтобъ теперь же мнѣ умереть, есть-ли это не самая сущая правда. . . . Я

увѣдомился, что у *Лизіаса* съ *Сіяною* произошла не большая ссора, и что онъ ее тамъ оставилъ. . . Еще сказывали мнѣ, что онъ уже не однажды съ пріѣзда посѣщалъ *Мирису*. . . Ты знаешь нашего милаго *Лизіаса*. . . Ты знаешь, какъ онъ пылокъ! . . . (*съ коварнымъ видомъ*) Зная, что ты принимала нѣкогда участіе въ другѣ моемъ, я за долгъ почелъ увѣдомить тебя о сей странной новости. . . увидѣть твои мысли. . . Но строгость твоихъ правилъ. . .

ТИМАНДРА.

Оставимъ правила, — мнѣ очень хочется увидѣть *Лизіаса*. . . очень. . .

ГНАТОНИДЪ.

А *Анитъ*! сей нѣжной и вѣрной *Анитъ*! сей единственной образецъ испытаннаго постоянства! . . .

ТИМАНДРА.

Этотъ дурачокъ! . . . Онъ мнѣ давно уже наскучилъ; и ежели я съ нимъ по сію пору еще не разошлась, то изъ одной только жалости.

ГНАТОНИДЪ.

О женщины! женщины!

ТИМАНДРА (*приведенная въ замѣшательство, краснѣетъ и зажимаетъ ему ротъ*).

Негодяй!

ГНАТОНИДЪ.

Поцѣлуй меня. . . . и я все забуду. . . сдѣлаюсь нѣмымъ. . . слѣпымъ! . . .

ТИМАНДРА.

Ну! . . . два. . . три. . . четыре. . .

ГНАТОНИДЪ (*обнимая ее*).

Прелестное созданіе! кто устоитъ противъ твоихъ ласкъ? Признайся, *Тимандра*! что у меня не выиграешь притворствомъ, я все умѣю отгадывать. . . Однако же скажи мнѣ, отъ чего ты краснѣешь? любовь, или желаніе пріятнаго мщенія румянитъ твои щеки, блещетъ въ глазахъ твоихъ; они сверкаютъ тысячью огней. . .

ТИМАНДРА.

Я женщина, у меня есть соперница, а ты еще спрашиваешь.

ГНАТОНИДЪ (*съ насмѣшливымъ видомъ.*)

Виноватъ, сударыня! въ самомъ дѣлѣ этотъ вопросъ былъ нескроменъ, или по крайней мѣрѣ ненуженъ.

ТИМАНДРА.

Послушай, *Гнатонидъ*! эта проклятая *Мириса* меня безпокоитъ.

ГНАТОНИДЪ.

О! пожалуй не безпокойся; я выдумалЪ тебѣ пустую сказку; онЪ не видался сЪ нею.

ТИМАНДРА.

БудетЪ ли она ужинать?

ГНАТОНИДЪ.

Конечно, естьли тебѣ угодно.

ТИМАНДРА.

КакЪ же ты несносенЪ!

ГНАТОНИДЪ.

И такЪ сего же вечера, моя красавица (*поцѣловавЪ ее*) я иду заключать мирЪ сЪ *Лизїасомъ*; онЪ со мною раздорилЪ. . .

ТИМАНДРА.

Но ты мнѣ сказалЪ. . .

ГНАТОНИДЪ.

Ничево не бывало. ОнЪ отЪ меня, какЪ отЪ чорта бѣгаетЪ.

ТИМАНДРА.

ОбманщикЪ! какЪ онЪ меня провелЪ!

ГНАТОНИДЪ.

Будто ты не знаешь, *Тимандра*, кто всегда говоритЪ женщинамЪ правду, тотЪ согласился быть ихЪ игрушкою. . . Но я позабылся. . .

(*ОнЪ уходитЪ*)

ТИМАНДРА (*простирая руку, какЪ будто бы желая его ударить*).

Плутишка!

ТИМАНДРА (*одна.*)

Не знаю, сплю я, или нѣтъ! *Лизїасъ* возвратился!...какъ, *Лизїасъ*, кого непостоянство — еще и теперь стыжусь сама себя — принудило меня проливать горькiя слезы?.. Но должно ли мнѣ еще любить его? (*помолчавъ*) никакъ... никакъ... Я чувствую удовольствїе только въ томъ, чтобы отмстить за себя, привесть въ отчаянїе ненавистную мою совмѣстницу; возвратить вѣроломнаго къ ногамъ моимъ.... пристыдить его... Можетъ статься тогда... увидимъ... увидимъ (*приближаясь къ зеркалу*) Но сходенъ ли съ обстоятельствами такой видъ? нѣтъ, такой веселой взглядъ не годится... для *Лизїаса* надобно нѣсколько чувствительнаго... Цвѣтъ долженъ быть темноватый... волосы распущенные... цвѣтковъ совсѣмъ не надобно —

(*Она снимаетъ съ головы гирлянду.*)

Блѣдное, смущенное лице... томный взоръ... глаза, въ коихъ была бы изображена печаль, тихїй, прерывчивый голосъ, которой трогая душу доходитъ къ сердцу... Не должна ли я предста-

вить оставленную любовницу, нещастную жертву нѣжнѣйшей любви? *Миртея!... Миртея!...*

*

ОБЩЕНАРОДНОЕ ГУЛЬБИЩЕ.

ГНАТОНИДЪ (*прогуливается въ самой темной алеѣ; онъ видитъ Лизiаса, которой шелъ прямо къ нему, не примѣтивъ его*).

А! вотъ мой прiятель!... Спрячемся за сими деревьями, чтобъ онъ меня издали не примѣтилъ, а то онъ можетъ отъ меня увернуться. Какъ онъ разстроенъ!... А! онъ примѣтилъ меня — онъ хочетъ удалиться... — (*въ слухъ*) Здравствуй, сынъ мудраго *Никарета*!

ЛИЗIАСЪ (*не останавливаясь*).

Здравствуй, сынъ *Лизистрата*!

ГНАТОНИДЪ (*слѣдуя за нимъ*).

Послушай...

ЛИЗIАСЪ (*удвоивъ шаги*).

Извини — одно важное дѣло, котораго не могу я отложить, не даетъ мнѣ времени остановиться съ тобою...

ГНАТОНИДЪ (*настигая его, самымъ дружескимъ голосомъ*).

Другъ мой! *Лизiасъ*! ты бѣжишь отъ меня!... Не уже ли мы проведемъ

вѣкъ свой въ ссорахъ, да въ мировыхъ?... Ибо ты напрасно стараешься притворяться, ты вѣрно на меня сердитъ; но хоть убей меня, я не знаю за что!

ЛИЗІАСЪ (*въ замѣшательствѣ*).

Ты ошибаешься... Самыя важнѣйшія дѣла...

ГНАТОНИДЪ.

О! это одна токмо отговорка, чтобъ отъ меня уйти!

ЛИЗІАСЪ (*съ нетерпѣніемъ*).

Гнатонидъ! я привыкъ, чтобъ одному моему слову вѣрили... Впрочемъ, *Менилл*...

ГНАТОНИДЪ.

Да! да! я теперь вспомнилъ: *Менилл* говорилъ мнѣ, что онъ обѣщался съ тобою видѣться... Вы будете бѣгаться на лошадяхъ... Хотѣлось бы мнѣ ихъ посмотрѣть; — говорятъ, что онѣ отмѣнно хороши...

ЛИЗІАСЪ.

Я велю привесть ихъ къ тебѣ...

ГНАТОНИДЪ.

Нѣтъ, позволь мнѣ итти съ тобою.

ЛИЗІАСЪ (*съ холодностію*).

Какъ хочешь!

(*Они идутъ нѣсколько времени въ глубочайшемъ молчаніи: Лизіасъ имѣетъ видъ безпокойной, смущенной; Гнатонидъ разсматриваетъ его внимательно.*)

ГНАТОНИДЪ.

Лизїасъ !

ЛИЗІАСЪ.

Что ?

ГНАТОНИДЪ.

Ежели бы ты открылъ мнѣ свое сердце, это можетъ быть облегчило бы насъ обоихъ ! . . .

ЛИЗІАСЪ.

Мнѣ нечего тебѣ сказать.

ГНАТОНИДЪ.

Природа наша не имѣетъ совершенства ; оно можетъ статься принадлежитъ мнѣ менѣе, нежели кому другому. . . Но кто же будетъ снисходителенъ, какъ не другъ ? . . Любезный *Лизїасъ* ! можетъ быть я тебя огорчилъ, но клянусь тебѣ, что безъ намѣренїя. . .

ЛИЗІАСЪ (*начиная смягчаться.*)

Нѣтъ, *Гнатонидъ* ! ты меня совсѣмъ не огорчилъ. . . но вкусъ нашъ пересталъ быть одинаковъ ; ты любишь шумныя забавы, а я. . .

ГНАТОНИДЪ.

Любезный прїятель ! . . . правда всегда видна среди тѣхъ предлоговъ, которыми стараешься ты ее прикрывать. . . Я выведу тебя изъ замѣшательства ; послушай меня хорошенько — Не давно

была въ *Аѳинахъ* молодая и прекрасная дѣвушка, которая соединяла съ тысячью прелестей привлекательныя дарованія. Нѣкто изъ молодыхъ людей, увидѣвъ ее, не могъ удержаться, чтобъ ее не полюбить, и за знакомство съ нею заплатилъ полновѣснымъ золотомъ. Красавица, подъ видомъ невинности и чистосердечія, скрывала пылкое сложеніе; проворной молодой человѣкъ умѣлъ пользоваться тою минутою, когда чувства говорили съ нѣкоторою живостію; онъ былъ щастливъ, былъ щастливъ тысячу разъ... Упоенный щастіемъ своимъ, разсказалъ онъ о томъ своимъ друзьямъ; это было можетъ статься нескромно; но должно ему простить, ибо онъ самой вѣтреной человѣкъ. . . Однако же въ числѣ его пріятелей нашелся одинъ изъ такихъ людей, которые ничему до тѣхъ поръ не вѣрятъ, пока сами не увидятъ. . . И такъ онъ видитъ, влюбляется, и спѣшитъ погребстись въ загородномъ своемъ домѣ съ новымъ предметомъ своего обожанія; воспаленное его воображеніе тотчасъ претворяетъ красавицу его въ *Минерву*; онъ приноситъ ей презабавную жертву, по томъ ее покидаетъ, и все сіе оканчиваетъ побранкою съ своимъ дру-

гомъ. . . А за что? за то, что онъ былъ къ нему такъ милостивъ, что отбилъ у него любовницу. . . Не угадалъ ли я, *Лизіасъ*?

ЛИЗІАСЪ (*въ замѣшательствѣ*).

Что ты этимъ хочешь сказать?

ГНАТОНИДЪ.

Ты не хочешь меня разумѣть; и такъ надобно мнѣ будетъ изъясниться съ тобою повнятнѣе. . . Ты увидѣлъ миленькую *Сіяну*, и рехнулся отъ нее; ты у меня ее отнялъ; и вмѣсто того, чтобъ тебя за то упрекать, на что я имѣю право, я же сношу отъ тебя негодованіе и стараюсь передъ тобою извиниться; и наконецъ играю твое лице, когда ты такъ успѣшно завладѣлъ моимъ. . . Ну, *Лизіасъ*! кто же изъ насъ лучшій другъ?

ЛИЗІАСЪ.

Тотъ, кто менѣе долженъ самаго себя упрекать.

ГНАТОНИДЪ.

Изрядно (*даетъ ему руку*).

ЛИЗІАСЪ.

Прости меня, *Гнатонидъ*, я былъ несправедливъ. . . Ты способствуешь моему нещастію, но безъ всякаго умысла. . .

О! я лучше хотѣлъ бы отдать все мое имѣнїе, нежели знаться. . .

ГНАТОНИДЪ.

Это собственная твоя вина, другъ мой; ежели, какъ я угадываю, ты не лучше пользовался ея знакомствомъ. . . Бѣдный *Лизїасъ!* ты изо всей мочи выхваляешь свои чувствїя, выдумываешь мечтательные замыслы, и по томъ сердишься, что сїе странное сумазбродство не дается тебѣ въ ладъ. . . Объ закладъ бьюсь, что ты съ утра до вечера валялся у ногъ *Сїяны*, и распещрялъ ей свою *Платоническую* любовь, которую она тотчасъ и приняла; но вскорѣ наскуча сею душевною силою, въ которой чувства остаются безъ дѣйствїя, она сбросила безъ сомнѣнїя личину, и. . .

ЛИЗІАСЪ.

Ты въ заблужденїи, *Гнатонидъ!* . . *Сїяна* причинила мнѣ огорченїя, — огорченїя, которыхъ я никогда не забуду, которыхъ никогда не прощу ей, но ты не о нихъ думаешь. . . Предложенїе руки моей. . .

ГНАТОНИДЪ.

Какъ ты могъ! .

ЛИЗІАСЪ (*нѣсколько приведенный въ замѣшательство*)

Такъ! но могъ ли я поступить иначе? Выслушай и суди меня.

(*И слабый, легковѣрный Лизіасъ подробно разсказалъ вѣроломному своему другу приключеніе свое съ Сіяною . . . все то, что Гнатонидъ зналъ уже чрезъ подкупленнаго невольника; и когда Лизіасъ окончилъ свое повѣствованіе, Гнатонидъ началъ смѣяться изо всей силы.*)

ГНАТОНИДЪ.

Вотъ тебѣ на! слыхано ли это, чтобъ такимъ образомъ поступали съ дѣвкою ея состоянія? Мужъ! . . . онъ кажется чудовищемъ въ глазахъ *Сіяны* . . . Вытти за него для нее тоже, что запереть ее въ четырехъ стѣнахъ на всю жизнь. . . Любовь, золото, забавы, а особливо свободу, — вотъ что ей надобно бы было предложить. . . А то желая пережениться на всѣхъ нашихъ красивыхъ женщинахъ, всегда не удастся тебѣ съ такимъ безумствомъ попользоваться щастіемъ; я это тебѣ предсказываю. . . Однимъ словомъ, не надобно жениться на танцовщицѣ; съ нею можно расположиться, и такой способъ, удобной для обоихъ, одинъ только для нее приличенъ.

ЛИЗІАСЪ.

Я вижу, мой другъ, что ты совсѣмъ ложнаго мнѣнія о этой чудной дѣвушкѣ. . . *Сїяна* могла быть слабою, но никогда безчестною. . . Для одной шутки не бросаются въ море.

ГНАТОНИДЪ.

А этотъ старикъ съ судномъ, которой какъ будтобы нарочно тутъ былъ. . . Бѣдный *Лизїасъ* ! какъ тебя проводятъ !

ЛИЗІАСЪ.

Не отказались бы отъ моей руки, отъ моего имѣнія, ежели бы были жадны къ золоту. . .

ГНАТОНИДЪ.

То-то и есть. . . Жена должна сберегать, а любовница можетъ расточать.

ЛИЗІАСЪ.

Перестанемъ о этомъ говорить. . . Ты меня токмо печалишь, не могши меня убѣдить. . . Вотъ *Мениллъ*.

ГНАТОНИДЪ.

Да ! нѣкоторые изъ общихъ нашихъ пріятелей ужинаютъ сего дни у меня; сдѣлай мнѣ удовольствіе, *Лизїасъ*, приходи и ты ко мнѣ.

ЛИЗІАСЪ.

Я не могу; пиршества. . .

ГНАТОНИДЪ

О! это не пиршество, но простое собраніе друзей.

ЛИЗІАСЪ.

Увидимъ.

ГНАТОНИДЪ.

Я надѣюсь, что ты придешь.

ЛИЗІАСЪ.

Можетъ быть.

ГНАТОНИДЪ.

Покажи мнѣ этимъ опытъ чистосердечнаго примиренія.

ЛИЗГАСЪ.

Я согласенъ, но только. . .

ГНАТОНИДЪ.

Что такое?

ЛИЗІАСЪ.

Совсѣмъ чтобъ не было женщинъ.

ГНАТОНИДЪ.

Странной человѣкъ!

ЛИЗІАСЪ.

Обѣщаешь ли ты это?

ГНАТОНИДЪ.

И такъ, чтобъ совсѣмъ не было женщинъ.

Лизіасъ пошелъ на ристалище, а *Гнатонидъ* подъ нѣкоторымъ предлогомъ

возвратился домой, чтобъ увѣдомить *Тимандру* о своемъ успѣхѣ. Вотъ что онъ написалъ ей:

„Гнатонидъ тысячу разъ цѣлуетъ Тимандру. Птичка попалась въ мои сѣти, я отдамъ тебѣ ее сегодни же; ты можешь подстричь ей крылья, естьли тебѣ будетъ угодно. Ты притворишься, будто не звана и зашла къ намъ нечаянно; ибо надобно тебѣ сказать, что Лизїасъ питаетъ отвращенїе къ твоему полу. Онъ васъ боится. Когда бы торжество, которое я приготовляю тебѣ, было не столь легко и лестнѣе, я поздравилъ бы тебя напередъ, но. . . прощай, милая!„

*

СТОЛОВАЯ КОМНАТА У ГНАТОНИДА.

Лизїасъ, Гнатонидъ, Мениппъ, Демеасъ, Анитъ и другїе гости. — Ужинъ при концѣ, винные пары разгорячили головы; даже и Лизїасъ начинаетъ развеселяться.

ГНАТОНИДЪ *(встаетъ, держа въ рукѣ сосудъ, обвитый розами. — Всѣ умолкаютъ.)*

Всесильная Венера! божественное сладострастїе! прїятности, смѣхи, игры,

любовь! милые утѣшители мученій младыхъ лѣтъ! для васъ вѣрный вашъ обожатель дѣлаетъ сіе изліяніе!

(Въ ту минуту, когда хочетъ онъ излить вино, Тимандра, покрытая флеромъ, входитъ въ горницу, становится позади Гнатонида, который притворяется, будто ее не видитъ; она выхватываетъ у него сосудъ).

ТИМАНДРА *(притворнымъ голосомъ).*

Постоянная и чистосердечная любовь! отрада чувствительнаго и правдиваго сердца! да будетъ тебѣ сіе изліяніе!

ЛИЗІАСЪ *(огорчительнымъ голосомъ).*

Женщина ли это говоритъ?

ТИМАНДРА.

Женщина.

ЛИЗІАСЪ.

Клянусь Юпитеромъ, что я этому не вѣрю. . . Посмотримъ *(онъ встаетъ къ Тимандрѣ, снимаетъ съ нее покрывало, узнаетъ ее, и удаляется въ изумленіи)* Тиман. . .

ТИМАНДРА.

Лизіасъ! *(она краснѣетъ, кладетъ руку на свое сердце, и оборачивается назадъ, какъ бы желая скрыть свое смущеніе)* Боги. . .

(Глубокое молчаніе. — Вдругъ оно прерывается громкимъ смѣхомъ всѣхъ гостей. . . Лизіасъ кидаетъ сердитый взглядъ на Гнатонида, и садится тихо на мѣсто свое; невольники подаютъ кресла, Тимандра садится съ разстроеннымъ видомъ.)

ГНАТОНИДЪ.

Какой щастливой случай привелъ къ намъ *Тимандру*?

ТИМАНДРА.

Мой приходъ не совсѣмъ нечаянной; но когда бы я знала (*она кидаетъ выразительной взоръ на Лизіаса, которой его примѣчаетъ*) Поистиннѣ, *Гнатонидъ*, моя безразсудность приводитъ меня въ отчаяніе.

ГНАТОНИДЪ.

Потому что ты намъ доставляешь неожидаемое щастіе.

ТИМАНДРА (*съ принужденною улыбкою*).

Я этотъ отвѣтъ могла уже предвидѣть; но тебѣ должно знать, *Гнатонидъ*, что такого роду привѣтствія такъ стары, что они, не смотря на величайшую истинну, дѣлаются лестью. . . Однако же я должна предъ тобою извиниться, то есть разсказать тебѣ при-

чину моего прихода. . . Тотъ молодой живописецъ, котораго принялъ ты въ свое покровительство, съ восхищенїемъ разсказывалъ мнѣ сегодни по утру объ одной картинѣ, которую онъ для тебя сдѣлалъ. . . Я возвращалась теперь съ гульбища, и проходя мимо твоихъ воротъ, вздумала о сей картинѣ; я вхожу, думаю, что ты вышелъ, вступаю въ сїю залу, меня не примѣтили, я отнимаю у тебя сосудъ и. . . Суди о моей дерзости.

ЛИЗЇАСЪ (*въ сторону*).

Эта исторїя кажется мнѣ не слишкомъ вѣроятна; однако же она можетъ случиться. (*въ слухъ*) Было такое время, что *Тимандра* была не великая любительница живописи, такъ что она однажды отказалась сдѣлать четыре шага, чтобъ увидѣть превосходнѣйшую работу. . . Но вкусъ перемѣняется.

ТИМАНДРА.

Да, онъ и долженъ перемѣняться. . . Премѣнчивость возбуждаетъ утѣхи, единообразность ихъ умерщвляетъ. . . Чтобъ лучше веселиться, надобно быть такъ непостоянну, какъ бабочка. . . Не такъ ли и ты думаешь, *Лизїасъ*?

(*Лизїасъ кусаетъ себѣ губы и потупляетъ глаза.*)

ГНАТОНИДЪ.

Надобно имѣть мои глаза и сердце, прекрасная *Тимандра*! тогда можно быть убѣждену, что ты никого не увѣришь, что непостоянство составляетъ щастїе въ жизни — Какъ ты думаешь о этомъ, *Лизїасъ*?

ЛИЗІАСЪ.

Я думаю. . . что чувствованїе мое должно быть довольно холодно. . Да, — послушай, другъ мой, ты знаешь, что я до безумїя люблю живопись, а ничего мнѣ не говоришь о новомъ твоемъ прїобрѣтенїи. . . Можно ли посмотрѣть эту выхваленную картину?

ГНАТОНИДЪ (*въ сторону*).

Выдумка удается. . . (*въ слухъ*) Теперь нѣсколько поздо; однако же, когда тебѣ угодно. . .

ЛИЗІАСЪ (*съ живостїю*).

Очень! очень! пойдемъ! . . .

ГНАТОНИДЪ.

Ты совсѣмъ позабылъ, что оставить такимъ образомъ гостей весьма непристойно; но вотъ *Тимандра*, которая давно уже желаетъ видѣть мою галлерею; я отдаю ее на руки знатоку,

которой исполнитъ эту должность лучше меня, хотя и съ сожаленіемъ я ему уступаю оную. . . . *Тимандра*! *Лизіасъ* идетъ съ тобою.

ЛИЗІАСЪ (*встаетъ въ смущеніи и приближается къ Тимандрѣ съ примѣтною досадою.*)

Препорученіе, которое дѣлаетъ мнѣ *Гнатонидъ*, конечно лестно для. . . . Когдабъ. . .

ТИМАНДРА (*съ нѣжностію*).

Нѣтъ, *Лизіасъ*, это было бы во зло употреблять твое учтивство; я совершенно ничего не знаю. . . Я надѣлаю тебѣ тысячу вопросовъ.

ГНАТОНИДЪ.

Вопросы прекрасной женщины никогда не бываютъ въ тягость, а особливо когда можно такъ надежно отвѣтствовать, какъ мой другъ.

ТИМАНДРА.

И такъ я соглашаюсь. . . Но. . .

ГНАТОНИДЪ.

И къ чему столько учтивства. . . Берегись, *Тимандра*. . . Можно будетъ подумать. . .

ТИМАНДРА.

Что я совсѣмъ непонятна. . .

(Она подаетъ руку Лизіасу, и выходя кидаетъ на Гнатонида нѣчто значущій взоръ. . . Глухой шумъ между гостями.)

⁂

КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

(Глобусы, сферы, музыкальныя орудія, въ концѣ кресла и проч. Лизіасъ ведетъ Тимандру за руку)

ТИМАНДРА.

Такъ, *Лизіасъ*, я полюбила до безумія это волшебное искусство, или по крайней мѣрѣ хочу себя въ этомъ увѣрить. . . (*нѣжно*) Когда имѣешь весьма чувствительное сердце, надобно утѣшать его произведеніями ума.

ЛИЗІАСЪ.

Правда, когда не льзя его удовольствовать. . . но ты, *Тимандра*, украшенная всѣми прелестями младости, обожаемая самымъ блестящимъ *Аѳинскимъ* юношествомъ. . .

ТИМАНДРА.

О *Лизіасъ*! . . . какъ худо ты меня знаешь! . . . Не уже ли ты такъ несправедливъ, что думаешь, будто сіи вертушки могутъ мнѣ нравиться? . .

ЛИЗІАСЪ.

Ахъ, извини! я не зналъ, что ты также сдѣлалась Философкою.

ТИМАНДРА.

Эта насмѣшка меня не огорчаетъ... я думала, *Лизїасъ*, что я имѣю нѣкоторое право на твое почтенїе.

ЛИЗІАСЪ.

О! конечно! ... я такъ твой полъ почитаю, что не льзя больше... онъ достоинъ всякаго уваженїя; ежели тебѣ угодно, то я стану его обожать; вить это болѣе, нежели любить...

ТИМАНДРА.

Я этого не знаю, но по крайней мѣрѣ это гораздо легче.

ЛИЗІАСЪ.

Также гораздо лестнѣе для самолюбїя... это придаетъ болѣе блеску... пышности... болѣе дѣлаетъ шуму.

ТИМАНДРА (*усмѣхаясь*).

Удивляйся моей простотѣ; до сихъ поръ я думала, что тайность есть величайшая прелесть любви.

ЛИЗІАСЪ.

Да, сперва, когда женщины умѣли любить; но съ того времени, какъ онѣ

увидѣли, что несравненно спокойнѣе быть любимыми. . . то имъ такъ омерзѣла эта тайность. . . и сїе совсѣмъ нечудно.

ТИМАНДРА (*вздохнувъ*).

Къ стыду нашего пола, я принуждена согласиться. . .

ЛИЗІАСЪ.

И! *Тимандра!* на что въ этомъ соглашаться? . . .

ТИМАНДРА (*сердитымъ голосомъ*).

Правда, что большая откровенность съ нѣкоторыми людьми совсѣмъ не нужное дѣло. . Ахъ! вотъ безъ сомнѣнїя та картина, которую хотѣла я видѣть; она представляетъ, ежели не обманываюсь, оставленную на горѣ *Наксѣ Арїану*. . . Какїя краски! какая живость!

ЛИЗІАСЪ.

Сїя картина тѣмъ совершеннѣе мнѣ кажется, что живописецъ срисовывалъ точно съ природы. . . ибо видишь ли, *Тимандра*, не сожалѣнїе нѣжной любви, но злоба раздраженнаго самолюбїя изображена на лицѣ *Арїаны*. . . она не стонетъ, но грозитъ. . . О! какъ хорошо этотъ молодой человѣкъ знаетъ женщинъ!

ТИМАНДРА (*въ сторону*).

Насмѣшка его слишкомъ уже груба. . . тѣмъ лучше. . . это значитъ, что онъ не совсѣмъ равнодушенъ. . . я бы не столько была рада, ежели бы онъ былъ учтивѣе.

ЛИЗІАСЪ.

Прекрасная Княжна! ты скоро будешь утѣшена. . . я вижу приближающагося Вакха. . .

ТИМАНДРА.

(*Она притворяется, будто не слышитъ Лизіаса; кажется, все вниманіе ея обращено на картину; нечувствительно глаза ея наполняются слезами, наконецъ вскричала она съ чувствительностію.*)

О *Аріана*! нещастная Княжна! какъ живо чувствую я все, что ты должна терпѣть въ сію ужасную минуту! Ахъ! удары, наносимые любезною рукою, гораздо чувствительнѣе. . . Сіи раны навѣки неизцѣлимы. . . О мущины! свирѣпыя и тщеславныя творенія! и вы еще укоряете насъ въ справедливомъ нашемъ недовѣріи, въ нашемъ жестокомъ опасеніи? Ахъ! запретите трепетать жертвѣ подъ ножемъ жреца! боязливой голубкѣ убѣгать отъ хищнаго врана, го-

товаго ее разтерзать. . (*какъ будто опамятозавшись*) Ахъ. . . извини *Лизїасъ*! . . . я заблуждаюсь. . . (*помолчавъ*) Бываютъ такїя минуты, въ которыя сердце противъ моего желанїя. . . предметы, напоминающїе нѣкоторые случаи. . . но тебѣ ли должна говорить *Тимандра*, сколько она чувствительна?

(*Она садится на кресла въ самомъ примачмвомъ положенїи; по томъ отирая слезы, кажется, приневоливаетъ себя, печально улыбается Лизїасу и простираетъ къ нему руку.*)

Извини сїю минутную мою слабость, мой бывшїй другъ! . . . я ребенокъ. . . не упоминай болѣе о томъ! . .

Тимандра была въ сїю минуту болѣе, нежели прекрасна. . . она восхищала собою. . . Любострастное положенїе, сей печальной голосъ, унылой взоръ, которой всегда имѣетъ дѣйствїе надъ чувствительною душею; голосъ ея, ея движенїя; тысячи страстныхъ мыслей, которыя должны были сами собою представиться воображенїю *Лизїаса*; сумерки, начинающїя ихъ окружать, тишина, уединенїе, все способствовало къ его побѣжденїю, всему надлежало оное ускорить. . Огорченное его самолюбїе покрыло

непроницаемымъ флеромъ образъ *Сіяны*. . . съ негодованіемъ онъ вспоминалъ о ней. . . однако же тщеславіе его еще сражалось. . . Хитрая *Тимандра*, которая ни въ чемъ не хотѣла пускаться на удачу, знала, что рѣшительная минута еще не настала. . . Она притворилась нѣсколько успокоившеюся, и бросивъ на *Лизіаса* самой страстный взоръ, взяла теорбу, тутъ находившуюся.

ТИМАНДРА.

Ты знаешь арію *Аріаны*. . . она сочинена отмѣнно прекрасно. . . это любимая моя арія. . . (*самымъ ласкательнымъ голосомъ*) хочешь ли ее послушать?..

Выдумка была смѣла, и потому не ожидая отвѣта отъ *Лизіаса*, коего принужденный видъ изъявлялъ нерѣшимость, она начала играть.

ТИМАНДРА (*играетъ*).

Садись *Лизіасъ*! . . . (*она играетъ съ большею живостію*) это не долго будетъ (*она играетъ самое лучшее адажіо*) но ежели тебѣ это не нравится (*съ нѣжностію*) однако ты любилъ слушать, когда я пѣвала; иногда ты прослушивалъ меня цѣлые часы.

ЛИЗІАСЪ (*восхищенный*).

Иногда? ахъ! всегда! всегда!

При сихъ словахъ *Тимандра*, увѣренная въ побѣдѣ своей, едва не позабыла свою ролю; удовольствіе сверкало въ глазахъ ея; но она вскорѣ опомнилась. . . Тогда рука, бѣлѣйшая снѣга, касается съ любострастною медленностїю струнамъ орудїя, глава ея преклоняется назадъ, облако чувствительности покрываетъ прелестные ея глаза и умѣряетъ блескъ ихъ, нѣжныя уста растворяются, подобно распускающейся розѣ, и очарованіе началось — Не громкіе, оглушительные звуки, не принужденной голосъ, которой, употребивъ всю свою силу, все свое искуство, исторгаетъ похвалы, но не трогаетъ сердца; не отчаяніе, не изступленіе, не свирѣпство любви старалась выразить *Тимандра*; искусная прелестница довольно знала свойства того, котораго она хотѣла покорить. . . сладостная меланхолія оживляла ея пѣніе; нѣжные, жалобные звуки, причиняющіе сладостное трепетаніе и нечувствительно плѣняющіе душу, звуки плачевные и пріятные, иногда скорые, иногда длительные и соединенные не-

чувствительными оттѣнками, сопровождали ея пѣніе; они умирали на губахъ ея, подобно журчанію отдаленнаго водопада. . . не внемлетъ слухъ, но сердце наслаждается! Наконецъ пѣніемъ своимъ она уподоблялась *Нинѣ*, зовущей своего возлюбленнаго, и вопрошающей о немъ у отголосковъ, у птицъ, у всей природы... Движеніе ея, взоры, ея положеніе, все изъявляло въ ней глубокую скорбь злощастной любви. . . оная стенала подъ перстами ея, вздыхала на устахъ ея; сердце *Тимандры*, казалось, истаевало и изливалось въ мелодическихъ тонахъ. . . *Лизіасъ* внѣ себя; онъ уподобляется оному непостоянному *Фезею*, котораго сія новая *Аріана* призываетъ въ свои объятія; едва можетъ онъ удержаться; уже колѣна его сами собою нагибаются, онъ хочетъ упасть къ ногамъ очаровательницы. . . *Тимандра* все видѣла, все чувствовала. . . она еще дотронулась до орудія раза два, тихо опустила его на полъ, и закрывъ лице обѣими руками, упала навзничь, давъ свободное теченіе слезамъ. . Электрическая искра не имѣетъ быстрѣйшаго дѣйствія. . *Лизіасъ* у ногъ ея, онъ простираетъ руку свою около ея стана; трепещетъ отъ удовольствія,

страсть спираетъ дыханіе его, отъемлетъ у него языкъ. . . *Тимандра*, кажется, въ горести долгое время не чувствуетъ, что происходитъ вокругъ ее. . . Наконецъ она встаетъ, взираетъ на него, трепещетъ, кладетъ руки на плеча его, смотритъ на него съ восхищеніемъ, взоръ ея дѣлаетъ ему нѣжнѣйшіе выговоры. . . Потомъ, какъ бы влекомая силою страсти, она прижимаетъ его къ своему сердцу, напечатлѣваетъ на устахъ его огненной поцѣлуй. . . . глава ея тихо падаетъ на грудь его, медленной и страстной вздохъ вздымаетъ грудь ея, глаза ея смыкаются. . . она лишается чувствъ. . . О младыя читательницы мои! не тревожьтесь! перо мое цѣломудренно, оно хранитъ почтеніе къ вашей стыдливости, къ сему нѣжному цвѣтку, умирающему единожды, и никогда не возраждающемуся. . . Ахъ! не отъ меня онъ поблекнетъ. Подобная картина усовершается, воображеніе приводитъ ее къ окончанію. . . Я останавливаюсь. . . Хотя сіе повѣствованіе весьма соединено съ предметомъ моимъ, однако же я остерегусь распространять оное; молодому путешественнику позволено срывать цвѣты, попадающіеся ему на

пути его, и хотя сïе прïятное упражненïе веселитъ его, но не долженствуетъ его удерживать.

Когда любострастïе укрѣпляетъ въ другой разъ узы, расторгнутыя непостоянствомъ, то они становятся тѣмъ крѣпче Любовница, проливавшая слезы, о которыхъ сожалѣютъ, становится чрезъ то милѣе, любезнѣе. Неописанная красота, тайная и могущественная прелесть безпрестанно влечетъ насъ тогда къ милой очаровательницѣ, являющей намъ снова власть своего взора. . . *Лизïасъ*, слабый *Лизïасъ*, приносящïй въ объятïя каждой своей любовницы чистосердечïе, искренность, пылкость наслаждающагося въ первый разъ, чувствовалъ въ сïю минуту всю силу сего вѣроломнаго очарованïя. Никогда *Тимандра* не казалась ему прекраснѣе, достойнѣе обожанïя его; страсть его превращается въ неистовство: онъ не наслаждался, но такъ сказать пожиралъ. . . а *Тимандра?* .. *Тимандра*, по краткомъ упоенïи, чувствовала только славу торжества своего надъ ненавистною соперницею, и удовольствïе, что совершила мщенïе, о которомъ уговорилась она съ *Гнатонидомъ*.

Лизіасъ забывался въ объятіяхъ соблазнительницы нѣсколько недѣль, когда. . . но пусть явятся они на сценѣ.

*

КОМНАТА ТИМАНДРЫ.

(*Лизіасъ сладострастно лежитъ въ объятіяхъ Тимандры, голова его наклонена на грудь ея. . . взоры ихъ встрѣчаются. . . самое выразительное молчаніе.*)

ЛИЗІАСЪ.

Тимандра! обожаемая любовница! почто не могу я покоиться такимъ образомъ цѣлые вѣки въ объятіяхъ твоихъ? . . . принимать въ себя сладкое твое дыханіе, вмѣстѣ съ благовоніемъ сей розы, приколотой у груди твоей. . . чувствовать трепетаніе сердца твоего подъ рукою моею. . . устремивъ глаза мои на тебя, скончать жизнь свою въ сладкомъ поцѣлуѣ.

ТИМАНДРА (*поцѣловавъ его*).

За чѣмъ, милой другъ! имѣть всегда сіи печальныя и меланхолическія мысли? умереть! ахъ! станемъ лучше жить. . . станемъ жить для любви, для того, чтобы говорить о ней, безпрестанно доказывать оную.

ЛИЗІАСЪ.

Милая прелестница! позволь, *Тимандра*, позволь обнять этотъ нѣжной, тонкой станъ! . . . Ахъ! почто не могу я, подобно мягкому плющу, обвиться вокругъ тебя. . . . осязать тебя со всѣхъ сторонъ. . . слїять существо мое съ твоимъ — О возлюбленная! сколько ни прижимаю тебя къ сердцу моему, мнѣ кажется, что ты все отъ меня далеко.

ТИМАНДРА.

Милой льстецъ! (*съ притворною важностїю*) но всегда ли ты будешь такъ мыслить, *Лизїасъ*?

ЛИЗІАСЪ (*укорительнымъ голосомъ*).

Тимандра!

ТИМАНДРА (*шутливымъ голосомъ*).

О! не сердись; развѣ ты забылъ?

ЛИЗІАСЪ (*зажимаетъ ей ротъ*).

Плутовка! знаю, что я былъ безуменъ, что я оставилъ *Тимандру*, чая обрѣсти щастїе, какъ будто бы оно могло быть тамъ, гдѣ нѣтъ ее; какъ будто бы она не была все то, что Природа сотворила совершеннѣйшаго. . . Такъ, прекрасная *Тимандра*, сїя нѣжная мать истощила себя, разсыпая на тебя дары свои, и я увѣренъ, что она никогда не

произведетъ подобной тебѣ смертной... ты никогда не будешь имѣть соперницы.

ТИМАНДРА (*въ сторону*).

Однакожъ я имѣла ее, вѣроломный!... но я отмщу... (*въ слухъ*) Ты меня слишкомъ хвалишь, любезный мой...

ЛИЗІАСЪ.

Ахъ! кто бы могъ?... сїя бѣломраморная грудь, сїя непокорливая шея, которая не допускаетъ себя закрыть косынькою; какъ же не стыдно, *Тимандра*! на что ее закрывать? (*она дѣлаетъ движенїе, показываетъ ногу, не закрывая шеи*) сїя столь милая ножка... О милая моя! глаза мои всюду встрѣчаютъ прелести, совершенства!... позволь губамъ моимъ принесть каждой красотѣ твоей жертву сердца моего, позволь покрыть тебя моими поцѣлуями... какъ горятъ они! они подобятся искрамъ, они проходятъ въ жилы мои... кровь моя кипитъ... Нѣтъ, ты не простая смертная! (*онъ становится на колѣни*) у ногъ твоихъ надлежитъ тебя обожать.

ТИМАНДРА (*кидаетъ на него страстный взоръ, цѣлуетъ его и старается его поднять.*)

Миленькой!... встань! ты составляешь все мое удовольствїе и щастїе... встань же милой другъ!

ЛИЗІАСЪ.

О! оставь, оставь! мнѣ очень хорошо! но нѣтъ. . .

(Онъ вдругъ встаетъ и беретъ Тимандру въ свои объятія.)

ТИМАНДРА.

Чего ты хочешь?

ЛИЗІАСЪ.

На колѣнки. . .

ТИМАНДРА *(нѣжно усмѣхнувшись).*

Ну вотъ! доволенъ ли ты?

ЛИЗІАСЪ.

О какъ ты легка, *Тимандра!* я хотѣлъ бы тебя болѣе чувствовать. — Обойми такъ меня. . положи свою руку въ мою. . . теперь поцѣлуй. . . еще. . . еще. . . О упояющее сладострастіе! . . .

(Онъ тихо кладетъ голову свою на плечо Тимандры, которая воспользовалась сею минутою, чтобъ дать условленный знакъ скрывшемуся въ кабинетѣ Гнатониду. Гнатонидъ вдругъ выбѣгаетъ, показываетъ себя удивленнымъ, и отстороняется, смѣясь изо всей силы; Лизіасъ тотчасъ встаетъ, а Тимандра испускаетъ пронзительный вопль.)

ГНАТОНИДЪ.

Ха! ха! ха! ха! забавное приключеніе! ха! ха! ха! ха! это называется не тратить по пустому времени, пользоваться своимъ правомъ до послѣдней минуты! ха! ха! ха! ха!

ЛИЗІАСЪ.

Гнатонидъ! какъ ты безстыд —

ТИМАНДРА (*съ шутливымъ видомъ*).

Что за глупость! . . . развѣ такъ входятъ къ людямъ, не сказавшись напередъ. . . иногда этого не жалуютъ. . .

ГНАТОНИДЪ.

Я это разумѣю. . . но на сей разъ имѣю довольно причины.

ЛИЗІАСЪ (*разсерженный*).

Причины быть наглымъ?

ГНАТОНИДЪ.

Совсѣмъ не то; но чтобы воспользоваться нѣкоторыми правами. . . (*Онъ приближается къ Тимандрѣ весьма вольно, и дѣлаетъ видъ, будто хочетъ поцѣловать ее.*)

ЛИЗІАСЪ (*отталкиваетъ его съ угрожающимъ видомъ*).

Я думаю, что ты обезумѣлъ.

ГНАТОНИДЪ (*холодно*).

Отъ удовольствія, такъ. . . (*оборачивается къ Тимандрѣ*) Окончимъ же, радость моя! я думаю, что ты не забыла то милое обѣщаніе, которое дала мнѣ въ недавномъ времени. . . а сверьхъ того эта записка. . .

ЛИЗІАСЪ (*вырываетъ у него оную*).

Записка! что это значитъ? (*онъ читаетъ*) *Я обѣщаю Гнатониду, сыну Лизистрата, пожертвовать ему всѣми его соперниками, какіе бы они ни были, когда того онъ потребуетъ и. . .*

Возможно ли *Тимандра*?

ТИМАНДРА (*шутливымъ голосомъ*).

Увы! — ты видишь, что сумазбродство нашего друга есть заразительная болѣзнь; онъ меня склонилъ. . . и поелику я обѣщала. . .

ЛИЗІАСЪ.

Вѣроломная! . . . такъ скоро забываешь ты клятвы. . .

ТИМАНДРА.

Любовныя клятвы! . . . сперва я имъ вѣрила, но ты самъ вывелъ меня изъ заблужденія, и благодаря твоей вѣтрен-

ности, любезный мой *Лизїасъ*, ты даешь мнѣ право (*подходитъ къ Гнатониду, которой подаетъ ей руку*) предпочесть тебѣ нынѣ *Гнатонида*, какъ ты недавно предпочелъ мнѣ свою *Сїяну*. . .

ЛИЗІАСЪ.

Сїяну! какая жестокость! . . . ахъ! вѣроломные! вы сговорились. . .

ТИМАНДРА.

Какъ тебѣ угодно, другъ мой *Лизїасъ*! . . . Повѣрь мнѣ, не представляй здѣсь отчаянїя; эта роля столь же смѣшна, какъ и безполезна. . . разстанемся добрыми друзьями, можетъ быть мы поладимъ когда нибудь. . . ты меня покинулъ, теперь и я тебя покидаю въ свою очередь; такъ все идетъ на свѣтѣ — впредь узнаешь ты, что нѣкоторыхъ обидъ женщины не прощаютъ. (*Она бросается въ объятїя Гнатонида, который даетъ ей пламенный поцѣлуй*) Такимъ-то образомъ мщу я вѣтреному любовнику, о которомъ можетъ статься имѣла я слабость сожалѣть.

ГНАТОНИДЪ

Прощай, другъ мой! *Гнатонидъ* не даетъ даромъ обижать своихъ любовницъ. (*Онъ уводитъ Тимандру въ кабинетъ; разъяренный Лизїасъ устремляется за нимъ; но дверь запирается и слышанъ хохотъ.*)

ЛИЗІАСЪ (*по краткомъ молчаніи*).

Довольно ли я униженЪ? — вѢроломная! не прошло минуты, какЪ она здѢсь покоилась вЪ моихЪ объятіяхЪ. . . . теперь. . . . пусть навсегда будетЪ проклятЪ сей полЪ. . . Хамелеоны!

(*ОнЪ бросается вЪ двери. Тимандръ и ГнатонидЪ выходятЪ изЪ кабинета, продолжая смѢяться; они садятся на софу, которую оставилЪ ЛизіасЪ, и. . . . я опускаю занавѢсЪ.*)

КонецЪ второй Книги.

СІЯНА,

или

ИГРА СУДЬБЫ.

Книга Третїя.

О прекрасные дни Грецїи! о время славной памяти! погрязнутъ вѣки въ нощи времен, прейдутъ поколѣнія; но память ваша не прейдетъ во вѣки. Знаменитыя дѣянія предковъ нашихъ изчезнутъ въ памяти человѣковъ; они забудутъ даже самое имя *добраго Генрика*, но вы одни никогда не будете забвенны. Новѣйшїе памятники разума и искуствъ падутъ подъ косою вѣчнаго истребителя; вы одни, подобно ему, пребудете вѣчны. Ангелъ безсмертїя воздвигнулъ престолъ свой на гордыхъ развалинахъ вашихъ, и вселенная съ почтенїемъ созерцаетъ ихъ. . . О прекрасные дни Грецїи! о время славной памяти! не воскреснете ли вы паки? . . .

Насталъ день, назначенный для игръ въ честь *Нептуна*. Лазуревой сводъ покрылъ горизонтъ отечества *Лизїасова*, и дневное свѣтило изливало чистѣйшїе лучи свои на долину, гдѣ юношество *Афинское*, красотою подобное славѣ, мужествомъ подобное богу Марсу, собралось пожать лавры. Среди сего блестящаго сонма взоры съ удовольствїемъ усматривали неустрашимаго *Лизїаса*: въ минуту, когда слава призывала его на поля чести, онъ становился другимъ человѣкомъ; слабъ и нѣженъ въ объятїяхъ прекрасной женщины; въ шлемѣ — онъ былъ герой.

Безчисленное множество народа занимало ступени амфитеатра, коего окружность сгибалась продолговатымъ шаромъ. Неизгладимое пятно покрыло бы гражданина, которой не захотѣлъ бы участвовать въ семъ народномъ праздникѣ. Художникъ оставлялъ свою работу, земледѣлецъ покидалъ свою соху, нещастный приходилъ забывать тамъ свои горести, а бѣдный нищету свою. Красота стремилась туда возносить похвалами торжество искуства и неустрашимости; старецъ приходилъ ободрять голосомъ и знаками сына, сладчайшую надежду свою,

въ то время, когда робкая и стыдливая любовница едва осмѣливалась возвести глаза на своего возлюбленнаго; она попеременно трепещетъ и блѣднѣетъ, страхъ и радость колеблютъ сердце ея; наконецъ украдкою взглядываетъ она на любовника, которой пристально на нее взираетъ; онъ понимаетъ ее, и сей взоръ дѣлаетъ его непобѣдимымъ.

Между тѣмъ звуки трубъ возвѣщаютъ прибытіе судей, полководцовъ, начальниковъ республики; они переходятъ площадь и занимаютъ мѣста на возвышеннѣйшихъ ступеняхъ амфитеатра. — Вскорѣ данъ знакъ. — Я не останавливаюсь на описаніи борьбы, ручнаго боя, метанія кружка и бѣганія; занимательнѣйшее, чрезвычайнѣйшее явленіе меня ожидаетъ.

Лизіасъ, котораго чело покровенно было сугубымъ вѣнцемъ, устремляется на своей колесницѣ; спокойнымъ и горделивымъ окомъ измѣряетъ онъ пространство, которое проѣхать долженъ; бодрые кони его раздѣляютъ нетерпѣливость своего господина; они ударяютъ ногами въ землю, и ржатъ, потрясая бразды, умѣряющія жаръ ихъ; всѣхъ очи обращены на мужественнаго сына *Ника-*

ретова; имя его преходитъ изъ устъ въ уста, ласкательный шумъ даетъ ему знать о участіи, которое въ немъ пріемлютъ; онъ сталъ, казалось, отъ того еще скромнѣе. — Между тѣмъ колесницы поставлены въ рядъ, заграда отверзается. . . онѣ пускаются всѣ вмѣстѣ, и земля стонетъ подъ быстрымъ ихъ бѣгомъ; таковъ глухій шумъ приближающейся бури; таковъ Борей, вторгающійся въ нѣдро дремучаго лѣса. . . Нечувствительно колесницы раздѣляются, вскорѣ оставляютъ онѣ между собою долгой промежутокъ, наконецъ *Лизіасъ* упреждаетъ всѣхъ своихъ соперниковъ, и восклицанія несутся со всѣхъ сторонъ. Онъ усугубляетъ скорость, кони его едва касаются песка, они летятъ, колеса кажутся въ оси неподвижными; такъ быстро ихъ обращеніе. Надежда угасаетъ въ сердцахъ соперниковъ его; они трепещутъ отъ ярости. Уже герой не слышитъ болѣе стуку колесницъ ихъ, уже цѣль, кажется, на встрѣчу къ нему приближается. . . какъ вдругъ трещитъ, переламывается ось. . . опрокинувшаяся колесница влечется по землѣ; *Лизіасъ* колеблется, упадаетъ, запутавшись въ вождяхъ; устрашенные кони, не чувствуя

управляющей ими руки, предаются природной своей стремительности. . . Нещастный былъ на краю погибели. . вдругъ. . . о неожидаемое щастіе! . . . юная дѣвица, устремляясь съ ступеней амфитеатра, бѣжитъ съ растрепанными власами на площадь, и бросается передъ коней. . . . они останавливаются. Тогда незнакомка возводитъ къ небесамъ взоръ благодарности, и безъ чувствъ упадаетъ въ объятія старца, которой, тщетно старавшись удержать ее, прибѣжалъ теперь, чтобы подать ей помощь. . . . Вскорѣ шумъ радости послѣдуетъ за молчаніемъ ужаса, и вопли удивленія и веселія наполняютъ весь амфитеатръ. . . Между тѣмъ *Лизіасъ* встаетъ, бросаетъ безпокойный взглядъ на юную свою избавительницу, внезапно устремляется къ ней и вопіетъ: *боги! Сіяна!* . . . Услышавъ столь любезной голосъ, *Сіяна* открываетъ прекрасные свои глаза, видитъ любовника у ногъ своихъ, и чело ея покрывается скромнымъ румянцемъ. . . оба упадаютъ въ объятія *Даксифана*. . . Я не могу представить здѣсь восторговъ сей любезной четы и отеческой радости добраго старца. . . я бросаю кисть мою! . . . картина останется несовер-

женною. Чувствительныя души! пусть окончитъ ее воображенїе ваше! . . .

Но мгновенно черты *Лизїаса* оживляются, глаза его блистаютъ живѣйшимъ огнемъ, величественно возвышается глава его, осанка его и поступь являютъ въ немъ полубога. — *Сїяна!* вопїетъ онъ наконецъ, любезная *Сїяна!* предъ симъ безчисленнымъ сонмомъ согражданъ моихъ хочу я предложить дѣло любви, и отцы отечества будутъ судїями моими! — Онъ рекъ — и взявъ любовницу въ свои объятїя, съ быстротою молнїи несетъ ее къ ступенямъ, занимаемымъ старцами. . . Шумъ удивленїя переходитъ изъ ряда въ рядъ. . . *Сїяна*, изумленная, блѣдная и трепещущая, едва держалась; толпа юныхъ дѣвицъ приходитъ къ ней на помощь и старается ободрить ее. Такъ увядающая роза, не въ силахъ будучи противиться усилїямъ бури, преклоняетъ главу свою на ближнюю свою сосѣдку.

Между тѣмъ *Лизїасъ*, котораго изступленїе любви возноситъ въ сїю минуту превыше прочихъ смертныхъ, почтительно наклоняется предъ собранїемъ старцевъ, и снимая одною рукою шлемъ, простираетъ другую, требуя молчанїя.

ЛИЗІАСЪ (*сильнымъ и рѣшительнымъ голосомъ.*)

Отцы отечества, старцы, воины и вы всѣ мои сограждане и друзья мои! позволите ли говорить мнѣ и предложить, въ сей знаменитый день, дѣло красоты, любви и величайшей добродѣтели. . .

НАРОДЪ (*единогласно.*)

Говори, о достойный сынъ *Никарета*! говори, мы выслушаемъ тебя! . . .

ЛИЗІАСЪ (*обратившись къ старцамъ.*)

А вы, мудрые старцы! слава отечества, и достойные образцы наши обѣщаете ли мнѣ, когда я окончу рѣчь свою, произнести судъ со всею строгостію справедливости?

ПАМФИЛЪ (*одинъ изъ старѣйшихъ встаетъ.*)

Почто надгробная урна вмѣщаетъ въ себѣ прахъ *Никарета*, мой другъ! почто умеръ онъ, не узрѣвъ прекраснѣйшаго дня для отца гражданина? торжество и славу сына своего. . . Говори, *Лизіасъ*! мы тебя выслушаемъ.

Тогда *Лизіасъ*, возвыся голосъ, повѣдалъ приключенія и нещастія юной своей любовницы, съ тою искренностію и чистосердечіемъ, которое всегда предупреждаетъ въ пользу и плѣняетъ; онъ

подробно разсказалЪ, какія сѣти разставляемы были на легковѣрную ея невинность; онЪ не скрылЪ, что она не избѣжала оныхЪ; но не объявилЪ подлаго ея прельстителя; *Гнатонидъ* былЪ другЪ его, и онЪ чтилЪ сіе священное имя. . . по томЪ увѣдомилЪ, какЪ онЪ познакомился сЪ нею; увѣдомилЪ о происхожденіи любви своей, о своей нерѣшимости; какЪ онЪ исторгнулЪ *Сіяну* изЪ свирѣпыхЪ волнЪ; наконецЪ говорилЪ о предложеніи ей руки своей, и о великодушномЪ ея отказѣ. . . Краснорѣчіе чувства оживляло его слова, пріятная увѣрительность истекала изЪ устЪ его. . . все собраніе внимало ему сЪ душевнымЪ волненіемЪ. . . НаконецЪ вступивЪ вЪ обстоятельнѣйшія подробности о связяхЪ своихЪ сЪ *Сіяною*, и о существѣ чувствованій своихЪ кЪ сей милой дѣвицѣ, онЪ такЪ окончилЪ рѣчь свою:

„НародЪ, котораго служеніе богамЪ „и любовь кЪ славѣ собираютЪ вЪ день „сей во едино! я повѣдалЪ вамЪ о узахЪ, „которыми Судьба и Природа, кажется, „наперерывЪ сопрягаютЪ насЪ. Едва мы „узнали другЪ друга, какЪ и полюбили „одинЪ другаго; безЪ меня *Сіяна* не ви„дѣла бы свѣта дневнаго, меня не

„было бы безъ нее. . . . сколько причинъ „быть любезными другъ другу! О до„стойные мои сограждане! будьте увѣ„рены, что мнѣ извѣстны законы, на„лагаемые на насъ честію; не нужно „быть Аѳиняниномъ, довольно быть Гре„комъ, чтобы умѣть почитать ихъ; но „остережемся смѣшивать священный „гласъ ея съ пустыми воплями пред„разсудка. . . Обманутая, подлымъ об„разомъ обольщенная невинность заслу„живаетъ состраданіе наше; единый по„рокъ мерзокъ, единый порокъ презри„теленъ. . . О друзья мои! первой долгъ „нашъ есть быть чувствительнымъ; чув„ствительность есть склонность доб„рыхъ душъ, она никогда не приведетъ „насъ въ заблужденіе. . . и кто изъ васъ „возможетъ отказать слезу сей нѣж„ной жертвѣ слѣпаго случая и своенра„вій щастія? . . . Великодушные *Аѳи„няне*! о человѣколюбивѣйшій, прему„дрѣйшій изъ народовъ Греціи! нѣтъ! „вы не поставите мнѣ въ порокъ лю„бовь мою!„

(Онъ пробѣгаетъ глазами амфи-театръ.)

„Что вижу я? вы разтроганы. . . „слезы текутъ изъ очей вашихъ. . .

,, И такъ мнѣ нечего болѣе говорить
,, вамъ. . . народъ великодушный и чув-
,, ствительный! у тебя прошу я, име-
,, немъ любви и человѣчества, *Сїяну* се-
,, бѣ въ супругу. . . Изъ рукъ твоихъ
,, хочу я принять ее, твое одобренїе
,, возвыситъ мой пламень, и учинитъ по-
,, чтенными соединяющїя насъ узы. . .
,, Горе тогда, горе подлому существу,
,, которое дерзнетъ еще презирать су-
,, пругу *Лизїасову*. . . Отцы отечества!
,, мудрые старцы! произнесите! . . . ,,

Едва умолкъ *Лизїасъ*, какъ во всѣхъ ступеняхъ амфитеатра раздались рукоплесканїя. *Памфилъ* встаетъ, онъ хотѣлъ отвѣчать ему, когда *Сїяна* приближается и проситъ позволенїя говорить. Скромной румянецъ покрываетъ ея щеки; нерѣшимый, заблуждающїй ея взоръ, являетъ смятенїе сердца ея, уста ея трепещутъ, голосъ ея прерывается.

,, Нѣтъ, мудрые старцы! говоритъ
,, она наконецъ, нѣтъ, вы не потерпи-
,, те, чтобы *Лизїасъ*, влекомый слѣпою
,, страстїю, сталъ нѣкогда стыдиться
,, своей слабости и собственнаго вашего
,, снисхожденїя. Я не стану повторять

„ вамЪ всѣхЪ причинЪ, которыя изчи-
„ слила я ему, чтобы возбудить вЪ немЪ
„ благоразумнѣйшія чувствованія; вы знае-
„ те лучше меня всю важность оныхЪ.
„ Не внемля гласу разсудка, онЪ смѣ-
„ шиваетЪ его сЪ порывами пламеннаго,
„ восторженнаго воображенія, питающаго
„ склонность, которую разсудокЪ дол-
„ женствовалЪ бы заключить вЪ предѣлы.
„ И такЪ соединитесь со мною, мудрые
„ старцы, противЪ *Лизїаса* и противЪ
„ собственнаго моего сердца. . . ибо по-
„ слѣ того, что случилось, тщетно
„ стала бы я скрывать, что я люблю его;
„ что жизнь его, что его щастїе вЪ тысячу
„ разЪ мнѣ дороже моего . . . ПринудимЪ его
„ пожертвовать необходимости. . . ПредЪ
„ лицемЪ согражданЪ его объявите ему,
„ что *Сїяна*, нещастная *Сїяна*, не мо-
„ жетЪ. . . быть . . . его супругою. . .
„ (*обратившись кЪ Лизїасу.*) Прощай, *Ли-
„ зїасЪ*! я возвращаюсь вЪ мое уединенїе. . .
„ любовникЪ навсегда оттуда изгнанЪ;
„ но другЪ, любезнѣйшїй другЪ, всегда бу-
„ детЪ тамЪ принятЪ сЪ распростерты-
„ ми объятїями. „

Сїяна вЪ самомЪ дѣлѣ удалялась; но тщетно противиться Природѣ, она всегда воспрїемлетЪ права свои. Сїе по-

слѣднее усиліе привело *Сіяну* въ чрезвычайную слабость; она едва могла итти... когда *Памфилъ*, пользуясь всеобщимъ волненіемъ, дабы предаться собственной своей чувствительности, сходитъ поспѣшно съ ступеней амфитеатра, останавливаетъ нещастную, и влагая ея руку въ руку любовника ея, говоритъ: „Великодушная и почтенная дѣвица! прошедшія твои слабости теряются въ „настоящемъ твоемъ величіи, подобно „легкому облаку, разсыпающемуся отъ „огней пламеннаго свѣтила дневнаго. . . „Дѣлать проступки свойственно человѣ„честву; но единой токмо великой ду„шѣ возможно такъ возноситься надъ „своими слабостями. . . . Отри слезы „твои, о дочь моя! пріятнѣйшее удо„вольствіе, удовольствіе любить, сдѣ„лается для тебя священнѣйшимъ дол„гомъ.„ Онъ рекъ, и входитъ въ собраніе старцевъ, которые пріемлютъ его со всѣми знаками совершеннѣйшаго одобренія. — Между тѣмъ *Лизіасъ*, возведя очи къ небу, прижималъ къ груди своей изумленную свою любовницу.

Когда утихли первые восторги всеобщаго упоенія, великій жрецъ *Нептуновъ*, по прошенію старцевъ, приближился

къ щастливой четѣ, и возвыся голосъ, произнесъ: „Пріимите, пріимите награду за добродѣтель. . . боги „благословляютъ вашъ пламень, а *Аѳи*- „*ны* соединяютъ васъ рукою моею. . . „Да возможете вы вскорѣ даровать отечеству нашему дѣтей, которые уподобились бы вамъ, и когда достигнете „глубокой старости, да рука внуковъ „вашихъ закроетъ очи ваши послѣ пріятнаго сна жизни!„ Новыя восклицанія! —

Агатонъ приближился съ побѣдою; онъ получилъ награду, которую случай, скажу я, щастливый, или нещастный, похитилъ у *Лизіаса*: онъ сходитъ поспѣшно съ колесницы, обнимаетъ друга своего, и предлагаетъ *Сіянѣ* полученной имъ вѣнецъ. . „Да первый я, говоритъ „онъ, похвалю выборъ моего друга, и „принесу жертву героинѣ, которая бу- „детъ украшать жизнь достойнаго гра- „жданина, коего избавила она отъ смер- „ти. — (*Онъ возлагаетъ вѣнецъ на главу* „*ся.*) Прекрасная *Сіяна*! Се дружба вѣн- „чаетъ любовь. . .„ Потомъ, поднявъ ее тихо, сажаетъ въ свою колесницу, а возлѣ нее *Лизіаса*, и взявъ бразды, отъѣзжаетъ при звукѣ трубъ и при шумѣ восклицаній, и вступаетъ въ *Аѳины*.

Даксифанъ, сей почтенный старецъ, которой безъ сомнѣнія зналъ по опыту, что въ восторгахъ нѣжности, наконецъ позволенной небомъ и человѣками, даже самый любезнѣйшій другъ, бываетъ излишнимъ свидѣтелемъ, сказалъ съ улыбкою, что онъ — поелику *Лизіасъ* позволилъ ему не разлучаться болѣе съ любезною его *Сіяною*, — ѣдетъ проститься съ добрыми друзьями своими, рыбаками, и взять тамъ *Исменію*, свою любезную питомицу. — Въ самомъ дѣлѣ онъ поѣхалъ.

Заря застала щастливую чету въ нѣжныхъ объятіяхъ; прешло первое упоеніе сладострастія, и щастіе ихъ умножилось. . . Пріятнѣйшее наслажденіе для чувствительной души не есть наслажденіе чувствъ, но тишина, слѣдующая за нимъ; сія пріятная томность, сіе сладострастное забвеніе самихъ себя, сіи нѣжныя изліянія двухъ душъ, чувствующихъ, какъ говоритъ *Руссо*, вездѣ одинакую связь. . . О вы, грубыя сердца, коихъ единодневный пламень потухаетъ съ молніею удовольствія, которыхъ не возвышаетъ къ небесамъ благосклонность нѣжной и чувствительной любовницы! . . . какъ я о васъ сожа-

лѣю! . . . вы никогда не любили, вы никогда не будете любить! . . .

Юныя красавицы, вы, которымъ природа и законы наши опредѣляютъ носить нѣкогда почтенныя имена супруги и матери! не отвращайте очей вашихъ отъ картины, которую я вамъ представлю.

СІЯНА. (*Она покоится въ объятіяхъ своего супруга, и съ скромнымъ замѣшательствомъ отвѣчаетъ на пламенныя его ласки.*)

Милый другъ! знаешь ли ты, что дѣлаетъ меня теперь такъ щастливою? . . .

ЛИЗІАСЪ.

Что же? . . . моя любезная *Сіяна*!

СІЯНА.

Совершенная увѣренность, что ты меня любишь такъ, какъ я желала быть любима. . . .

ЛИЗІАСЪ.

Можешь ли ты въ этомъ сомнѣваться?

СІЯНА.

Прости сей страхъ женщинѣ, которая не знаетъ въ свѣтѣ другаго благополучія, кромѣ происходящаго отъ тебя! . . . О мой милой другъ! что сдѣ-

лалось бы съ твоею бѣдною *Сїяною*, есть-ли бы, не имѣя ничего тебѣ отказывать, она увидѣла, что жаръ твой уменьшается. . . . . Но поцѣлуи твои пламеннѣе, нежели когда нибудь были, твои ласки нѣжнѣе, твои чувствованїя трогательнѣе; однако же *Сїяна* не можетъ заставить тебя вкусить новаго сладострастїя . . . вотъ что возводитъ меня на верхъ щастїя! . . . (*Она простираетъ свою руку около его шеи, и съ восхищенїемъ на него смотритъ.*)

ЛИЗІАСЪ.

Я не могу различать такъ одно отъ другаго, милой мой другъ! Минута, употребленная на размышленїе о моемъ щастїи, потерялась бы для наслажденїя. . . . Когда я прижимаю тебя къ груди моей, я чувствую, что сердца наши сливаются, отвѣчаютъ другъ другу . . . Когда мнѣ кажется, что небеса отверзаются, и земля изчезаетъ подо мною, и когда пришедъ въ самаго себя отъ очаровательнаго сего изступленїя, я говорю потомъ самъ себѣ: она моя! . . . она моя на вѣки! о! тогда . . . . тогда . . . . (*Голова его преклоняется на грудь его супруги, которую окропляетъ онъ своими слезами.*)

СІЯНА.

О мой нѣжной другъ! для однѣхъ только чувствительныхъ душъ щастіе раждается отъ удовольствія . . . . Будемъ наслаждаться симъ щастіемъ безпрерывно; оно есть изящный плодъ чистой любви; оно не зависитъ отъ времени и лѣтъ; оно существовало въ нашихъ сердцахъ, чувства наши только пробудили его . . . сладость безпрерывная, всеобщая, разольется на всю нашу жизнь . . . . мы будемъ любить другъ друга вѣчно, поелику сладчайшая прелесть любви совершенно избѣгла преткновенія удовольствій.

ЛИЗІАСЪ.

Избѣгла? . . . . небесная женщина! нѣтъ, я не такъ любилъ тебя, какъ ты должна быть любима. . . Теперь только истинная любовь проникнула мою душу. . . Небесная сладость, глубокая и нѣжная чувствительность души твоей восхищаетъ меня и очаровываетъ . . . я стыжусь своей неумѣренности, своего протекшаго жара; я почиталъ любовію сіе оскорбительное стремленіе, которое обладало мною. . . . Ахъ! какъ я заблуждался! . . . я вижу опять щастіе мла-

денца! ты, моя любезная *Сїяна*! мой милой другЪ! ты исторгнула меня изЪ сего льстиваго и обманчиваго сна; ты, упоивЪ меня прїятностями сладострастїя, увѣрила меня, что тишина, последующая имЪ, еще сладостнѣе. . . . Ты явила мнѣ верховное благо; тысяща жизней не возмогутЪ истощить его . . . (*изступленїе.*) Пребудь такЪ вЪ моихЪ рукахЪ, милая *Сїяна*! пусть покоится голова моя на груди твоей . . . пусть уста мои привлекаютЪ кЪ себѣ твое сладкое дыханїе . . . оно, кажется, творитЪ во мнѣ новую душу, душу достойнѣйшую обожать тебя . . . . Ты плачешь, милая! . . . ахЪ! позволь мнѣ собрать на розахЪ губЪ твоихЪ сїи драгоцѣнныя слезы . . . не горесть ихЪ извлекаетЪ. . . .

СIЯНА.

Не горесть — но удовольствїе! . . . Любезный другЪ! какЪ ты восхищаешь меня! ахЪ! естьли бы ты могЪ видѣть все то, что происходитЪ теперь вЪ моемЪ сердцѣ. . . . Но всегда ли будетЪ его довольно для твоего сердца? . . . . ахЪ! . . .

ЛИЗІАСЪ (*отирчетъ слезы своей супруги.*)

Милая! . . . но нѣтъ, *Сїяна!* я заслуживаю сїе опасенїе. . . Я весьма знаю мою слабость . . Милой другъ! я хочу быть справедливъ, пусть будетъ моя искренность новымъ доказательствомъ истинны моихъ чувствованїй. . . Сїе первое упоенїе разсѣется; холодная рука времени угаситъ сей пожирающїй жаръ; любовь моя сдѣлается не столь безпокойною, но побужденїе ея будетъ прїятнѣе; ты перестанешь быть единственнымъ предметомъ моихъ мыслей; существо бытїя нашего не столь чисто, не столь независимо отъ нашихъ чувствъ, чтобы мы могли безпрестанно заниматься, и всегда съ равною живостїю, предметомъ, которой остается всегда одинакимъ. . . Нѣтъ, милая *Сїяна*! выйдемъ изъ заблужденїя, ты сама нѣкогда. . .

СІЯНА.

Я! . . . ахъ! никогда. . . никогда! .

ЛИЗІАСЪ.

Ты вздыхаешь! . . . ахъ! суди о силѣ любви моей, поелику она даетъ мнѣ мужество огорчать тебя полезными

истиннами. . . Но истреби всякое тщетное безпокойство, моя *Сіяна*! . . . Ежели когда нибудь увлеченный новымъ сладострастіемъ, возмогу я на минуту позабыться въ отдаленіи отъ тебя, изящность качествъ души твоей призоветъ меня опять въ твои объятія; я возвращусь съ живѣйшимъ жаромъ насладиться сею изящностію. . .

СІЯНА (*съ печальною и нѣжною улыбкою.*)

О! тогда я буду умѣть удержать тебя. . . Негодной! я представлю тебѣ нашихъ дѣтей. . . посажу ихъ на твои колѣна. Природа вступится за стенящую любовь, а сердце моего друга не сотворено ей противиться. . .

ЛИЗІАСЪ.

Душа небесная, лучшее, единственное произведеніе Природы! ахъ! я позабылся. . . Жена весьма чувствительная! какъ истребить тщетныя горести, которыя я причинилъ тебѣ! . . . Нѣтъ, моя *Сіяна*! нѣтъ, ты не будешь любима такъ, какъ любятъ другихъ женщинъ! . . . сердце мое столько наполнено тобою, что оно вѣчно не можетъ забыть тебя. . . . мнѣ сдѣлаться

непостояннымъ! о моя *Сїяна!* о моя супруга! о любезная моя обладательница! . . . съ котораго времени утомляются щастїемъ? . . . съ котораго времени ужасъ небытїя предпочитаютъ прелести существованїя? . . . *Сїяна! Сїяна!* въ одной тебѣ я существую. . . вѣчно буду существовать! . . . какимъ сердцемъ я обладаю! . . .

(*Новые восторги, новыя обниманїя.*)

*

(*Невольникъ вошедши говоритъ, что пришла какая-то незнакомая женщина. — Оная входитъ и бросется къ ногамъ Лизїаса, которой съ трудомъ удерживаетъ свое негодованїе, узнавъ безчестную Кротилу. Устрашенная Сїяна упадаетъ въ объятїя своего супруги.*)

КРОТИЛА (*у ногъ Лизїаса.*)

Лизїасъ! . . . *Сїяна!* . . . простите ли вы меня? . . .

ЛИЗІАСЪ.

Безстыдная и подлая тварь! какъ ты осмѣлилась еще притти ко мнѣ? . . . не ужъ ли ты не страшишься, что ужасное мщенїе? . . .

КРОТИЛА.

Нѣтъ мщенїя, которое можно бы было сравнить съ претерпѣваемыми мною мученїями. . . укоризны моей совѣсти. .

ЛИЗІАСЪ.

Ахъ! пусть вѣчно терзаютъ онѣ тебя! . . . Но за чѣмъ ты пришла сюда? . . .

КРОТИЛА.

Чтобы усугубить твое щастіе, признаніемъ моихъ пороковъ. . . заслужить прощеніе. . .

ЛИЗІАСЪ.

Никогда. . . никогда. . . но говори! . . .

КРОТИЛА.

О *Сіяна!* не угрозы, не проклинанія твоего супруга — твоя небесная кротость, сіе столь выразительное молчаніе, пронзаютъ мое сердце. . . Что будетъ, когда ты узнаешь? . . .

ЛИЗІАСЪ.

Что хочешь ты сказать? . . . изъяснись, или бойся моего гнѣва. . .

КРОТИЛА.

Я буду говорить. . . но удержи сей гнѣвъ, которой можетъ привести меня къ тому, что я умолчу тайну, которой открытіе обоихъ васъ исполнитъ радостію. . .

СІЯНА.

Мой другъ! успокойся! . . . о! ежели бы мои предчувствія. . . заклинаю

тебя, *Кротила!* оставь сїи темныя слова. . . подними завѣсу, которая меня скрываетъ отъ меня самой.

КРОТИЛА.

Сїяна! ты стоила жизни своей матери; въ ту минуту, когда глаза твои открылись дневному свѣту, глаза ея закрылись на вѣки.

СІЯНА.

О матерь моя! . . . и такъ я еще не знала величайшаго моего нещастія! . . .

КРОТИЛА.

Я приняла тебя на свои руки, я питала тебя молокомъ моимъ, я исполняла всѣ должности той, которая умерла. . . Отецъ твой. . .

СІЯНА.

Отецъ мой! . . живъ ли онъ? . . . о Небо! . . . гдѣ онъ? . . .

КРОТИЛА.

Ахъ! я похитила тебя у сего почтеннаго смертнаго. . . ты составляла все его утѣшенїе. . .

ЛИЗІАСЪ (*хочетъ броситься на Кротилу; Сїяна удерживаетъ его.*)

Чудовище!

СІЯНА.

Мой другъ!

КРОТИЛА.

Послѣдній разъ говорю я, *Лизіасъ!* подумай, что я могу и говорить и молчать. . . подумай, что мое молчаніе сдѣлаетъ *Сіяну* нещастною на вѣки. . . Такъ! я похитила тебя у лучшаго изъ отцевъ. . . О день, трикратно злополучный, въ которой прельстилась я ничтожнымъ блескомъ злата! .... (*молчаніе*) Тритцать лѣтъ снискали мнѣ довѣренность моего господина; онъ видѣлъ, что я прилагала о тебѣ попеченія не такъ, какъ невольница, но какъ самая нѣжнѣйшая мать. . . Ахъ! онъ не зналъ, какъ мало достойна была довѣренности его та, которую удостоилъ онъ ею! Ночью, когда ты спала возлѣ меня, я вдругъ разбужена была страшнымъ шумомъ; невольники, заблуждающіеся отъ ужаса, бросаются въ мою комнату, и говорятъ мнѣ, что въ домѣ пожаръ. . . я беру тебя въ свои объятія и лечу въ покои отца твоего. . . его тамъ не было. . . Ящичекъ, наполненный золотомъ и драгоцѣнными каменьями, представляется глазамъ моимъ. . . я его хватаю. . . ухожу при помощи безпорядка и ночи. . . прибываю въ *Аѳины*, и вскорѣ. . .

СІЯНА.

Боги!

ЛИЗІАСЪ (*удерживая свое негодованіе.*)

Окончи.

КРОТИЛА.

Преступленіе было сдѣлано, и раскаяніе въ сердцѣ моемъ. . . Стократно намѣревалась я итти броситься къ ногамъ твоего отца, и возвратить ему дочь его. . . но страхъ, что я сама лишусь такой любезной дѣвочки, на вѣки разлучусь съ нею, всегда меня удерживалъ. . . Да, я свидѣтельствуюсь Небомъ, что не страхъ весьма заслуженнаго наказанія ожесточилъ меня въ преступленіи. . . О *Сіяна!* одно наказаніе, котораго не могла бы я перенести, лишеніе той, которую питала я молокомъ своимъ, ожидало меня по возвращеніи моемъ въ *Сиракузы*. . .

СІЯНА.

Сиракузы?

КРОТИЛА.

Такъ называется твое отечество. . . Между тѣмъ сіе сокровище, которое употребляла я, чтобы дать тебѣ воспитаніе, приличное твоему роду; сіе сокровище, которое почитала я неисто-

щимымъ, ежедневно умалялось. . . тебѣ минуло четырнатцать лѣтъ, какъ я лишилась всякаго пособія. . . Какъ! вскричала я, не уже ли для того я похитила *Сїяну* изъ отеческаго дома, чтобы заставить ее раздѣлять мою бѣдность? . . . столько прелестей останутся погребены въ постыдномъ забвеніи. . . Моя любезная *Сїяна*, рожденная наслаждаться всѣмъ прелестнымъ въ свѣтѣ, увидитъ дни свои изчезающими въ слезахъ. . . Нѣтъ, пусть наслаждается она всѣми правами, кои даруетъ красотѣ Природа; пусть любовь возвратитъ ей то, что моя виновная безразсудность у нее похитила! Такъ-то, *Сїяна!* изъ заблужденія въ заблужденіе я впадала, роя пропасть подъ твоими ногами. . . но боги, праведные боги не допустили тебя упасть въ оную. . . Желая составить твое щастіе, я приготовляла себѣ угрызѣнія совѣсти, которыя прекратятся не прежде, какъ съ моею жизнію. . . великодушное прощеніе облегчитъ ихъ.

СІЯНА (*растроганная.*)

Ахъ! я такъ щастлива, что не могу не простить тебя! . . . (*она нѣжно взглядываетъ на Лизіаса, которой ее цѣлуетъ.*) А имя отца моего?

КРОТИЛА.

Пизикратъ Сиракузскій. . . . Я не знаю, живъ ли онъ. . . Обожаемый народомъ, почитаемый своимъ Государемъ, онъ обладалъ драгоцѣннымъ дарованіемъ соглашать преимущества своихъ сограждан съ своенравіемъ *Діонисія*. . . Онъ былъ богатъ, щедръ, привѣтливъ, благотворителенъ. . . . ахъ! какому господину я измѣнила! . .

СІЯНА (*внѣ себя.*)

Пизикратъ! . . . *Сиракузы*! . . . . о *Лизіасъ*! поѣдемъ! поѣдемъ искать отца твоей *Сіяны*! . . . я горю желаніемъ обнять его колѣна. . . . каждая минута медленія лишаетъ удовольствія Природу. . .

ЛИЗІАСЪ.

Такъ, моя *Сіяна*! сего же дня. . . (*въ сію минуту входитъ Даксифанъ, держа за руку Исменію.*)

КРОТИЛА (*испускаетъ пронзительный вопль.*)

Пизикратъ! . . . боги! *Сіяна*! обними твоего отца! (*она убѣгаетъ.*)

СІЯНА (*на колѣняхъ у старца.*)

Отецъ мой! . . . . (*она лишается чувствъ.*)

ПИЗИКРАТЪ.

Не сонъ ли я вижу? великіе боги!... какъ! ... *Сіяна!* ты моя дочь... дочь, столь долго оплакиваемая.

Исменія бросилась помогать *Сіянѣ*; она осыпала ее нѣжнѣйшими ласками, и плакала съ досады, что ея старанія безполезны. ... *Наконецъ Сіяна* приходитъ въ себя; она тихо открываетъ глаза, чувствуетъ себя въ объятіяхъ отца своего, и видитъ у ногъ своихъ супруга, которой пожималъ ея руку, и покрывалъ оную слезами и поцѣлуями... Какое зрѣлище для чувствительной души, для души *Сіяниной!* ... она всѣхъ обнимаетъ вдругъ, она прижимаетъ къ груди своей и отца и супруга... но радость ея безмолвна, молчаніе и слезы — вотъ языкъ чувства... краснорѣчіе *Демосѳеново* не можетъ съ онымъ сравниться. Милая *Исменія*, стоя передъ щастливыми супругами, смотрѣла на нихъ младенческими очами.

Когда прешло первое упоеніе, *Сіяна* разсказала отцу своему то, что она слышала отъ *Кротилы*. — О дочь моя! — вскричалъ старецъ, выслушавъ ее, — живой образъ обожаемой супруги! благо-

словимъ судьбу, совокупляющую насъ тамъ, гдѣ уязвленное сердце мое искало токмо гроба. . . Ахъ! ты была моя дочь, когда все говорило мнѣ о противномъ. . . А ты, мой сынъ! — познай изъ сего имени мои чувствованія — ты, котораго геройское мужество умѣло побѣдить, предъ очами цѣлыхъ *Аѳинъ*, предразсудокъ варварской. . . но полезной иногда! ты, которой тронувъ мое сердце, умѣлъ еще убѣдить и разумъ мой! ты наконецъ, которой исторгнулъ дочь мою изъ пропасти, готовой поглотить ее, и возвращаешь мнѣ ее достойною обоихъ. . . Наслаждайся своимъ дѣяніемъ! . . . она принадлежитъ тебѣ; *Аѳины*, Природа и отецъ ея тебѣ отдаютъ ее. . . (*онъ воздѣваетъ руки къ небу.*) Боги отцевъ моихъ! боги праведные и благіе! содѣлайте, да любятъ они всегда добродѣтель столько, сколько отецъ ихъ любитъ ихъ самихъ! . . . даруйте имъ многочисленное потомство; и отечество, оплакавъ прахъ ихъ, да узритъ ихъ возраждающихся въ ихъ дѣтяхъ!

О батюшка! вскричала *Исменія*, бросившись на шею къ *Пизикрату*, какъ вы меня растрогали! . . . Никогда я столько не плакала. . . но эти слезы совсѣмъ

не таковы, какъ тѣ, которыя пролила я на гробѣ моихъ родителей. . . . онѣ такъ пріятны. . . мнѣ кажется, что можно бы было безпрестанно такъ плакать. . . (*приближившись къ Сіянѣ.*) А ты, сестрица! любишь ли еще меня? (*Сіяна, будучи занята отцомъ своимъ, не слыхала ее.*)

ИСМЕНІЯ (*печальнымъ голосомъ.*)

О! конечно большой городъ перемѣнилъ ея сердце! . . . такъ за чѣмъ же было бы туда ходить? . . . ты мнѣ говорила о немъ столько худаго, что я не могла тому повѣрить (*рыдая.*) О! я теперь очень этому вѣрю. . . (*Съ живостію.*) Сестрица! возвратимся въ долину, тамъ-то любятъ другъ друга. . . Мы лишь только придемъ туда, ты опять меня полюбишь, я въ этомъ увѣрена.

СІЯНА (*съ улыбкою подниметъ ее на руки.*)

Да откуда взяла ты, что я тебя перестала любить? . . . ты всегда будешь моею сестрицею!

ИСМЕНІЯ.

Право! (*смотря на Лизіаса съ безпокойнымъ видомъ.*) Но. . . но. . .

СІЯНА (*которая поняла ее.*)

Онъ? . . ну! онъ будетъ нашъ братъ. . .

ИСМЕНІЯ (*съ удивленіемъ.*)

Нашъ братъ! . . . . пусть такъ, естьли ты этого хочешь. . . (*Съ живостію.*) Однако же ты всегда станешь меня любить немножко побольше его?

СІЯНА (*смѣясь.*)

О! конечно!

ИСМЕНІЯ (*простираетъ къ ней ручонки свои, приподымаясь на цыпочкахъ.*)

Поцѣлуй же меня!

СІЯНА (*обнимаетъ ее.*)

Изволь! . . . и такъ мы помирились.

Послѣ того, какъ они всѣ трое еще нѣсколько времени любовались милою веселостію сей дѣвочки, *Пизикратъ* взялъ ее къ себѣ на колѣни, велѣлъ сѣсть дѣтямъ своимъ около себя, и такъ говорилъ имъ:

„Наше соединенïе чудесно; съ нами „случились оныя внезапности, которымъ совсѣмъ не вѣрятъ; оныя игры „судьбы, въ которыхъ едва убѣждаются „и тогда, когда бываютъ предметомъ „ихъ . . . Будемъ чтить волю боговъ и „наслаждаться ихъ благодѣяніями, не „жалуясь на ихъ жестокость. Теперь,

„ любезныя мои дѣти! остается мнѣ
„ разсказать вамъ, какъ богатый *Пизи-*
„ *кратъ* въ короткое время сдѣлался бѣд-
„ нымъ рыбакомъ *Даксифаномъ*. Вотъ мои
„ приключенія въ краткихъ словахъ: —
„ Я былъ осыпанъ богатствами, былъ щa-
„ стливъ въ объятіяхъ любезной супру-
„ ги, имѣлъ силу по милости моего Го-
„ сударя; упоенная душа моя плавала
„ въ чистомъ блаженствѣ, и я видѣлъ
„ длинную цѣпь безоблачныхъ дней подъ
„ горизонтомъ бурь. . . Пагубное заблу-
„ жденіе! . . . Нещастіе упало на главу
„ мою, какъ громовой ударъ, и остреи
„ его отворили вдругъ тысячу ранъ въ
„ моемъ сердцѣ, излишно легковѣрномъ. . . .
„ Почти въ то же самое время я ли-
„ шился обожаемой супруги, и единаго
„ плода кратковременной любви нашей. . . .
„ Человѣкъ, гонимый нещастіемъ, почти
„ всегда упадаетъ отъ перваго его
„ удара; отягчая его, злощастіе даетъ
„ ему оружіе противъ себя самаго. . . .
„ Душа моя, не пріобыкшая еще ни къ ка-
„ кому злополучію, не могла противу-
„ стоять сему первому удару; она пала,
„ и *Діонисій* позволилъ мнѣ удалиться
„ на нѣсколько времени въ загородной
„ домъ, чтобы я могъ тамъ жить одинъ

„ съ моею печалїю. . . . Я имѣлъ одного
„ токмо друга, его сообщество было мнѣ
„ драгоцѣнно; но должность, которую
„ занималъ онъ при Дворѣ, не позволяла
„ ему отлучаться отъ онаго. . . . Между
„ тѣмъ враги мои (я имѣлъ оныхъ
„ также, какъ и другїе придворные)
„ воспользовались моимъ отсутствїемъ,
„ чтобы привести меня въ подозрѣнїе у
„ *Дїонисїя*; сердце сего Государя всегда
„ отверсто было подозрѣнїямъ; съ тру-
„ домъ вѣрилъ онъ доброму, а съ жадно-
„ стїю хватался даже за виды пре-
„ ступленїя. . . . Между тѣмъ подлые
„ мои противники, ободренные первымъ
„ успѣхомъ, распространяютъ свои зло-
„ умышленїя съ адскимъ искусствомъ, и
„ вскорѣ дерзаютъ явно обвинять меня
„ въ хищенїи; они дѣлаютъ исчисленїе
„ моимъ богатствамъ, говорятъ объ ото-
„ бранїи оныхъ въ казну Царскую; коры-
„ столюбїе *Дїонисїево* пробуждается, и
„ съ сего времени погибель моя стано-
„ вится неизбѣжна. Получивъ повелѣнїе
„ явиться къ суду, я прибылъ въ *Сира-*
„ *кузы* ночью, когда одинъ невольникъ
„ прибѣжавъ ко мнѣ безъ дыханїя, увѣ-
„ домляетъ меня, что домъ мой расхи-
„ щенъ, сокровища мои пограблены, и

„что новые любимцы раздѣляютъ уже
„между собою многочисленныя мои иму-
„щества. Какъ изобразить вамъ мое
„изумленіе? — Я хотѣлъ итти къ сво-
„ему другу и просить у него совѣта въ
„предстоящей опасности. — Куда идешь
„ты, нещастный *Пизикратъ?* вскричалъ
„невольникъ; этотъ другъ, о которомъ
„ты говоришь мнѣ, есть самый вели-
„чайшій врагъ твой; онъ занялъ твои
„должности; для пріобрѣтенія благо-
„склонности отъ черни, онъ предалъ
„домъ твой на расхищеніе; наконецъ
„онъ же сдѣланъ председателемъ суда,
„назначеннаго для разсмотрѣнія дѣлъ
„твоихъ, и вѣрно обвинитъ тебя. . . .
„О мой любезный господинъ! убѣжимъ
„изъ неблагодарнаго твоего отечества;
„я пойду за тобою всюду, куда злопо-
„лучіе направитъ стопы твои . . . Без-
„разсудно было бы подвергаться безъ нуж-
„ды видимой погибели; поносная смерть
„ожидаетъ тебя въ стѣнахъ *Сиракуз-*
„*скихъ*. . . . Убѣжимъ! повторяю я: по-
„вѣрь мнѣ, что не всегда тотъ бы-
„ваетъ нещастливъ, кто бѣденъ. . . Не
„будемъ терять драгоцѣннаго времени.
„Посланные отъ твоихъ злодѣевъ для
„погубленія твоего можетъ быть уже въ

„ пути ... может быть : .. о мой любезной господин! ... убѣжим! ... „ Наконец что скажу я вам, любезныя „ мои дѣти! Почти против воли моей „ увлеченный из нещастнаго моего отечества, я прибыль в оную долину, „ жилище честной бѣдности. Сей великодушный невольник, учинившийся моим другом, построил хижину, сдѣлал лодку, приобрѣл нам благосклонность сотоварищей нашего нещастия, и „ наконец удалось ему нечувствительно „ извлечь меня из мрачной безпечности, „ в коей я погружен был. Я ожил, „ подобно гордому кедру, которой, быв „ сокрушен громом, наконец отпускает нѣсколько слабых отраслей „ около разрушеннаго пня своего. — Мужайся, господин мой! говорил мнѣ „ иногда сей достойный смертный, видя „ в руках у меня заступ или весло: „ бѣдность ничего не значит, как ты „ сам видишь, когда сердце довольно; „ удовольствие достаточествовать для самаго себя стоит гордости принимать „ услуги. — Но рок не утомился еще „ гнать меня; невольник, друг мой, „ нашел себѣ прекрасную и добродѣтельную подругу; она обоим нам прино-

„ сила утѣшенiе, когда смерть похитила ее; она оставила намъ дочь; нещастный не долго жилъ послѣ сей потери; и такъ я остался одинъ, и долженъ былъ прилагать попеченiе о дочери достойныхъ друзей моихъ; сiя дочь есть *Исменiя.* — (*Исменiя проливала обильныя слезы.*) Любезная *Исменiя*! „ милая моя питомица! продолжалъ растроганной старецъ; ты имѣешь — я это вижу — сердце достойнаго отца твоего и прелести твоей матери. . . . О дѣти мои! — ибо я всѣхъ васъ равно люблю — сердца моего едва достаточно для потоковъ удовольствiя, которые напаяютъ оное. . . . Я былъ одинъ на землѣ, подобенъ тростнику пустыни; мнѣ нечего было противупоставить ударамъ рока, кромѣ слезъ моихъ и бѣлыхъ власовъ . . . Уже стопы мои касались гроба, готовившагося поглотить меня, и вдругъ . . . . (*онъ преклоняется на дѣтей своихъ, и обнимаетъ ихъ, орошая своими слезами.*) Поддержите меня, мои дѣти! . . . я пойду въ храмъ воздать благодаренiе богамъ за неожиданныя ихъ благодѣянiя . . . я упаду къ подножiю жертвенниковъ . . . я покрою ихъ бѣлыми вла-

„ сами моими . . . я омочу ихъ моими
„ слезами. . . , О любезныя дѣти мои!
„ пойдемъ! . . . „

По выходѣ изъ храма сїе щастливое семейство удалилось въ загородной домъ *Лизїаса*, дабы тамъ въ покоѣ наслаждаться блаженствомъ взаимной любви. . . Для чувствительной души прекрасная деревня есть храмъ самой любви; тамъ она распространяется; чувство, ее проницающее, разверзается и прїобрѣтаетъ оную силу, оное величество, которое не извѣстно въ задымленныхъ жилищахъ большихъ городовъ.

Сїяна не могла безъ живѣйшаго волненїя увидѣть сей страны, сего дома, сихъ садовъ, нѣкогда бывшихъ свидѣтелями ея тоски, а нынѣ ставшихъ содѣтелями ея благополучїя. Часто *Лизїасъ*, искавъ ее долгое время, находилъ у подножїя сего истукана, гдѣ въ первый разъ онъ объявилъ ей любовь свою. Едва усматривала она его издали, какъ уже стремилась въ его объятїя, съ нѣжностїю улыбалась ему, указывая на истуканъ, и слеза истекала изъ прекрасныхъ очей ея. . .

Можетъ быть *Лизїасъ* любилъ столько же, сколько былъ любимъ; но будучи

не такъ чувствителенъ, какъ супруга его, онъ скоро сдѣлался по прежнему вѣтренъ и веселъ. *Сїяна* не оскорблялась до отчаянїя, видя, что супругъ ея предавался сей веселости, которая столь прилична юности и прелестямъ, и становится столь смѣшною въ нѣкоторыхъ лѣтахъ. . . Она даже (*я упоминаю о семъ съ сожалѣнїемъ*) прощала ему нѣкоторыя невѣрности. . . . Я довольно щастлива, говорила она отцу своему, что еще могу прощать что нибудь — я, которая имѣла столько нужды въ снисхожденїи. .

Сїяна, супруга и мать, представляетъ еще знатное лице въ исторїи юной *Исменїи*. Я выдамъ ее въ свѣтъ, когда читатели удостоятъ снисходительнаго принятїя сей первый опытъ.

Конецъ третьей и послѣдней Книги.

